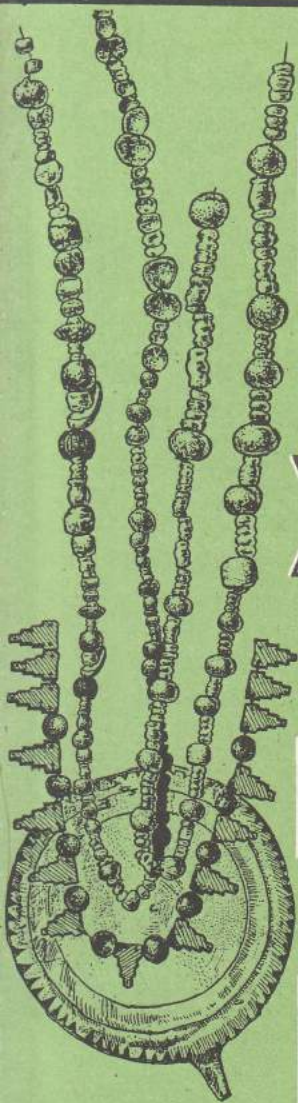

Н. П. МАТВЕЕВА

Ранний

железный

век

Приишимья

«НАУКА»
НОВОСИБИРСК

Н.П.МАТВЕЕВА

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ПРИИШИМЬЯ

Ответственный редактор член-корреспондент РАН
В.И. Молодин

ВО "НАУКА"
НОВОСИБИРСК
1994

Рецензенты

доктор исторических наук Т.Н. Троицкая
кандидат исторических наук А.Н. Багашев

Утверждено к печати
Институтом проблем освоения Севера

Матвеева Н.П.

М33 Ранний железный век Приишимья. — Новосибирск: ВО "Наука"
Сибирская издательская фирма, 1994. — 000 с.
ISBN 5-02-030769-6.

В монографии публикуются новые материалы из археологических исследований лесостепного и южно-таежного Приишимья, относящиеся к начальной поре и заключительному этапу раннего железного века, ранее мало изученным периодам древней истории этого региона Западной Сибири. Рассматриваются проблемы социально-экономического и историко-культурного развития приишимского населения I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э., в том числе вопросы хронологии, материальной культуры, хозяйственного общественного устройства, погребального обряда этнической принадлежности первобытных племен, анализируются связи с сопредельными территориями.

Книга рассчитана на археологов, этнографов, краеведов.

0504000000—042
М 042(02)—94 49—94 II полугодие

ISBN 5—02—030769—6

© Н.П. Матвеева, 1994
© Российская Академия наук, 1994

ВВЕДЕНИЕ

Ранний железный век в истории народов Западной Сибири был эпохой величайших перемен. Миграции племен, образование военно-политических союзов, новые достижения в хозяйстве, ремеслах, военном деле изменили этническую карту расселения народов, дали начало новым археологическим культурам. Данная работа посвящена изучению этнокультурных процессов раннего железного века в одном из районов Западно-Сибирской равнины — лесостепном и подтаежном Приишимье в пределах среднего и нижнего течения р. Ишим.

Схема историко-культурного развития этого района является плодом изысканий нескольких поколений археологов. Самые первые сведения о находках в бассейне р. Ишима исходят от членов академических экспедиций Г.Ф. Миллера [1937], Ф.И. Страленберга, П.С. Палласа, И.И. Лепехина. Отметим, что особенно подробные наблюдения о размещении курганов и деятельности "бугровщиков" оставил П.С. Паллас. "Многие сказывают, — писал он о Приишимье, — что земли сии потому только так многолюдны стали, что жители соседственных уже издавна населенных областей слыша пользу, какую другие при взрытии могил находили, за оною сюда перейти похотелись да притом и не ошиблись, потому что сверх всего нашли и плодородную землю, и прекрасные луга, и рыбкою богатые ручьи и озера, и столько места, сколько каждому потребно было. Здесь почти и самой последней курган не остался в целости... Сказывают, что в здешних могилах нередко находили около головы и груди плющенное золото и серебро..." [Паллас, 1786, с. 87, 88]. "...Весьма ясно видно, — продолжал ученый, — что народы, кои древле в сих странах обитали, и умерших своих под такими земляными курганами погребали, для таковых гробниц наиприятнейшие, а потому и западной возвышенной берег Ишима могилами наполнен, которых на восточном берегу и далее даже до Иртыша по нестоль возвышенной и холмоватой Абацкой степи почти нигде не видно" [Паллас, 1786, с. 92, 93].

В XIX в. с развитием местного краеведения и открытием Тобольского краеведческого музея начались первые раскопки и сборы древних вещей. Активными сотрудниками его были крестьяне Усовы из Каргалинской волости (ныне Викуловский район Тюменской области). Например, П.С. Усов передал в музей и Археологическую комиссию большое количество находок из курганов и поселений Приишимья, в том числе ряд богатых комплексов [Талицкая, 1953, с. 270, 328, 329]. Но планомерное целенаправленное археологическое изучение Приишимья было организовано лишь в 60-е годы нашего столетия. Пионерами этих исследований стали В.Ф. Генинг, Д.А. Голдина, Г.Б. и С.Я. Здановичи, В.В. Евдокимов, М.Г. Мошкова, Е.В. Стоянов. В первой половине 60-х годов были открыты десятки памятников, проведены раскопки Абатского-1, Лихачевского-1, Фоминцевского

ББК 63.4

куранных могильников, в частности городища [Генинг, 1969; Генинг, 1972; Стоянов, 1987; Генинг, Корякова, 1985; Мошкова, Генинг, 1972; Стоянов, 1969].

В дальнейшем свои работы Уральская археологическая экспедиция перенесла в Прииртышье. В 1970 г. Л.Л. Косинской велись исследования на грунтовом могильнике Ир-1 [Косинская, 1974] одновременно с раскопками неолитической стоянки. С 1976 г. в археологическом изучении Приишимья принимает участие экспедиция Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника под руководством И.А. Сыркиной. Она провела разведку и раскопки городища Борки-1 и поселения Усть-Барсук [Сыркина, 1980; 1981].

Кроме того, ряд интереснейших памятников в Ишимской лесостепи исследуется Северо-Казахстанской археологической экспедицией. Это Борки-1, Борки-2, городище Ак-Тау близ Петропавловска, раскопанные М.К. Хабдулиной [1976, 1989, 1985], поселение Карлуга-1, могильник Явленка-1, раскопанный Г.Б. Здановичем [1969], и др.

В 80-е годы в долине Ишима и озерном Вагай-Ишимском междуречье работали экспедиции Тюменского университета под руководством А.В. Матвеева, Н.П. Матвеевой, А.Н. Панфилова, Е.М. Зах, С.Ю. Затонской, В.Н. Качалкина, а в 1990—1992 гг. — экспедиции Института проблем освоения Севера СО РАН под руководством В.А. Заха и А.Н. Панфилова. Благодаря этим исследованиям в число важнейших источников по раннему железному веку можно включить Абатский-3 и Кокуйский-3 могильники [Матвеева, 1991а], городище Ефимово-1 [Матвеев, Горелов, 1993], поселение Боровлянка-2 [Панфилов, Е.М. Зах, В.А. Зах, 1991]. В 1989 г. в связи со строительством газопровода Н.П. Матвеевой был полностью доследован могильник саргатской культуры Абатский-1 [Матвеева, 1993а].

Таким образом, преимущественно в последнее тридцатилетие накоплен большой и чрезвычайно интересный материал по раннему железному веку лесостепного и подтаежного Приишимья. Теоретический вклад в его осмысление связан с именами В.Н. Чернецова [1953], В.Ф. Генинга, В.Е. Стоянова [1969а, 1970], В.А. Могильникова [1970, 1972б, 1990], Л.Н. Коряковой [1988] и Е.М. Данченко [1991], использовавших данные о памятниках Приишимья в своих историко-культурных построениях.

Несмотря на некоторые различия в схемах развития древней культуры Приишимья у разных исследователей, на основе этих изысканий можно констатировать, что переходный период от бронзового к железному веку связан с угасанием бархатовской и сузгунской культур и кратковременным вторжением красноозерского населения в этот район [Косарев, 1984, с. 4; Корочкова, 1987, с. 25; Корякова, 1991, с. 22]. Степень локального своеобразия ишимских “крестовых” комплексов (карьковских) и роль их в сложении местных культур начального этапа раннего железного века пока недостаточно ясны. О.Н. Корочкова, В.А. Зах, Е.М. Зах и А.Н. Панфилов считают, что здесь имело место смешение местных бархатовской и сузгунской традиций при участии ирменской и пришлой северной культур, носителями которых были племена, родственные расселившимся в Прииртышье [Корочкова, 1987, с. 25], что привело к формированию красноозерской культуры в этой зоне [Панфилов, Е.М. Зах, В.А. Зах, 1991, с. 44], определившей затем характер культурного развития в последующие столетия.

Ряд других исследователей полагают, что вторжение чуждых в этнокультурном отношении племен способствовало трансформации местных археологических культур, но серьезно не повлияло на автохтонное развитие. На основе бархатовской культуры в лесостепи складывается в VII—VI вв. до н.э. баитовская [Стоянов, 1970, с. 251, Матвеева, 1989а, с. 98], а на основе сузгунской — в подтаежной зоне журавлевские комплексы богот

ишской культуры [Могильников, Данченко, Труфанов, 1991, с. 217]. Обеспеченности зрения нуждаются в дополнительной аргументации, так как памятников переходного периода исследовано мало и многие стороны этого процесса остаются неизученными: хозяйство, погребальный обряд, антропологический состав населения и т.д. Большой интерес представляет изучение причин и механизма трансформации культур поздней бронзы, а также генезиса этнокультурных образований раннего железного века.

Ведущую роль в историко-культурных процессах, происходивших в Приишимье в эпоху раннего железа, как и в целом в западно-сибирской лесостепи, играла саргатская культура. Ее носители расселялись в этом ареале почти в течение целого тысячелетия, они оставили большое количество памятников. Высокий уровень развития экономики, материальной и духовной культуры, сложность общественного устройства, активное взаимодействие с населением сопредельных территорий делают изучение саргатской общности одной из актуальных задач сибирской археологии.

В особенности важную и малоразработанную проблему представляет сложение саргатского феномена, ярко проявившегося в уже зрелом виде в конце VI—V вв. до н.э. в Прииртышье, Барабе, на северо-востоке Казахстана и в течение одного века распространившегося на огромную территорию, прежде занятую другими археологическими культурами. Весь спектр мнений по этому вопросу, как уже отмечалось [Бельтикова, Борзунов, Корякова, 1991, с. 10], сводится к двум основным версиям — “широкой” и “узкой”, в соответствии с которыми саргатская культура формируется постепенно на всей территории (В.А. Могильников, Л.Н. Корякова, Н.В. Полосьмак, А.Я. Труфанов) либо в восточной половине ареала, а затем распространяется на запад (В.Е. Стоянов, Н.П. Матвеева). К сожалению, материалов для решения этой проблемы явно недостаточно, и источники VII—V вв. до н.э. в Приишимье могли бы иметь чрезвычайно важное значение. Поиск и открытие таких памятников весьма актуальны.

Благодаря работам Л.Н. Коряковой [1977, 1988], В.А. Могильникова [1972 а, б и др.], Н.В. Полосьмак [1987], Л.И. Погодина [1988] и других исследователей мы хорошо представляем материальную культуру и погребальный обряд саргатских племен. Это, в свою очередь, позволяет ставить новые задачи в изучении демографии, социально-экономической истории, развитии архитектуры, хозяйства, торговли и ремесел; быта, структуры общества; мировоззрения и искусства.

Проблема исторических судеб саргатского населения важна с позиций формирования средневековых культур, так и вклада в этническую историю коренных народов Западной Сибири. Важна она и в поиске прародины древних венгров, с которыми часть археологов связывает саргатскую культуру [Чернецов, 1953; Халикова, 1976; Могильников, 1972б]. Некоторые аспекты этой проблематики могут быть рассмотрены на примере взаимодействия саргатских, кашинских и прыговских комплексов первой половины тысячелетия н.э.

В данной монографии автор стремился ввести в научный оборот новые источники из раскопок последних лет в лесостепном Приишимье и, обобщив накопленные на сегодняшний день материалы по раннему железному веку, на основе их анализа вернуться к ряду актуальных вопросов. Не все из них могут быть сегодня решены, но автор надеется, что публикация и анализ новых представительных источников послужат дальнейшему изучению древней истории региона.

Выражаю искреннюю благодарность А.Н.Багашеву и В.А.Дремову, палеоантропологическими определениями которых я пользовалась, а также А. Косинцеву, произведшему остеологические анализы.

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
В ПРИИШИМЬЕ

Памятники начального этапа раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи были впервые систематизированы в 1969 г. В.Е. Стояновым [1969а, с. 60]. Вначале он выделил два культурных типа: носиловский и баитовский, а затем три локальные группы: носиловскую, лихачевскую и борковскую. Позднее им высказано предположение о возможности объединения их в одну археологическую культуру — баитовскую [1970, с. 252].

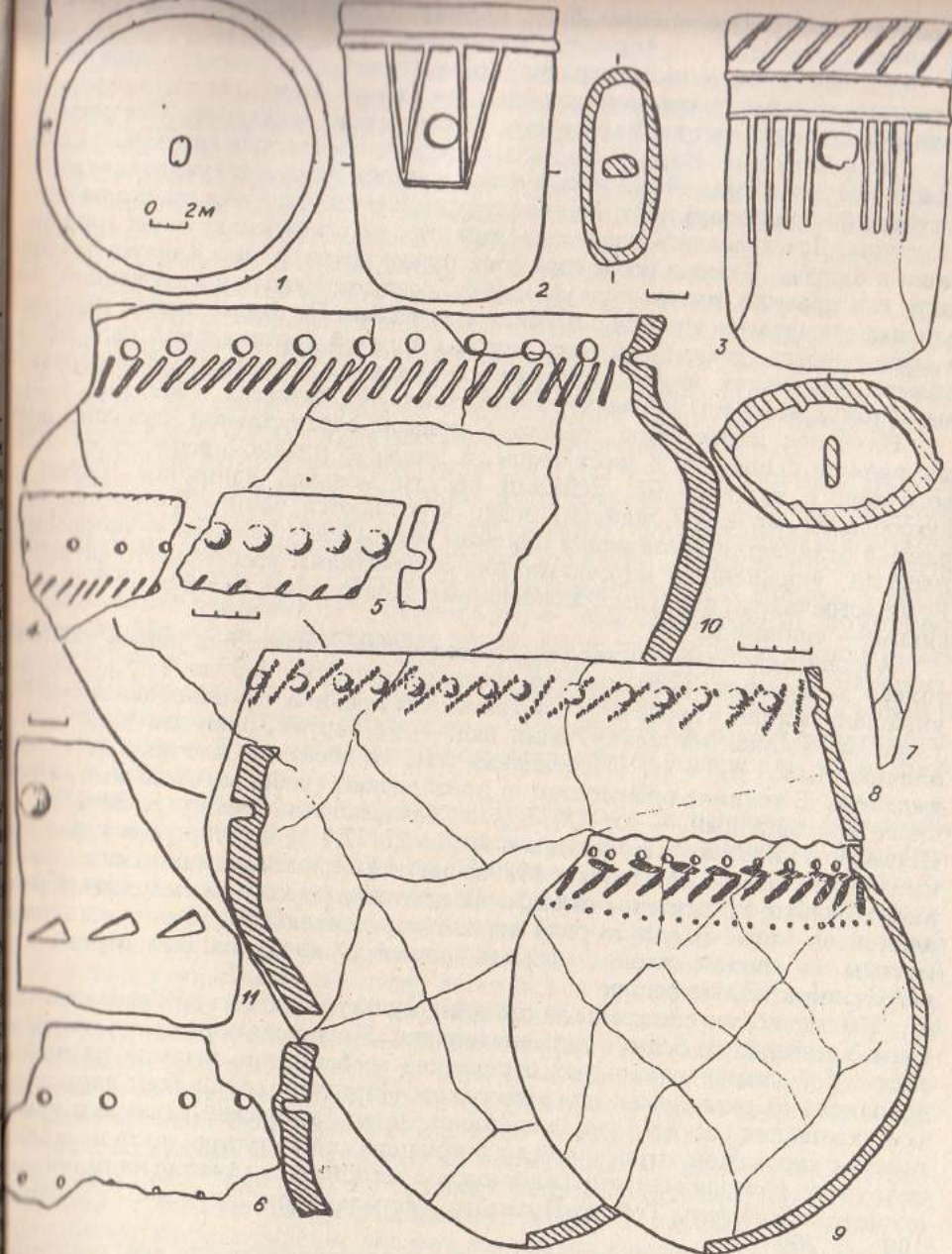
Развернутый же анализ культуры долго был невозможен из-за недостаточной исследованности памятников: подавляющее большинство их было известно лишь по сборам и разведкам. Погребения отсутствовали, а комплексы, происходящие из стационарных раскопок, в основном были выделены типологически. Лишь два городища — Носиловское и Лихачевское — имели культурный слой и остатки сооружений с керамикой баитовской культуры. Общее число памятников насчитывалось чуть более 50 [Стоянов, 1972, с. 128].

В настоящее время источниковая база для изучения баитовской культуры выросла в два раза, памятников насчитывается около полутора сотен, и по-прежнему значительно лучше исследована западная часть ареала — Притоболье, локальные же особенности приишимских памятников выявлены недостаточно.

Погребальный обряд до сего времени остается практически неизвестным. Единственное захоронение обнаружено пока лишь в междуречье Тобола и Ишима: это курган Крутое Озеро, исследованный нами в 1984 г. Разграбленное погребение находилось в неглубокой овальной яме, ориентированной по линии север—юг, и было окружено рвом, ограничивающим округлую площадку диаметром 16 м. В заполнении могилы, рва и под насыпью найдены баитовская керамика и бронзовый овальный в сечении с валиковым орнаментом втульчатый кельт (рис. 1, 1, 2, 4, 5).

Памятники баитовской культуры представлены почти исключительно поселениями, и на сегодняшний день в долине Ишима их известно более 100. Они располагаются обычно на краю первой или второй надпойменных террас Ишима, его притоков, на берегах озер. В целом они находятся на высоте 4—5 м и более над уровнем поймы, что говорит о достаточно высокой увлажненности в начальную пору раннего железного века. Эти наблюдения находят подтверждение в топографии синхронных поселений в лесостепи Зауралья [Сальников, 1967, с. 348, 350], лесостепи Западной Сибири [Зинович, 1973, с. 43] и южной тайги [Косарев, 1974, с. 36—38].

По площади поселения обычно невелики, в среднем их размеры составляют 11—12 тыс. м². Культурный слой имеет небольшую мощность — 0,2—0,4 м и сравнительно светлую окраску, слабо насыщен находками.

1. План кургана Крутое Озеро (1) и предметы баитовской культуры с памятников лесостепного Приишмья (2—11).
2, 4, 5 — Крутое Озеро; 3 — Кош — Карагай; 6, 10, 11 — Тюлешов Бор; 7—9 — Карлуга-1.
2, 3 — бронза; 7 — кость; 4—6, 8—11 — глина.

Жилища, принадлежащие ко времени баитовской культуры, в основном наземные, имеют каркасно-столбовую конструкцию, углублены на 0,2—0,8 м и делятся на однокамерные и двухкамерные. На поселении

Карлуга-1 постройки, видимо, были срубными, судя по отсутствию столбов [Зданович, Набоков — Архивные материалы (АМ), л. 20].

Керамика достаточно однородна и своеобразна, легко вычленяется типологически из комплексов многослойных поселений. Наиболее выразительны керамические коллекции Узловского, Лихачевского поселений, Пеганово-1 Карлуги и Борков-2. Найденная здесь посуда изготовлялась вручную из глиняного теста с обильной примесью песка и имела шероховатую поверхность и тусклый коричневый цвет. Мелкие сосудики выдавливались просто из комка глины. Вся керамика подразделяется на три основные группы: горшки, чаши и блюда. Блюда встречены пока только на поселении Карлуга-1. Горшки, как правило, имеют низкую шейку, раздутое тулово и круглое дно, изредка попадаются горшки с плоскими днищами. По форме шейки горшки в свою очередь, делятся на пять типов: с прямой вертикальной шейкой; с прямой наклонной наружу; с дугообразно выгнутой шейкой; с прямой наклонной внутрь; с дугообразно выгнутой шейкой; с вогнутой [Стоянов, 1969б, табл. 31; Матвеева, 1989, рис. 4, 5].

Наиболее характерны горшки с прямой вертикальной шейкой, они составляют около 40 % всех форм, а также с плавным профилированным вогнутой; с наклонными шейками посуды меньше, единичны сосуды дугообразно выгнутой шейкой, редко встречаются чаши. Байтовская керамика отличается устойчивым приемом оформления венчика — он обычно плоский, украшенный насечками или отпечатками гребенчатого штампа. Реже встречаются округлые, а скошенные заостренные, отогнутые, с карнизом — единичны.

Абсолютное большинство сосудов орнаментировано. Без узоров найдены только небольшая часть посуды, составляющая от 2,3 до 8 %. Сосуды украшались лишь в своей верхней трети. Как правило, один или два элемента узора наносились на шейку, один ряд — на бортик, один-два ряда — на плечико (рис. 1, 6, 8—10). Переходная зона от шейки к плечу не всегда выделена. В технике орнаментации преобладают гребенчатый штамп, в том числе протасненный, — от 18,3 % на Узловском поселении до 81,7 % на Пеганово-1, а также жемчужины и ямки. До 79,7 % всех сосудов украшены на Пеганово-1 [Матвеева, 1989а, рис. 4]. Причем на ишимских памятниках больше встречается ямок, а на притобольских — жемчужин. Среди элементов узора ведущую роль играют горизонтальные линии, остальные мотивы — зигзаг, елочка, ромбы, решетка, параллельные отрезки встречаются весьма редко.

По сравнению с керамикой соседних культур байтовская очень стандартна и чрезвычайно бедно орнаментирована. В основном орнамент представляет собой пояс наклонных отпечатков гребенчатого штампа на шейке, дополненный рядом ямок или жемчужин. Часто они составляют единственное украшение сосуда. Определенное сходство байтовской керамики проследится с керамикой, относящейся к богочановской культуре, но только одной ее группы, которая явно выражает южное лесостепное влияние на гончарское производство южно-таежной зоны Тоболо-Иртышья [Могильников, Данченко, Труфанов, 1991, с. 209].

Инвентарь байтовских поселений немногочислен ввиду краткосрочности обитания населения. В основном это железные черешковые ножи с прямыми спинкой, керамические лепные и точеные из черепков пряслица, скребки, обломки посуды, точильные камни. На поселении Карлуга-1 встречаются орнаментированные керамические крышки для сосудов, черешковый костяной наконечник стрелы ромбической формы (рис. 1, 7), обломок копья. Особенностью вещевого комплекса этого памятника являются набор кремневых скребков и наконечников стрел, кремневые сколы и обломки обработанных каменных орудий, указывающие на развитую камнеобработку.

Скребки изготавливались на отщепах, наконечники стрел имеют треугольную форму, ретушированы с двух сторон, с выемкой у основания.

Ближайшие аналоги находок находим в инвентаре Носиловского городища и памятниках гамаюнской культуры, характеризующихся пережиточными формами каменных орудий. Как свидетельство развитой металлообработки интересны три бронзовых кельта из кургана Крутое Озеро, Лихачевского городища и Кош-Карагая (рис. 1, 3), а также литейная форма такого кельта из Карлуги-1. Они относятся ко II группе западно-сибирского типа: втульчатые с перегордкой во втулке, шестигранные либо овальные в сечении, с валиковым орнаментом, датируются VII—IV вв. до н.э.

Ареал байтовской культуры в целом довольно точно очерчен В.Е. Стояновым [1970, с. 240, 242], и сплошные археологические разведки последних лет подтвердили его вывод. Байтовские памятники занимают лесостепную часть Тоболо-Ишимья, включая на юге Северный Казахстан южнее Петропавловска. На севере и востоке в зоне южной тайги они соседствуют с близкими им по облику памятниками богочановской культуры.

Основным субстратом байтовской культуры был бархатовский [Матвеева, 1989а]. Но, вероятно, некоторое локальное своеобразие приишимских комплексов, в частности высокую долю ямочных узоров, можно связывать с влиянием на этой территории сузгунской культуры, проявившимся в распространении сузгунских памятников значительно южнее г. Ишима, а также в орнаментике керамики из Чупино и Кучум-Горы. По-видимому, вторжение в долину Ишима и краткосрочное проживание там красноозерского населения [Генинг, Евдокимов, 1969; Матвеев, Горелов, 1993; Матвеева, 1991б; Панфилов, Зах Е.М., Зах В.А., 1991], чуждого по происхождению и хозяйственным занятиям, существенно не повлияло на развитие автохтонного населения. Быстрое исчезновение пришельцев говорит об их истреблении и ассимиляции.

Хронология байтовской культуры нуждается в дальнейшем уточнении на основе исследования радиоуглеродных дат и в пополнении вещевого комплекса датирующих предметов. На сегодняшний день мы располагаем небольшим числом датирующих вещей и фактов, относящихся преимущественно к притобольской части ареала, где байтовская культура достоверно занимает лауну между бархатовской и саргатской, оказываясь синхронной с кукульской и воробьевскому этапу гороховской культуры [Стоянов, 1969а, 1969б; Матвеева, 1989а, с. 99]. В Приишимье культурная стратиграфия раннего железного века в целом аналогична притобольской, поэтому байтовским памятникам следует отвести период между позднебронзовыми комплексами типа поселений Чупино и Кучум-Горы, с одной стороны, и саргатскими времени Фоминцевских курганов — с другой.

Малоисследованность байтовских памятников и бедность их находок затрудняет выявление культурных связей. Найденные орудия труда относятся к широко распространенным типам, а украшения, наоборот, своеобразны и представлены, видимо, местными изделиями. Предметы вооружения представляют вид, хорошо известный в скифо-савроматской среде, демонстрируют принадлежность байтовской культуры к лесостепной периферии скифо-сибирской общности.

Байтовская культура просуществовала в лесостепном Тоболо-Ишимье около четверти тысячелетия (вторая четверть I тыс. до н.э.). Появившиеся затем на Исети и Тоболе гороховцы начали теснить байтовское население с запада, что нашло отражение в стратиграфии памятников типа Носиловского городища. Несколько позднее в Приишимье и Притоболье с востока приходят саргатские племена. Они сменяют байтовское население, что видно по

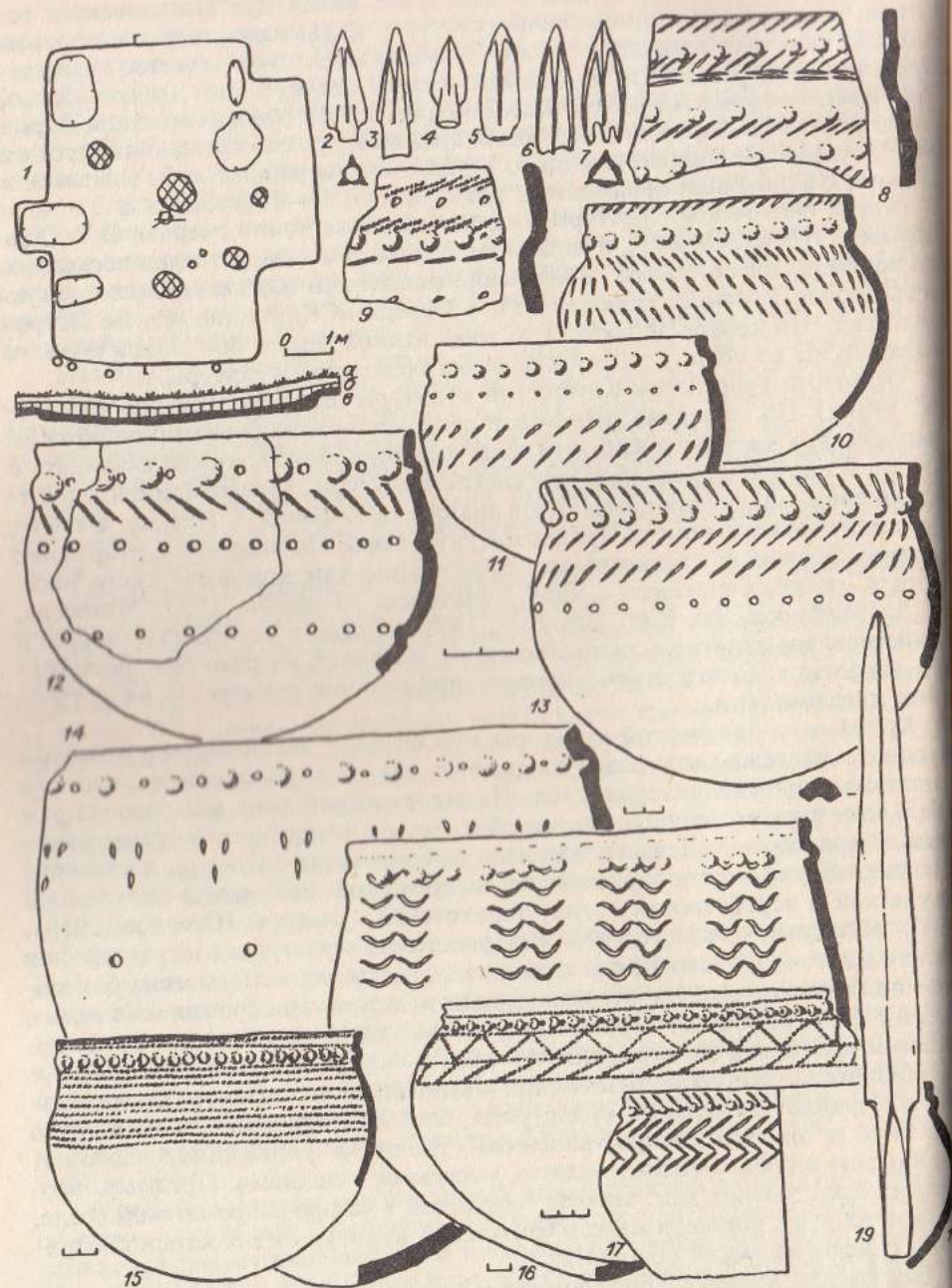

Рис. 2. Комплексы начальной поры раннего железного века в подтаежном Приишимье. План и разрез жилища поселения Борки-1 (1): а — дерново-гумусный слой; б — темно-серая супесь; в — светло-серая супесь. Инвентарь из памятников Борки-1 (2—9); Боровлянка-2 (10—15); Серебрянка-3 (14, 15); Затон (16—19).
2—7 — бронза; 8—18 — глина; 19 — кость.

стратиграфии уэловского поселения, городищ Лихачевское и Тюлешов Бор-6. Возможно, что часть бантовских племен была оттеснена на север, в южную тайгу и послужила основой формирования там кашинской культуры.

Контактную зону Нижнего Приишмья в начале эпохи раннего железного века занимало иное этнокультурное образование, сложившееся в тасжном Прииртышье, — богочановская культура. К ней относятся городище Борки-1 [Сыркина, 1980, с. 237], поселения Боровлянка-2, Серебрянка-3 [Панфилов, Зах Е.М., Зах В.А., 1991, с. 46—47], Михайловка-1, 2, а также ряд памятников долины Иртыша, включая участки устьев рек Вагай, Тара, Тобол [Могильников, Данченко, Труфанов, 1991, с. 218]. Начало формирования богочановской культуры следует связывать с памятниками журавлевского типа VII—VI вв. до н.э. В Приишимье яркие журавлевские комплексы исследованы на городище Борки-1 И.А. Сыркиной и на поселении Боровлянка-2 А.Н. Панфиловым. На первом обнаружены небольшие подквадратные и прямоугольные жилища-полуземлянки площадью 25—50 м² с очагами-кострищами и хозяйственными ямами в полу (рис. 2, 1), на втором — остатки легких наземных построек в виде ям, прокалов и скоплений керамики и утвари.

Посуда имеет горшковидную и баночную форму. Горшки имеют прямую или дугообразно выгнутую шейку, хорошо заглажены. Они украшены в верхней части плотными рядами отпечатков гребенчатого штампа, ямок, жемчужин, лунок, насечек (рис. 2, 8—18). Из датированных вещей отметим бронзовый нож с петелькой в рукояти, прямой однолезвийный, датированный VII—VI вв. до н.э., с Боровлянки-2, бронзовые трехлопастные со скрытой и выступающей втулкой и шипами наконечники стрел с Борков-1, совместно бытующие в VI—IV вв. до н.э. (рис. 2, 2—7). Относительно генезиса памятников журавлевского типа следует согласиться с их первооткрывателем А.Я. Труфановым, считающим, что они оставлены потомками сузгунского населения, незначительно подвергнувшегося воздействию красноозерцев [Могильников, Данченко, Труфанов, 1991, с. 217].

В дальнейшем под влиянием кулайцев (на васюганском и саровском этапах) и отчасти саргатцев, на базе журавлевского типа сформировался богочановский тип, многокомпонентный, но достаточно интегрированный и устойчивый. По-видимому, он отражает существование этнокультурной общности, включившей комплексы самодийского и угорского генезиса с преобладанием самодийского. Принимая датировку, предложенную Е.М. Данченко для памятников богочановской культуры в целом, отметим, что их бытование в Нижнем Приишимье на протяжении всего периода V—II вв. до н.э. пока не доказано. Ввиду устойчивых контактов богочановцев с носителями кашинских традиций, зафиксированных по памятникам Ст. Погост, Кип-4, Затон, Михайловское городище, можно предполагать сначала чересполосное расселение их в устьях Ишима и Вагая, а затем вытеснение в конце I тыс. до н.э. первыми вторыми, судя по поздним контактам саргатцев с кашинским населением.

1. ПАМЯТНИКИ

Моги́льник Абатский-1

Курганный моги́льник Абатский-1 располагается на северном берегу оз. Моги́льного в 6 км к северо-востоку от д. Тушнолобово в Абатском районе Тюменской области (рис. 3). Памятник приурочен к левому коренному берегу р. Ишима и занимает самый возвышенный участок террасы (высотой 13 м от уровня озера). Сейчас по площади моги́льника проходит шоссе Тюмень—Омск, а ранее здесь пролегал Сибирский тракт.

Впервые памятник описал П.С. Паллас во время своего путешествия по Сибири в 1770 г. Он отмечал, что от д. Тушнолобово мимо озера Няшина «...ведет дорога опять на открытую возвышенную степь, имеющую бесчисленное множество больших и малых моги́льных курганов, между коими в самом начале находится примечания достойный насыпной вал, более сорока саженей на ровном месте в длину имеющий, без рвов, которой на каждом конце оканчивается большим моги́льным курганом, простираясь от юго-запада к северо-востоку. От сей насыпи к востоку стоят рядом еще десять до двенадцати весьма великих и множество маленьких моги́льных курганов почти все рядом, сначала один от другого в 15 до 30, а далее в 80 до 100 саженей отстоящие. Сие моги́льными насыпями наполненное высокое и сухое поле ведет к той низменности, по которому течет Вавилонский исток, и ко по тому Вугорным Займищем называется» [Паллас, 1786, с. 92].

В дальнейшем площадь моги́льника распаивалась, и он был в значительной мере разрушен. Вторично памятник был осмотрен почти через 200 лет разведгруппой Уральской археологической экспедиции под руководством Р.Д. Голдиной и М.К. Поздняковой, проводившими обследование среднего течения р. Ишим в 1963 г. Здесь ими было отмечено только пять распаиванных курганов, самый большой из которых достигал в высоту 1,5 м и имел диаметр 40 м [Генинг — АМ]. Располагались они неровной цепочкой на протяжении 250 м по линии юго-север—северо-восток. Два кургана — 1-й и 2-й, находившиеся ближе всего к дороге, в том же 1963 г. были исследованы М.Г. Мошковой [Мошкова — АМ]. Выяснилось, что моги́льник относится к саргатской культуре и датируется II в. до н.э. — I в. н.э. Материалы раскопок были опубликованы [Мошкова, Генинг, 1972].

В 1989 г., в связи с прокладкой газопровода в охранной зоне оставшихся курганов, исследования были продолжены Н.П. Матвеевой.

Перед началом работы были проведены инструментальная съемка местности и сравнение его со схемой расположения курганов, составленной в 1963 г. По левую сторону шоссе близ ЛЭП и газопровода обнаружены только два объекта, получившие номера 3 и 4. Третий объект был расположен по правую сторону шоссе, на расстоянии 700 м от ядра группы (№ 5). Все они были исследованы. На пашне к северу и северо-востоку от кургана были заметны еще какие-то всхолмления, показанные на плане пунктиром (рис. 3). Трудно сказать, являются ли они остатками других насыпей, замеченных разведчиками в 1963 г., или следами земляных куч, оставшихся на поле после выкорчевывания березовых колков. Объект, помеченный

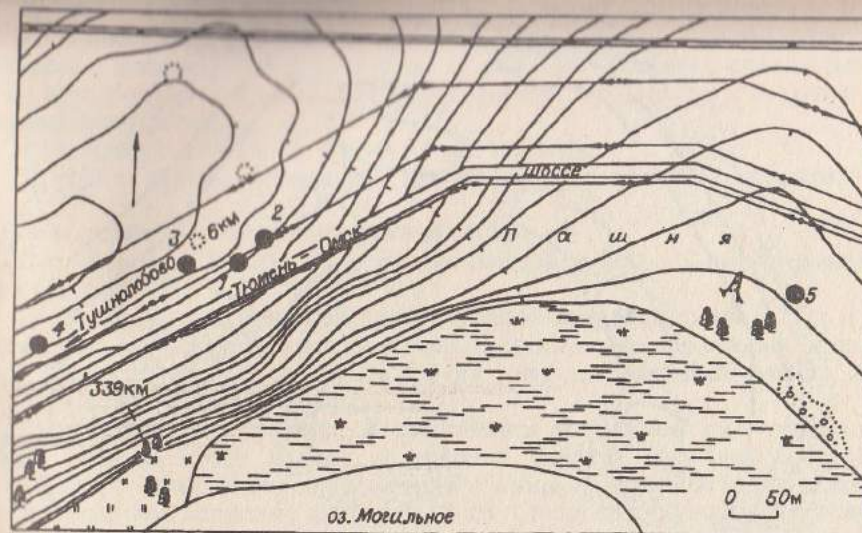

Рис. 3. План моги́льника Абатский-1. Горизонталы через 1 м. Цифры соответствуют номерам курганов.

пунктиром в непосредственной близости от кургана 3, был обозначен как самая маленькая насыпь моги́льника на плане 1963 г., но нами не найден. Поскольку съемка проводилась в июне, во время всходов зерновых, выявить мелкие детали рельефа было невозможно.

Судя по характеру обнаруженных в 1963 и 1989 гг. погребений и инвентаря, можно заключить, что моги́льник раннего железного века удалось изучить целиком, а существовавшие в прошлом малые насыпи, вероятно, относились к эпохе поздней бронзы. Отдельные погребения бронзового века, развалы сосудов, черепки обнаружены в курганах 1, 2 [Мошкова, Генинг, 1972] и 5.

Описание погребальных сооружений

Курган-3 (р и с. 4)

Насыпь кургана была едва видна на поверхности пашни, высота ее составляла 0,2 м, диаметр — 20 м. Погребальное сооружение исследовано полностью. Подкурганная площадка диаметром 17 м содержала 11 захоронений. Они были окружены замкнутым многоугольным рвом шириной 0,7—1,0 м и глубиной 0,2—0,4 м от уровня материка. Выкид из него был сделан наружу и представлял собой кольцевой прерывистый валик желтого углинка шириной 0,7—1,2 м. Глубина рва колеблется. В северной части прослежен уступчатый рельеф дна, явно оставленный при углублении, связанном с вводом новых захоронений с этой стороны. Стенки рва — отвесные или слегка наклонные. Внутри с западной стороны двумя скоплениями обнаружены кости животных, в числе которых были лопатка лошади и зубы мелкого рогатого скота. Это очевидно, следы поминок.

Моги́лы образуют замкнутый круг вокруг центрального захоронения. Планиграфия их четкая, нигде не нарушенная. Только погребение 7 попорожено в южном конце овальной ямы, ориентированной перпендикулярно ему, поскольку в этих двух углублениях были остатки только одного скелета, следует считать эту яму грабительской.

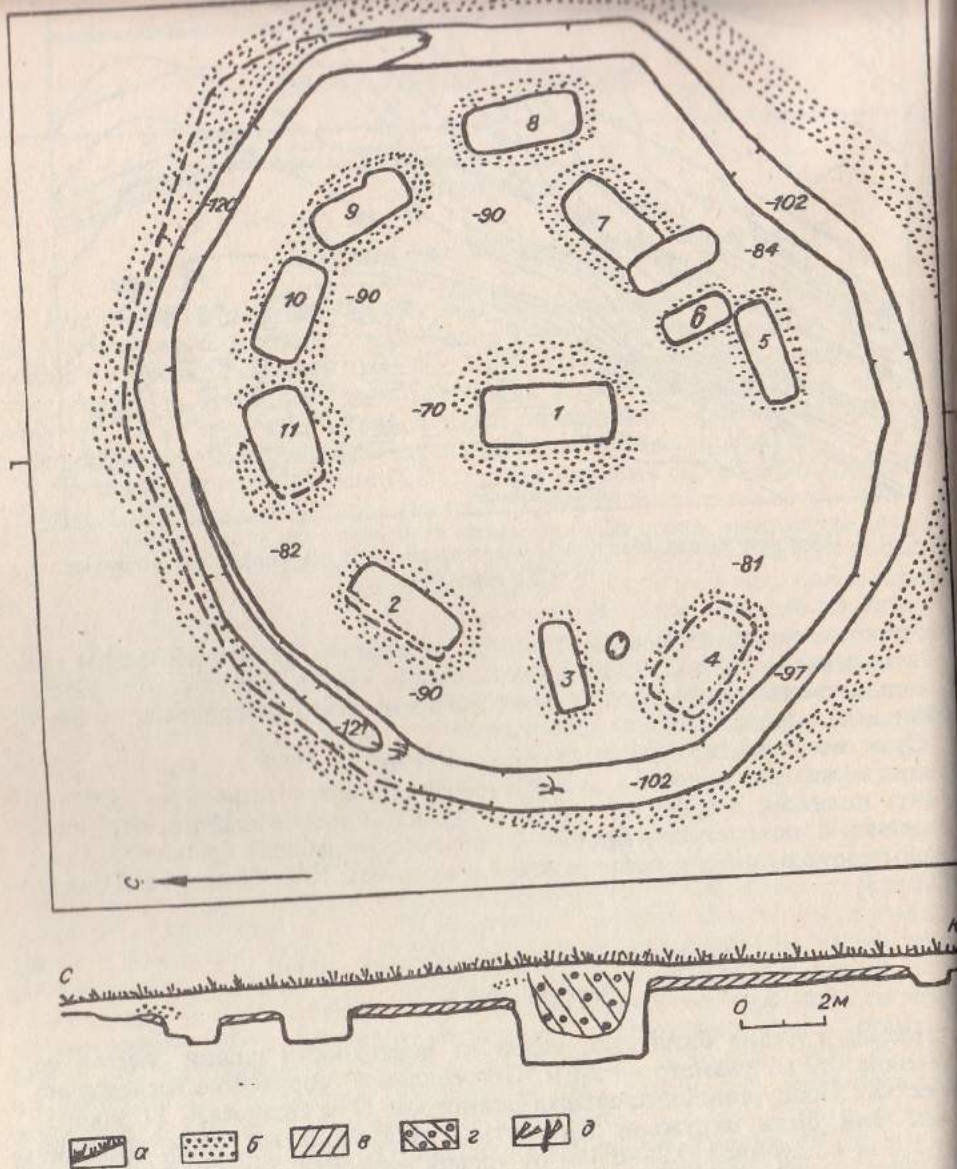

Рис. 4. План и разрез кург. 3 могильника Абатский-1.

а — насыпь; б — выброс; в — погребенная почва; г — земля, мешанная с суглинком; д — кости животных

Интересно отметить, что покойники располагались в западной половине кургана головами по часовой стрелке, а в восточной против.

Стратиграфия кургана 3 (рис. 4):

- 1) пахотный слой (черная супесь) — 0,25—0,3 м;
- 2) темно-серая супесь — остаток насыпи кургана, мощность 0,1—0,35 м;

3) серая плотная супесь — погребенная почва, имеет толщину 0,18—0,2 м. За пределами рва на ряде участков отсутствовала, что зафиксировано в разрезе с южной и северной сторон от рва. Это говорит о снятии пластов дерна при сооружении насыпи на пространстве, находящемся вокруг погребального сооружения;

4) желтый суглинок — выкид из рва и могил;

5) черная земля, мешанная с суглинком — заполнение грабительских ям;

6) материк — желтый плотный суглинок.

Погребение 1 (рис. 5, 3) — центральное в кургане. Ориентировано по линии север—юг.

Располагалось в обширной прямоугольной яме размерами 3,15 × 1,6 м и глубиной 1,4 м. Вдоль западной стенки прослежено заплечико шириной 0,28—0,3 м на высоте 0,7 м от уровня материка. Стенки могилы слабо наклонные, почти отвесные.

Захоронение разграблено. В заполнении могильной ямы найдены на разной глубине кости далеко не полного скелета мужчины в возрасте 40—50 лет, обломки нижней челюсти, ключицы, фрагменты тазовых костей, малая и большая берцовые кости, фаланги. Среди них обнаружены обломки изделия из рога, в северо-восточном углу — сломанный роговой двудырчатый псалей (рис. 4, 4), по центру были хаотично разбросаны черепки раздавленного сосуда. В заполнении могилы найден также железный нож с деревянной рукояткой (рис. 4, 5). На глубине 185 см зафиксировано пятно прокала, очевидно, это часть более обширной линзы, располагавшейся первоначально над могилой. Появление ее в разграбленном захоронении может объясняться действиями «бугровщиков», разогревавших землю костром перед началом раскопок. У восточной стенки в положении, близком *in situ*, найдены кости птицы, барсука, а также череп, пясть, плюсна, фаланги шестимесячного теленка. Они были засыпаны обвалом стенки.

Погребение 2 (рис. 5, 10) располагалось в северо-западном секторе кургана. Могильная яма имела прямоугольную форму со скругленными углами, размеры 2,8 × 1,2 м, глубину 0,85 м. Ориентировано по линии северо-восток—юго-запад. Захоронение заполнено мешаной землей. При разборке выяснилось, что оно полностью разграблено.

Вдоль всех четырех сторон ямы имелись заплечики, зафиксированные на глубине 0,18 м от ее края. С северо-западной стороны они шире и достигают 0,3 м, с других сторон уже — до 0,08—0,1 м. Вдоль юго-восточной стенки на заплечиках сохранились остатки продольного настила. Длина погребальной камеры 2,5 м, ширина 0,85 м, глубина от уровня заплечиков 0,7 м.

Кости скелета оказались сгребенными в южный угол могилы. Здесь были найдены череп, фрагменты тазовых костей, берцовые, плечевые кости, рюкестец. Нижняя челюсть находилась в северном углу. Кости принадлежали мужчине в возрасте 35—40 лет.

Уже в заполнении могилы на глубине 120 см найден железный черешковый наконечник стрелы, ниже, на глубине 163 см — еще один. Под черепом обнаружено еще два подобных наконечника (рис. 5, 6—9). Там же, среди скопления костей, найдены фрагменты костяных накладок лука (рис. 5, 1—2).

На дне могилы в головном и ножном концах выявились канавки глубиной 0,25 м и размерами 0,75 × 0,40 м и 0,80 × 0,40 м. На северо-западной стенке, начиная с глубины 0,5 м от края могильной ямы, прослежены отпечатки дерева в виде коричневых вкраплений органики на поверхности материкового грунта.

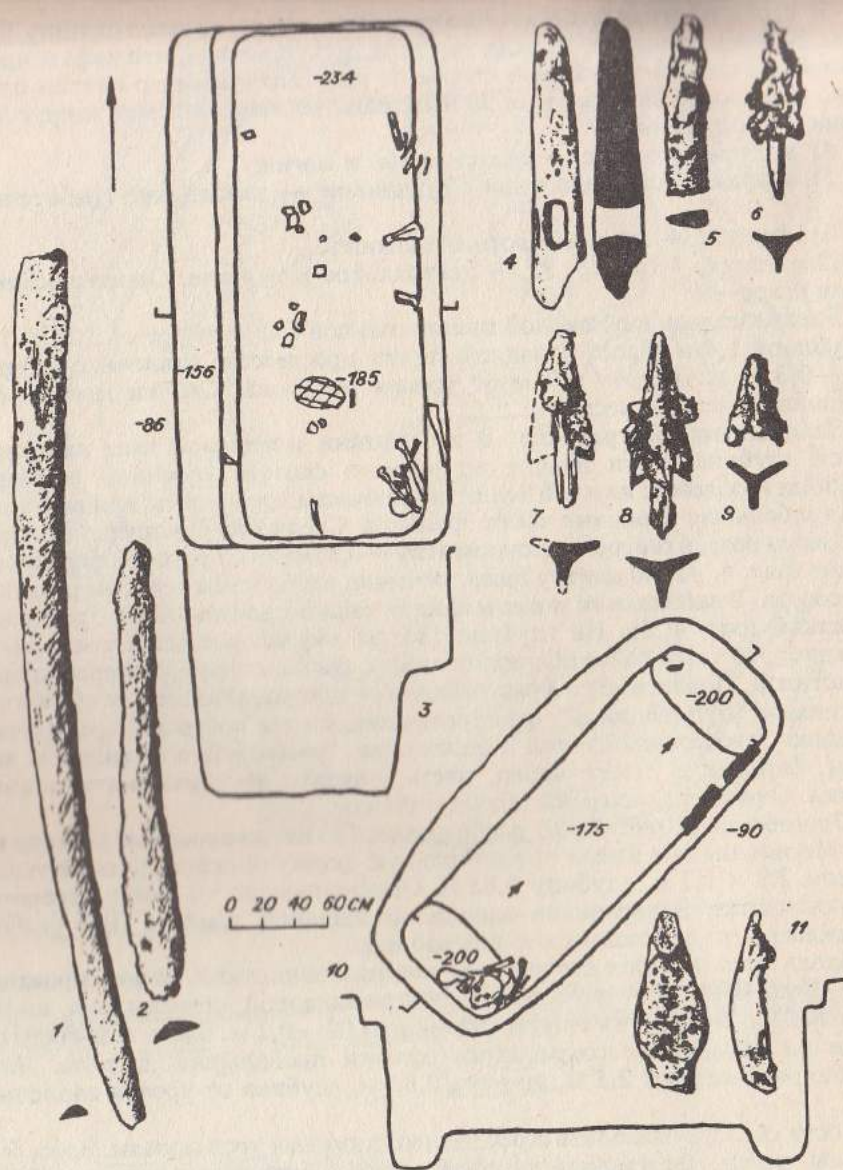

Рис. 5. Планы и разрезы погр. 1 (3) и 2 (10) кург. 3 могильника Аббатский-1 и находки из них.
4, 5 — погр. 1; 1, 2, 6—9, 11 — погр. 2.
1, 2, 4, 11 — кость; 6—9 — железо.

Погребение 3 (рис. 6, 1) находилось в западной части кургана. Могильная яма размером $2,1 \times 0,7$ м и глубиной $0,15$ м имеет прямоугольную форму, ориентирована по линии западо-северо-запад — востоко-юго-восток. Дно ее неровное, углубленное к западу. Никаких находок в яме не оказалось. Но размеры, типичные для могильных ям, не позволяют считать данное углубление грабительским лазом. По-видимому, погребение было полностью разграблено.

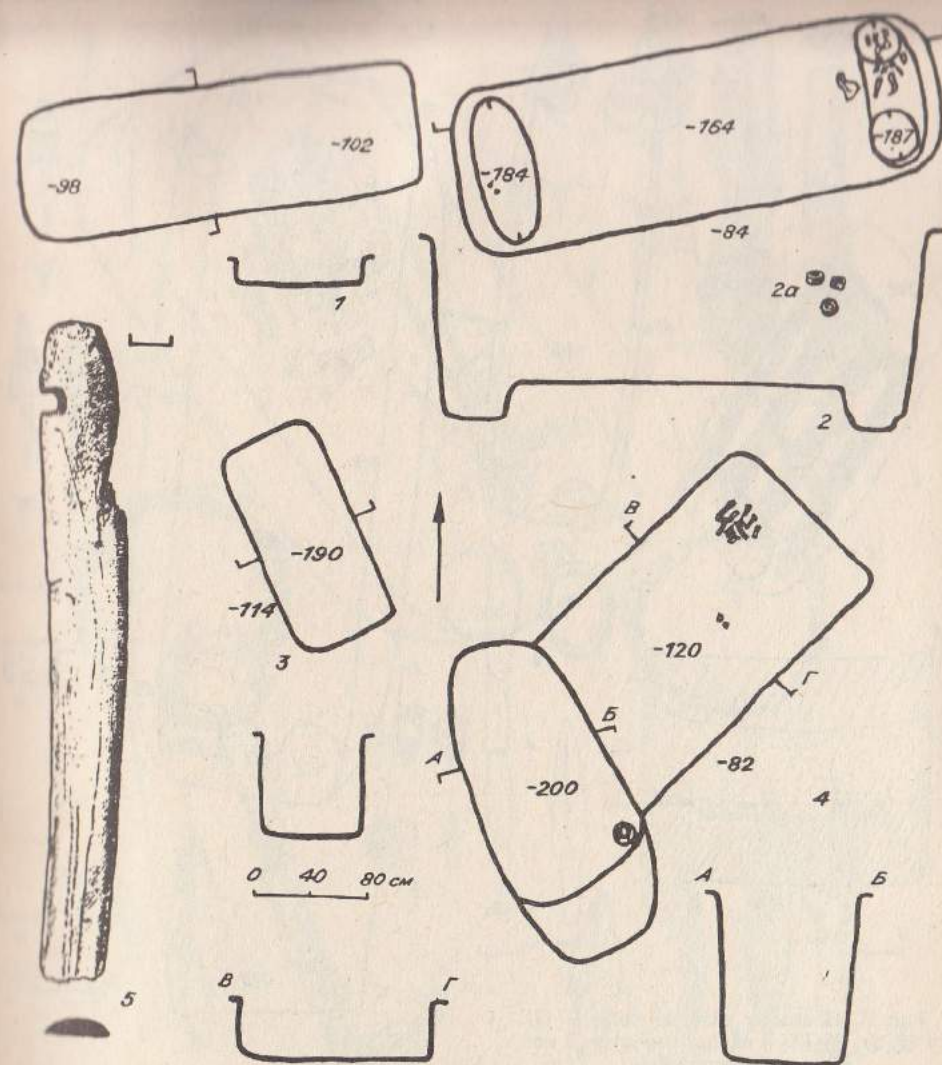

Рис. 6. Планы и разрезы погр. 3 (1), 5 (2), 6 (3) и 7 (4) кург. 3 могильника Аббатский-1 и находки из них.
5 — костяная накладка на лук из погр. 7; 2 а — стеклянные бусины.

Погребение 4 (рис. 7, 2, 3; 8, 1) располагалось в юго-западной части кургана, в обширной прямоугольной со скругленными углами могильной яме. Размеры ее $2,7 \times 1,55$ м, глубина $1,65$ м. Торцовые стенки — вертикальные, боковые — слабонаклонные. На дне размеры ямы составляют $2,7 \times 1,12$ м. Ориентировка — северо-запад — юго-восток.

В ней находилось захоронение мужчины, умершего в возрасте $30-35$ лет. Сохранность могилы удовлетворительная, так как она была засыпана сверху материковым суглинком и грабители ее не обнаружили. Вернее всего, прокопав на глубину в два штыка и наткнувшись на мощный слой суглинка (до $0,5$ м), грабители прекратили работу. А под суглинком в $0,5$ м появился

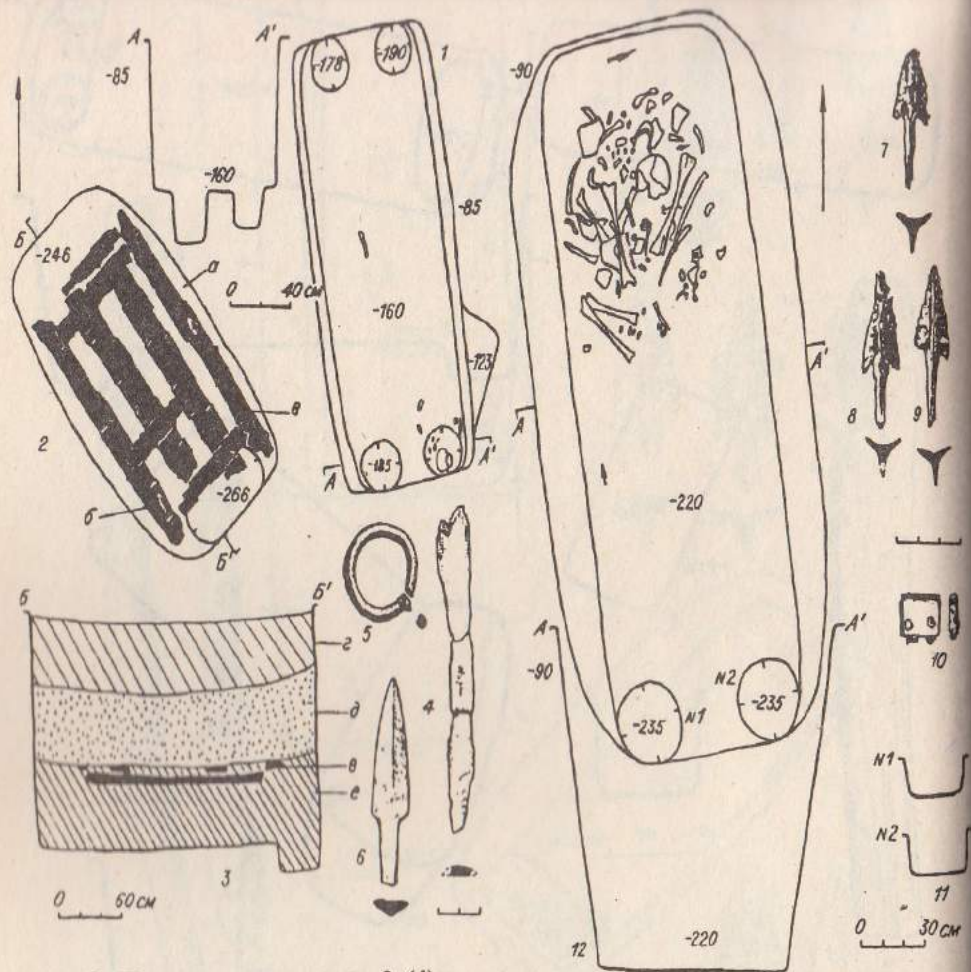

Рис. 7. Планы и разрезы погр. 9 (1), 4 (2, 3), 8 (12) и находки из кург. 3 могильника Абатский-1.

а — наконечник стрелы; б — нож; в — дерево; г — темно-серая супесь; д — желтый суглинок; е — мягкая черная земля; 4, б — кости, 5 — бронза, 7—9 — железо, 10 — дерево, бронза; 11 — профили разреза.

древесный тлен от перекрытия могилы, ниже — мягкая черная земля, а затем скелет погребенного. Перекрытие было двухслойным, состояло из березовых бревен. Верхний ряд, хуже сохранившийся, был поперечным, нижний — продольным. Ширина нижних бревен около 16—20 см, верхних — 12—16 см, толщина — около 4—5 см. Видимо, на бревнах нижнего ряда перекрытия был положен ряд вещей для покойника. У юго-западной стенки найден железный ножик (рис. 8, 5), у северо-восточной — железный черешковый наконечник стрелы (рис. 8, 2).

Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. Руки были положены вдоль туловища, ноги — вместе. В головах поставлены два сосуда. Один, с двумя рядами наколов на горловине, оказался раздавленным (рис. 9, 6, 10), другой — кувшинчик с фестонами — целым (рис. 9, 2).

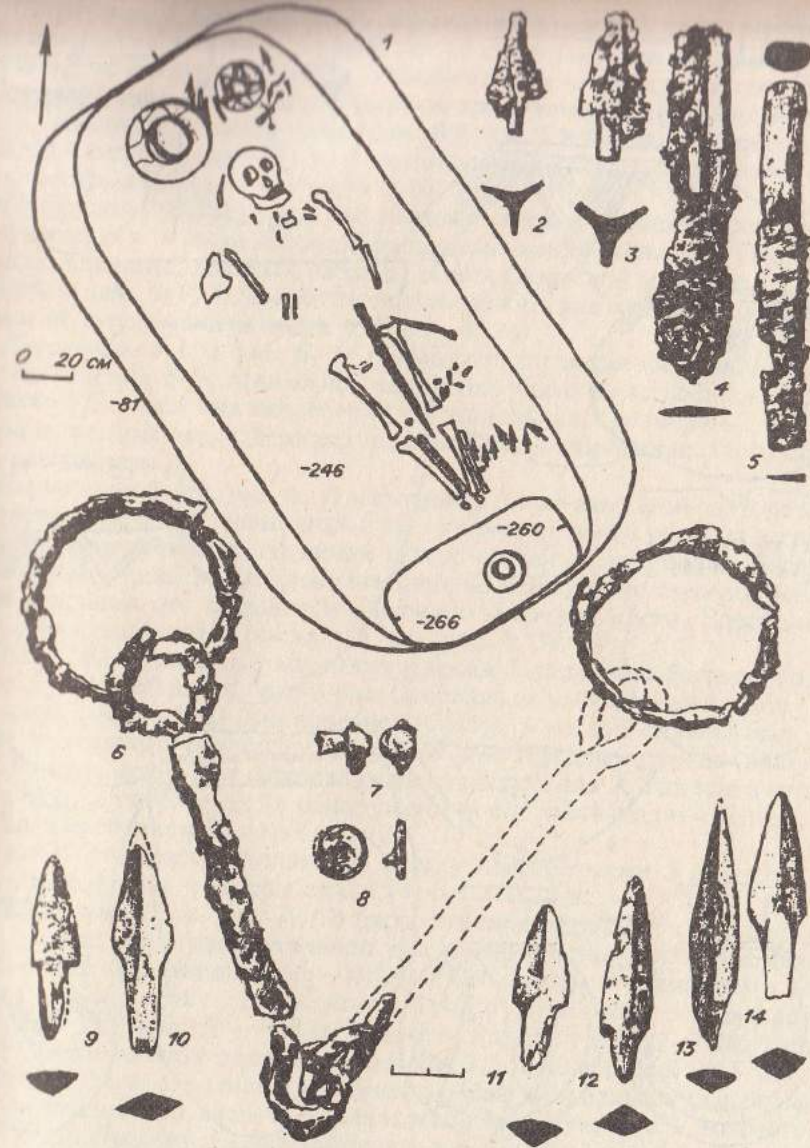

Рис. 8. План могильной ямы (1) на уровне дна и инвентарь (2—14) из погр. 4 кург. 3 могильника Абатский-1.

2—8 — железо; 9—14 — кость.

Между сосудами, очевидно, лежал кусок мяса, так как найдены кости ног (питочные и таранные) и ребра трехлетней лошади. Там же находился один железный черешковый наконечник стрелы (см. рис. 8, 3) и один костяной (см. рис. 8, 12). У правого плеча покойного был положен кусок от задней части лошади — рубленый фрагмент тазовой кости об этом свидетельствует. В левом верхнем углу располагались железный нож (см. рис. 8, 4) и обломки коррозировавшихся железных удил и псалиев (см. рис. 8, 6). От пояса умершего свисал железный меч длиной около 0,6 м, распавшийся при разборке. У левого бедра находился сильно коррозировавшийся кинжал. В ногах слева

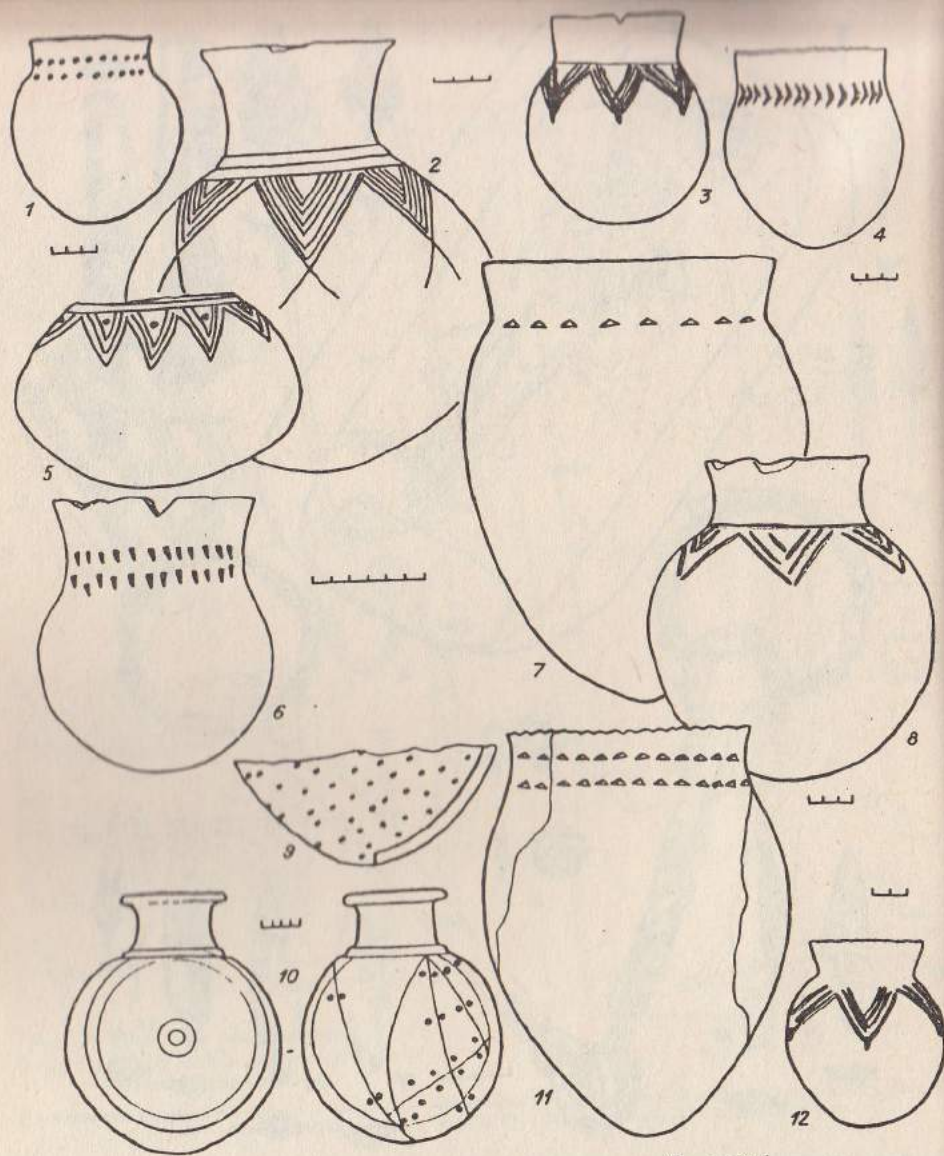

Рис. 9. Керамика из кург. 3 могильника Абатский-1.

1, 2, 6 — погр. 4; 3 — погр. 8; 4 — погр. 9; 5 — погр. 7; 7, 8, 12 — погр. 11; 9 — погр. 5; 10, 11 — погр. 10.

найлены рассыпанные железный (1 ед.) и костяные (6 ед.) наконечники стрел (см. рис. 8, 9—14).

В области правого колена обнаружена окислившаяся железная бляшка с пятном в центре (см. рис. 8, 8), в ногах также найдена какая-то железная бляшка и заклепка (см. рис. 8, 7).

В ножном конце могилы была расчищена канавка глубиной 0,2 м и размерами 0,8 × 0,4 м. В ней, но не на дне, а выше на 6 см, стоял целый маленький горшочек, украшенный двумя рядами ямок по шейке (см. рис. 9, 1).

Погребение 5 (см. рис. 6, 2) находилось в южной части кургана. Оно было совершено в прямоугольной яме со скругленными углами размером 2,55 × 0,9 м и глубиной 0,8 м. Ориентировка — северо-северо-восток — юго-западо-запад. Стены и дно изрыты грызунами. В полу вдоль торцовых стенок имеются канавки размером 0,8 × 0,3 × 0,2 м. На дне канавки, вырытой в северо-северо-восточном конце, были обнаружены ямки от столбов диаметром 0,25 м и глубиной 0,07 м.

Погребение разграблено. Все находки, весьма немногочисленные, концентрировались в северо-северо-восточном конце канавки. Это фаланги пальцев, ключица, лопатка, ребра от скелета взрослой женщины (?), развал сосуда (см. рис. 6; 9, 5). В противоположной канавке найдены три маленькие бусины из стекла синего цвета (см. рис. 6, 2а).

Погребение 6 (см. рис. 6, 3) примыкало с северо-восточной стороны к углу погребения 5 и, возможно, намеренно было пристроено к взрослому женскому. Так как яма погребения 6 маленькая, размером 1,6 × 0,75 × 1,06 м, то, видимо, содержала подростковое захоронение. Могила полностью разграблена.

Погребение 7 (см. рис. 6, 4) находилось в юго-западном секторе кургана и представляло собой прямоугольную яму размером 3,1 × 1,2 м и глубиной 0,4 м, ориентированную по линии северо-восток — юго-запад. В северном углу этой ямы найдено скопление мелких костей скелета взрослой женщины (?). В основном это фаланги и фрагмент височной кости. Здесь же была найдена костяная накладка на лук (см. рис. 6, 5).

Яма 1. Юго-западный конец погребения 7 нарушила большая овальная яма со ступенькой на глубине 0,4 м. Основная ее часть имела глубину 1,08 м и размеры 1,9 × 1,0 м. Дно неровное. Сбоку, в южной стороне был найден развал маленького сосуда (см. рис. 9, 9). Никаких других находок не было. Видимо, сосуд был сброшен сюда из погребения 7. Так как в этих двух ямах (яма 1 и погребение 7) обнаружены кости лишь одного скелета, то мы считаем погребением только большую.

Яма 2. Это грабительская яма между погребениями 3 и 4. Она имеет яйцевидную форму, размеры ее 0,65 × 0,4 × 0,15 м.

Погребение 8 (см. рис. 7, 12) расположено в западной части подкурганного пространства в прямоугольной яме со скругленными углами, ориентированной близко к линии север—юг, но с небольшим отклонением к западу. Размеры ее по верху составляют 2,7 × 1,4 м, ко дну она сужается до 2,65 × 0,95 м. Глубина — 1,3 м. В южном конце, в углах, обнаружены две ямки от вертикальных столбов диаметром 0,3 м и глубиной 0,15 м.

Могила была заполнена мешаной землей и оказалась разграбленной. Кости человеческого скелета, принадлежавшие мужчине в возрасте 30—35 лет, были сгребены в северной части погребальной камеры на дне. Среди них было найдено три ребра жеребенка, три железных черешковых наконечника стрел (см. рис. 7, 7—9), небольшой фрагмент железного кинжала со следами деревянных ножен, нож железный с деревянной рукоятью, совершенно истлевший (в обломках), бронзовая оковка деревянного сосуда (см. рис. 7, 10), черепки от двух раздавленных небольших горшочков (см. рис. 9, 3), меньший из которых украшен резными фестонами, больший — двумя рядами треугольных наколов.

Погребение 9 (см. рис. 7, 1) находилось в северо-восточной части кургана. Оно было совершено в прямоугольной яме со скругленными углами, ориентированной по линии север-северо-запад — юго-юго-восток. Размеры ее 2,3 × 1,0 м, глубина — 0,75 м. К дну погребальная камера сужается до 0,8 м. У торцовых стенок камеры симметрично располагались по две ямки от вертикальных столбов диаметром около 0,25 м, глубиной от 0,18 до 0,3 м.

Погребение было заполнено рыхлой черной землей и оказалось полностью разграбленным. Лишь в юго-восточном углу найдены фаланги и зубы мужчины в возрасте 30 лет. Там же был обнаружен горшок (см. рис. 9, 4), лежавший не на дне ямки, а выше ее заполнения, на уровне пола камеры. Ямки оказались заполненными землей, очень мягкой, попавшей в них, видимо, после истлевания столбов. У юго-восточной стенки на глубине 0,7 м найдены костяной черешковый наконечник стрелы (см. рис. 7, 6), бронзовая круглая пряжка (см. рис. 7, 5), ближе к центру — фрагменты железного ножа, а в середине могильной ямы — сломанная на три части костяная накладка на лук (см. рис. 7, 4).

Погребение 10 (рис. 10) было совершено в прямоугольной яме в северо-восточном секторе кургана. Она имела размеры 2,5 × 1,1 м и глубину 0,8 м. Стенки ее отвесные, в головах и ногах на полу погребальной камеры отмечены канавки размерами 0,9 × 0,3 × 1,14 м и 0,7 × 0,2 × 0,2 м соответственно. Причем в головной канавке по краям ее были углубления. Видимо, это ямки от столбов, которые имели вертикальный разрез, диаметр 0,22 и 0,24 м, и глубину 0,23 и 0,25 м. В заполнении у северо-восточной стенки обнаружены остатки бревенчатого продольного перекрытия — по линии северо-запад — юго-восток.

Могила разграблена, но один конец ее, судя по характеру размещенного инвентаря — головной, остался нетронутым. Здесь был поставлен красноглиняный круглодонный горшок, выполненный на гончарном круге, со спиральным узором на боках с двух сторон (см. рис. 9, 10). С тыльной стороны в нем просверлено много отверстий для скрепления краев трещин, располагавшихся попарно. Рядом с горшком лежали позвонки, 10 ребер, пяточные и таранные кости лошади от особи старше трех лет. Здесь же были найдены железные обоймочки, обернутые золотой фольгой (рис. 10, 6—9). Поодаль от них, ближе к канавке и юго-западной стенке лежали железные удила с псалиями (рис. 10, 1, 10, 11), также с золотой обкладкой. Симметрично удилам у противоположной стенки находилось железное тесло (рис. 10, 5).

Скелет, как таковой, отсутствовал. Найдены только ключицы, плечевые кости, фаланги, одна берцовая кость, разбросанные в южной части могилы. Они принадлежали взрослому мужчине. В середине могильной ямы, ближе к ногам, лежал фрагмент железного ножичка (см. рис. 10, 4), неподалеку — кресало и оселок (рис. 10, 15). Между северо-восточной стенкой и канавкой зафиксирован развал лепного саргатского горшка (см. рис. 9, 11). Здесь же найдены три железных наконечника стрел (рис. 10, 2, 3). В заполнении могилы обнаружены также два фрагмента тазовой кости лошади и два ребра коровы.

Погребение 11 (рис. 11) располагалось к северу от центрального и простой прямоугольной яме, ориентированной по линии западо-юго-запад — востоко-северо-восток. Размеры ее по верху составляли 2,65 × 1,4 м, по дну — 2,6 × 1,3 м, глубина — 0,6 м.

Захоронение оказалось не тронутым грабителями. Оно было заполнено рыхлой черной землей. Вдоль северо-западной стенки на глубине 0,4 м от края ямы наблюдались остатки продольного бревенчатого перекрытия в виде отдельных кусков истлевшего дерева. В дальнейшем при разборке были найдены кости скелета и горшки, стоящие в углах — головном и ножном — слева от покойника.

Умерший — мужчина 20—25 лет — лежал вытянуто на спине несколько наискосок в центре могилы. Он был ориентирован головой на северо-северо-восток, правая рука вытянута вдоль туловища, левая, видимо, была согнута в локте и поднята к голове. В ней, очевидно, был зажат меч, который

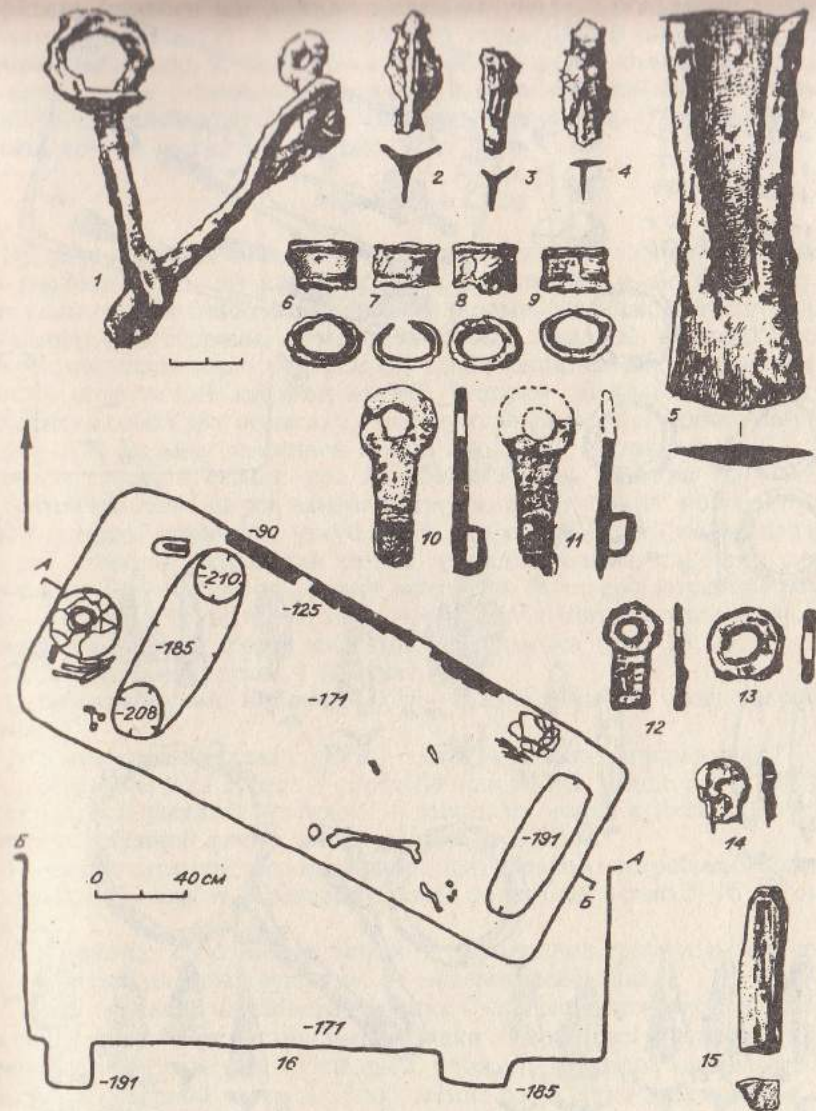

Рис. 10. Инвентарь (1—15), план и разрез (16) погр. 10 кург. 3 могильника Абатский-1.

1, 6—13 — железо с позолотой; 2—5, 14 — железо; 15 — камень.

лежал в 10 см от подбородка и опускался ниже колен. Общая длина его составляла около 1,3 м. Меч сильно проржавел и взять целым его не удалось. У правого бедра найден железный кинжал, также разрушенный коррозией. Рядом с ним были рассыпаны пять бронзовых пуговиц полушарной формы (рис. 11, 41—45). В области пояса, под правой локтевой костью и под левой плечевой найдены четыре однотипные бронзовые пряжки, одна из них с вертикальным крючком (рис. 11, 47—50). Внутри одной из них лежала бронзовая обоймочка (рис. 11, 51).

У правой голени скелета обнаружена россыпь мелких бронзовых гвоздиков с полушарными шляпками в количестве 40 экз. (рис. 11, 1—40). Воз-

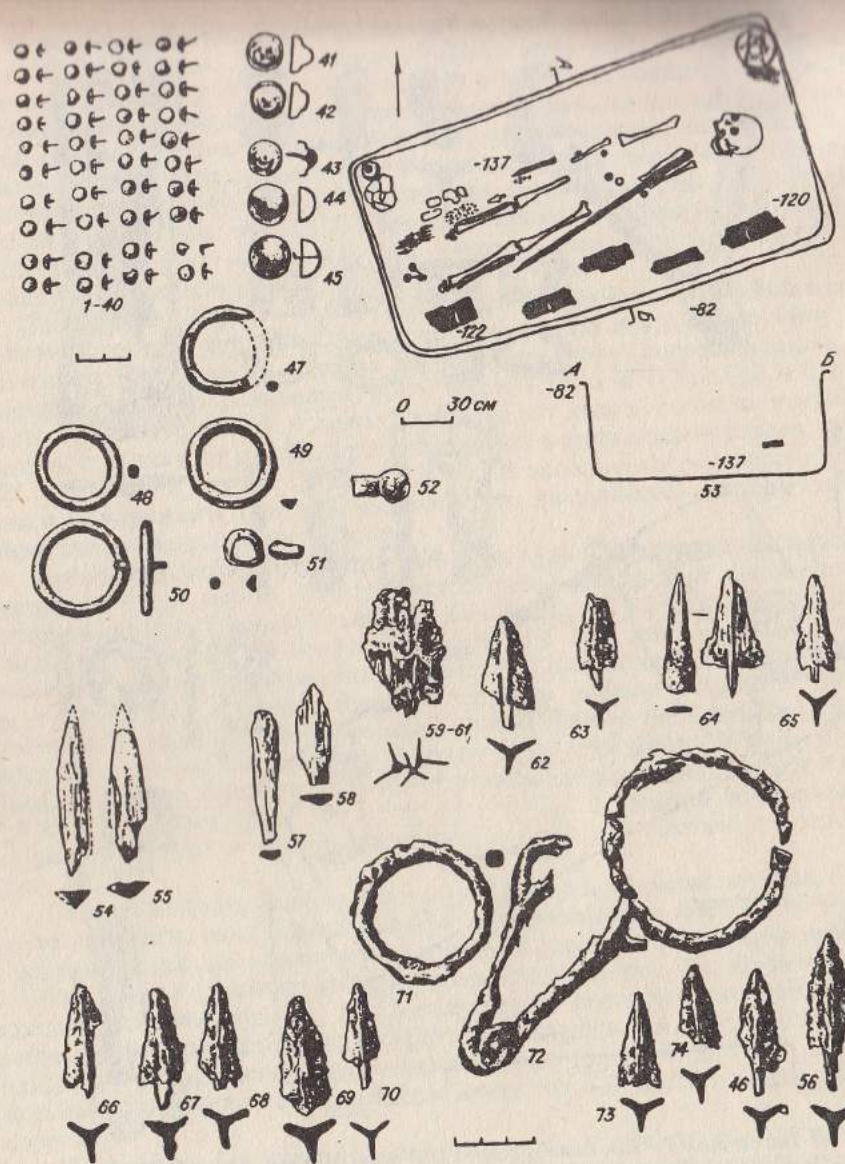

Рис. 11. Инвентарь (1—52, 54—74), план и разрез (53) погр. 11 кург. 3 могильника Абатский-1.

1—45, 47—52 — бронза; 54, 55, 57, 58 — кость; 59—74, 46, 56 — железо.

можно, что ими был украшен колчан со стрелами, так как скопление наконечников стрел, железных (17 экз.) и костяных черешковых (5 экз.), находилось от гвоздиков в 10 см, ближе к стопе умершего (рис. 11, 54—70, 73, 74). Между правой берцовой костью и стенкой могилы вблизи гвоздиков и наконечников отмечены кусочки бересты. Она была обнаружена прилипшей снизу и к бронзовым кольчатым пряжкам. Эти наблюдения позволяют считать, что покойник был положен на берестяную подстилку или даже завернут в бересту.

между стопами ног лежали железные удила с большими кольчатыми наконечниками (рис. 11, 72). В северном углу стоял целый горшок, украшенный фестонами (см. рис. 9, 8), рядом с ним обнаружено скопление костей овцы: таз, семь ребер, берцовая и пяточная кости от одной или двух молодых особей. В западном углу были поставлены два сосуда. Один найден разбитым, другой — целым (см. рис. 9, 7, 12).

Курган 4. (р и с. 12)

На подкурганной площадке находилось шесть захоронений, из которых пять располагались по кругу возле центрального. Они были окружены замкнутым рвом со слабо выраженными углами. Углы рва четко прослеживаются с восточной стороны, но менее заметны с западной. Фиксация контуров рва производилась после выборки его заполнения. Выкид устроителя погребального сооружения сделали на обе стороны дневной поверхности. Он представлял собой два невысоких многоугольной формы валика шириной от 0,7 до 1,3 м. Размер вписанной в него площадки составляет 14,5 × 15,7 м. С южной стороны стенки рва слабонаклонные, глубина 0,4—0,8 м. С юго-восточной стороны ров наиболее широкий и глубокий, но дно опускается ровно и следов вторичных углублений или подновлений не прослежено. С северной стороны разрез рва также трапециевидный, глубина здесь стабильная — 0,5—0,6 м от уровня материка. В северо-западном секторе в заполнении рва и точно напротив, с юго-восточной его стороны, в двух местах отмечены скопления костей животных и керамика (рис. 13, 1).

Стратиграфия кургана 4 (см. рис. 12):

- 1) пахотный слой, мощность 0,18—0,25 м, верхняя часть разрушенной насыпи;
- 2) темно-серая рыхлая супесь — остаток насыпи, мощность 0,1—0,35 м;
- 3) серая плотная супесь — погребенная почва, мощность 0,12—0,25 м;
- 4) желтый рыхлый суглинок — выкид из могил и рвов, фиксировался поверх погребенной почвы, мощность 0,12—0,23 м;
- 5) поверхность суглинистого выкида из центрального погребения зафиксирован древесный тлен от березовых бревен толщиной около 5—6 см, местами до 12 см;
- 6) мешанная с суглинком земля — заполнение грабительских ям;
- 7) желтый плотный суглинок — материковый слой.

Таким образом, насыпь фактически была разрушена почти полностью. В южной части подкурганной площадки сохранился древесный тлен от бревенчатого настила или платформы, уложенной поверх глинистого выкида из могил. В северной части это сооружение разрушено врезавшейся в центр грабительской ямой. Бревенчатая конструкция состояла из радиально уложенных бревен, подобранных по толщине так, чтобы покрытие было сплошным. Сохранившиеся остатки указывают на первичную толщину бревен не менее чем в 23—25 см, диаметр выкладки — не менее 10 м.

Поверх этого настила в бровке найден целый горшочек (рис. 13, 6). Также в насыпи к югу от погребения 4 найдено скопление предметов: оселок, развал сосуда, железная пряжка. По-видимому, это был сопроводительный инвентарь из могилы, выброшенный грабителями.

Все погребения в кургане оказались разграбленными, поэтому планиграфия погребений не дает сколько-нибудь важных результатов. Ориентировка и порядок захоронений не вполне ясны.

Погребение 1 (рис. 14, 1) располагалось в центре кургана в обширной прямоугольной яме со скругленными углами, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. Размеры ее составляли 3,6 × 2,7 м, глубина —

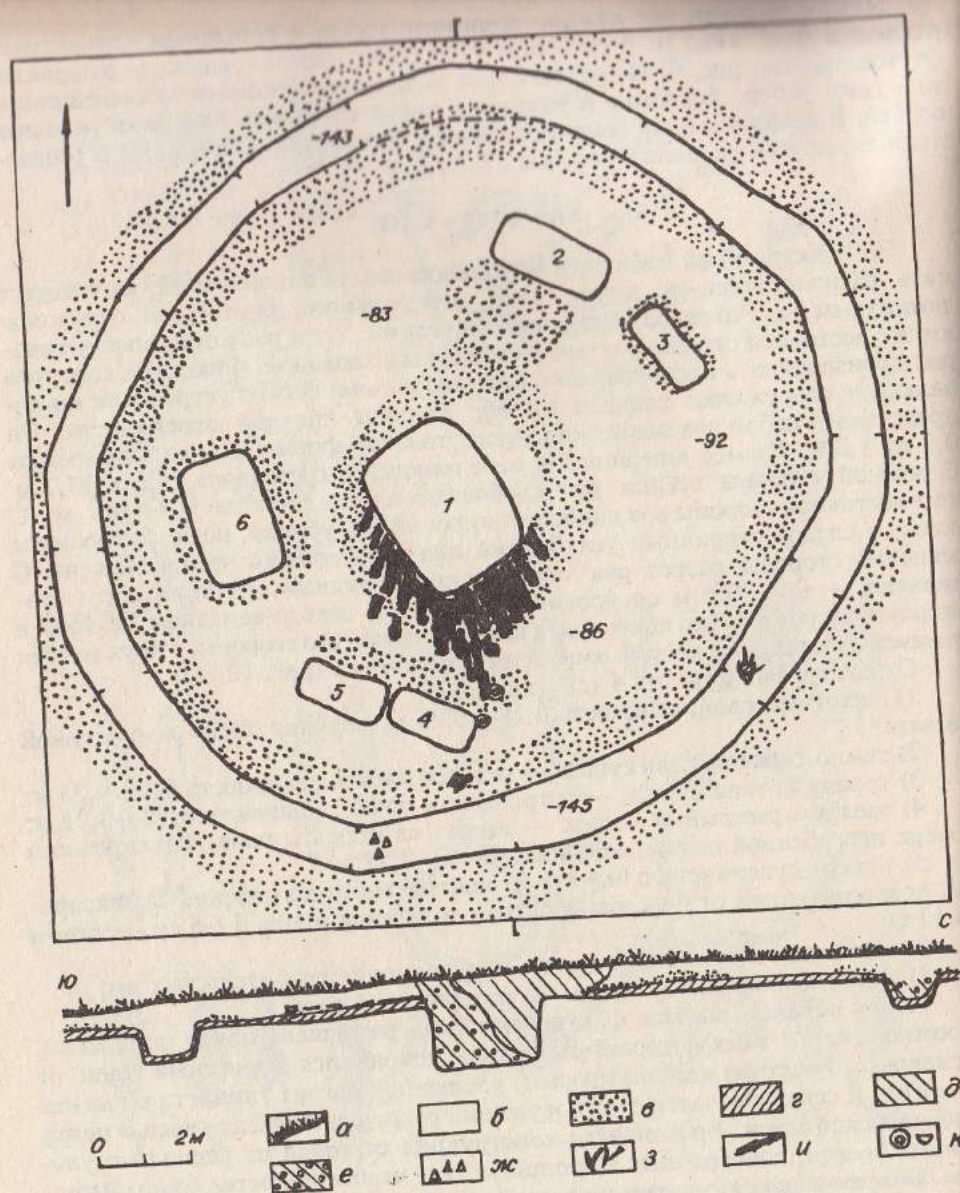

Рис. 12. План и разрез кург. 4 могильника Абатский-1.

а — дерн; б — насыпь; в — глина; г — погребенная почва; д — грабительская яма; е — мешаная земля с суглинком; ж — керамика; з — кости животных; и — дерево; к — сосуды.

1,4 м. Стенки отвесные. Могила была перекрыта бревенчатым продольным настилом, отдельные участки которого сохранились вдоль юго-восточной стенки на глубине 179—189 см. Плотно прилегающие друг к другу куски истлевших бревен имели ширину 20—24 см. Поверх такого куска у северо-западной торцевой стенки уцелел маленький горшочек (см. рис. 13, 7). Неподалеку и чуть глубже в заполнении могилы найдена половинка стеклянной бусины (рис. 14, 2). На расстоянии 36 см от северо-западной

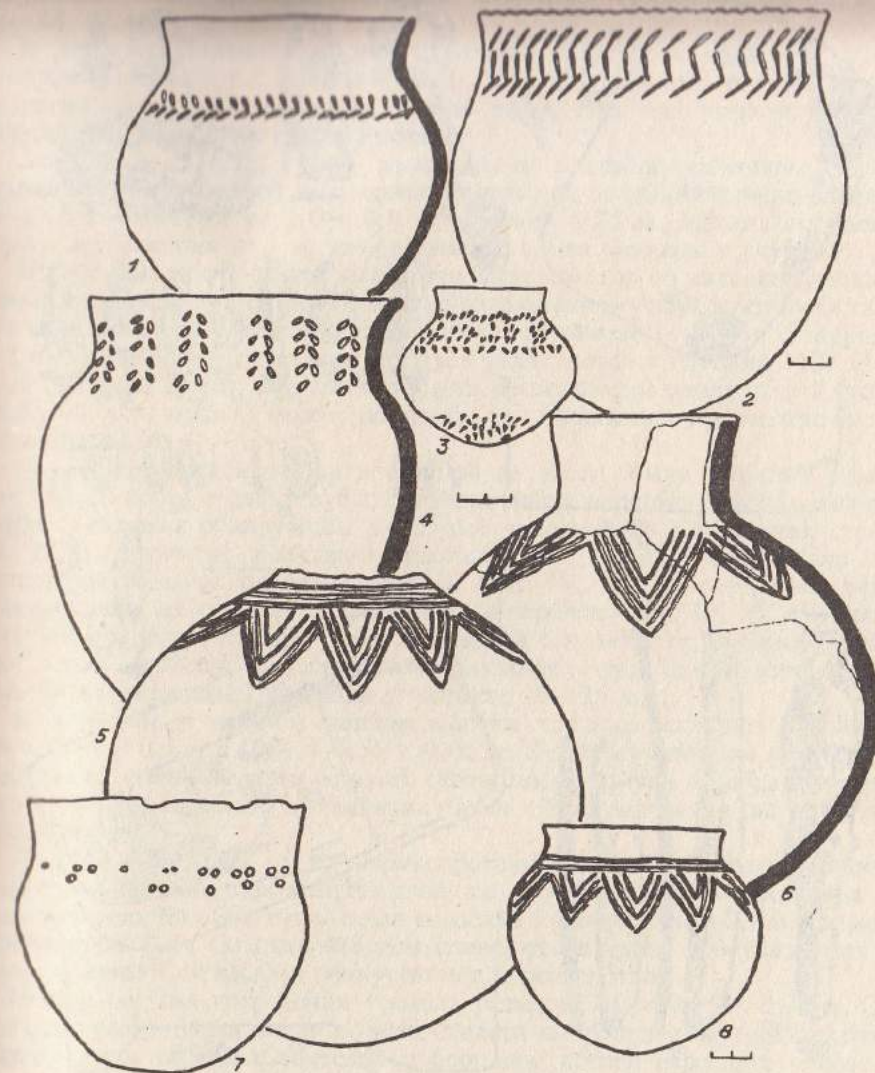

Рис. 13. Керамика из кург. 4 могильника Абатский-1.

1 — ров; 2 — погр. 6; 3, 4 — погр. 5; 5, 8 — погр. 4; 6 — бровка, 7 — погр. 1.

стенки, но ближе к дну могилы, обнаружены железные удила в обломках (рис. 14, 3). Других находок нет. Кости скелета отсутствовали.

Погребение 2 (рис. 14, 23) находилось в северо-северо-восточной части подкурганного пространства. Выкид был сделан к центру на погребенную почву и частично перекрыл край выброса из погребения 1. Могильная яма была прямоугольной формы размером 2,4 × 1,25 м и имела глубину 0,6 м. Она ориентирована по линии северо-западо-запад — востоко-юго-восток. Вдоль южной и северной стенок могилы прослежены заплечики на глубине 110 см шириной 0,3 м. В восточном углу они сужаются до 4—5 см, так что один конец ямы (ножной?) получился расширенным. У края углубления, образующего могильную камеру, с южной стороны сохранился остаток продольного перекрытия: истлевшее березовое полено шириной 8—10 см и

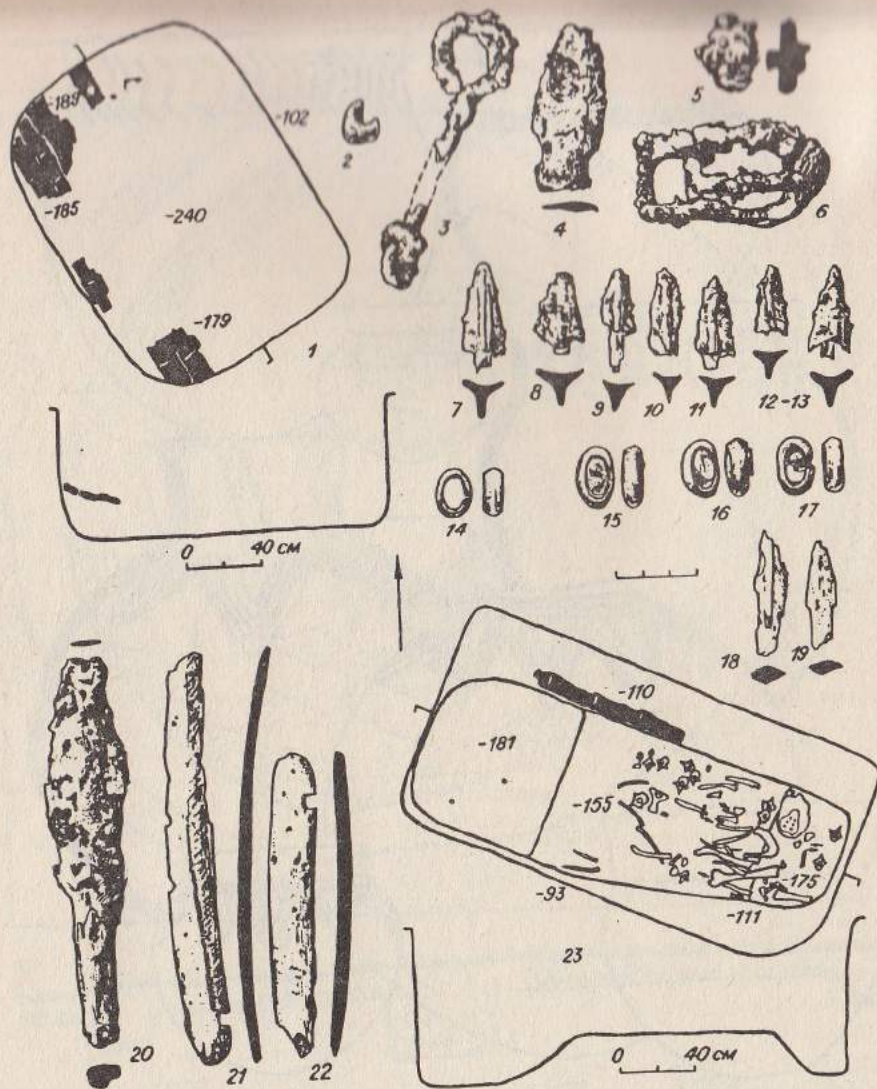

Рис. 14. Планы и разрезы погр. 1 (1) и 2 (23) кург. 4 могильника Абатский-1 и находки из погр. 1—3 (2—22).

2—3 — погр. 1; 4, 20 — погр. 3; 5—19, 21, 22 — погр. 2.

длиной 88 см. Размеры погребальной камеры по дну $2,35 \times 0,85$ м, глубина от уровня заплечиков 0,45 м.

На полу могилы все находки оказались рассеянными по восточной половине. Здесь в совершенном беспорядке лежали череп и длинные кости конечностей, позвонки, ребра, крестец, ключицы и другие части скелета взрослого мужчины в возрасте 35—40 лет, а также шесть ребер взрослой лошади. Среди них найдено семь железных наконечников стрел (рис. 14, 7—13), два костяных черешковых наконечника (рис. 14, 18, 19), четыре уздечные бронзовые обоймочки с остатками кожи внутри (рис. 14, 14—17), два фрагмента концевых накладок на лук (рис. 14, 21, 22), железная пряжка с

подвижным язычком (рис. 14, 6) и железная пуговица или заклепка (рис. 14, 5).

В дне погребальной камеры выкопаны канавки у торцовых стенок размерами $0,62 \times 0,4 \times 0,2$ м и $0,9 \times 0,78 \times 0,26$ м. В них находки лежали в верхних слоях заполнения, а отнюдь не на дне, т.е. попали туда при разрушении погребения грабителями.

Погребение 3 (рис. 15, 1) расположено в северо-восточном секторе кургана в прямоугольной яме, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. Размеры ее $2,0 \times 0,9$ м, глубина 0,55 м. Могила отстоит от второго захоронения на 1 м, имеет близкие с ним размеры и глубину.

Погребение также разграблено. Это было заметно по находкам, появившимся с верхних уровней заполнения, и разрушенному перекрытию. Остатки его в виде небольших кусков истлевших бревен длиной 14—27 см и шириной 3—8 см фиксировались во всех четырех углах ямы на глубине 112, 114—121 см, причем в трех случаях они были расположены вдоль самых стенок продольно, что, видимо, может указывать на аналогичное положение бревен в перекрытии.

На дне могильной ямы в восточной ее части, были найдены немногочисленные кости скелета: зубы, обломки ребер, черепного свода человека. В этом скоплении обнаружены железный черешковый наконечник стрелы (рис. 15, 7), фрагмент железного ножичка (рис. 14, 4), очень плохо сохранившийся обломок рукояти кинжала (рис. 14, 20). У северо-восточной стенки могилы на глубине 55 см найдены черепок (рис. 15, 3), трубчатая кость без эпифизов. Другая, столь же плохой сохранности, в южном конце, здесь же — крестец и ряд мелких косточек, фрагменты черепа. Они принадлежат женщине, умершей в возрасте 20—25 лет.

В головном и ножном концах могилы сделаны канавки размерами $0,84 \times 0,45 \times 0,1$ м и $0,84 \times 0,55 \times 0,05$ м. В северо-западном углублении найдены еще ребра мелкого рогатого скота, кости хомяка и ребра человеческого скелета. Находки в канавках были обнаружены не на дне, а в заполнении их.

Погребение 4 (рис. 15, 6) зафиксировано в южном секторе кургана в прямоугольной яме, ориентированной по линии западо-северо-запад — востоко-юго-восток. Оно примыкало к могиле 5 с интервалом 0,1 м. Размеры и ориентировка их сходны, выбросы сливаются в один, что указывает на одновременность их ввода в подкурганное пространство.

Могильная яма погребения 4 имела размеры $2,0 \times 0,85 \times 0,22$ м. Она полностью разграблена, вещи и кости скелета выброшены «бугровщиками». Найдены лишь обломки локтевой и берцовой костей взрослого человека, возможно женщины(?). У торцовых стенок зафиксированы канавки размерами $0,9 \times 0,4 \times 0,14$ и $0,75 \times 0,4 \times 0,11$ м. В заполнении меньшей из них найдена бронзовая пряжка (рис. 15, 4). В восточном углу погребения сохранился кусок дерева от перекрытия могилы размером $0,12 \times 0,21$ м. У восточного угла найден горшочек, выброшенный грабителями (см. рис. 13, 8). Очевидно, из погребения 4 происходят вещи, найденные поверх выкида на рва в 0,5 м южнее могилы: оселок, железная пряжка (рис. 15, 2, 5) и развал сосуда (см. рис. 13, 5).

Погребение 5 (рис. 16, 1) располагалось в юго-восточной части подкурганного пространства в прямоугольной яме с полукруглыми выступами с трех сторон. Размеры ее составляют $2,0 \times 0,8 \times 0,46$ м. Выступы сделаны на глубине 0,1—0,12 м, ширина их около 0,75 м, и предназначены они для упора концов бревен, образующих поперечно уложенное перекрытие. В полуразрушенном виде оно зафиксировано в северо-западно-западном конце. Наиболее сохранившиеся куски дерева имели ширину 21—23 см и длину

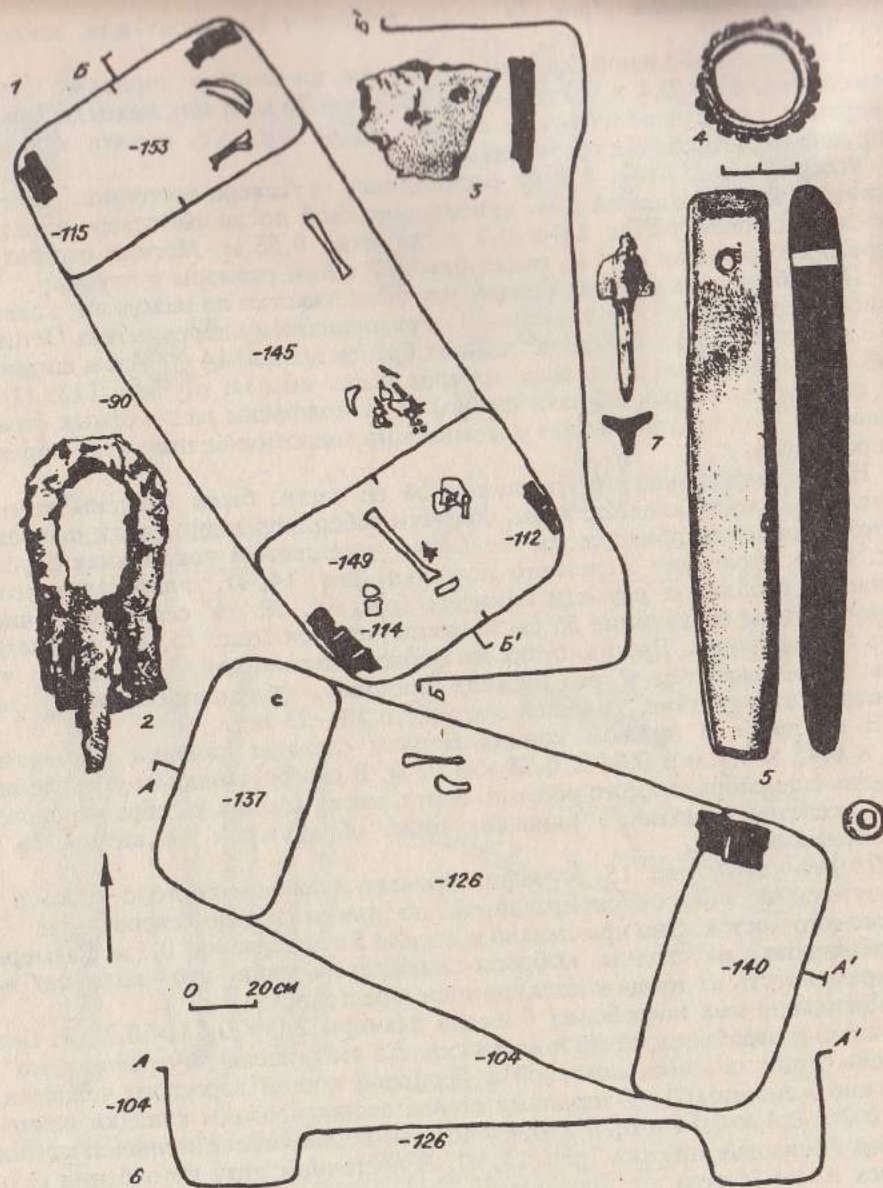

Рис. 15. Планы и разрезы погр. 3 (1) и 4 (6) кург. 4 могильника Абатский-1 и находки из них (2—5, 7).
2, 4, 5 — погр. 4; 3, 7 — погр. 3.

27—29 см. У стенки в заполнении могилы на глубине 0,24 м от края отмечены другие обломки перекрытия, причем несколько плашек лежало продольно или в положении, близком к продольному. Не исключено, что перекрытие было двойным: продольно-поперечным.

Из-за разграбления значительная часть костей скелета отсутствовала, видимо, была похищена и часть инвентаря. Найдены длинные кости скелета

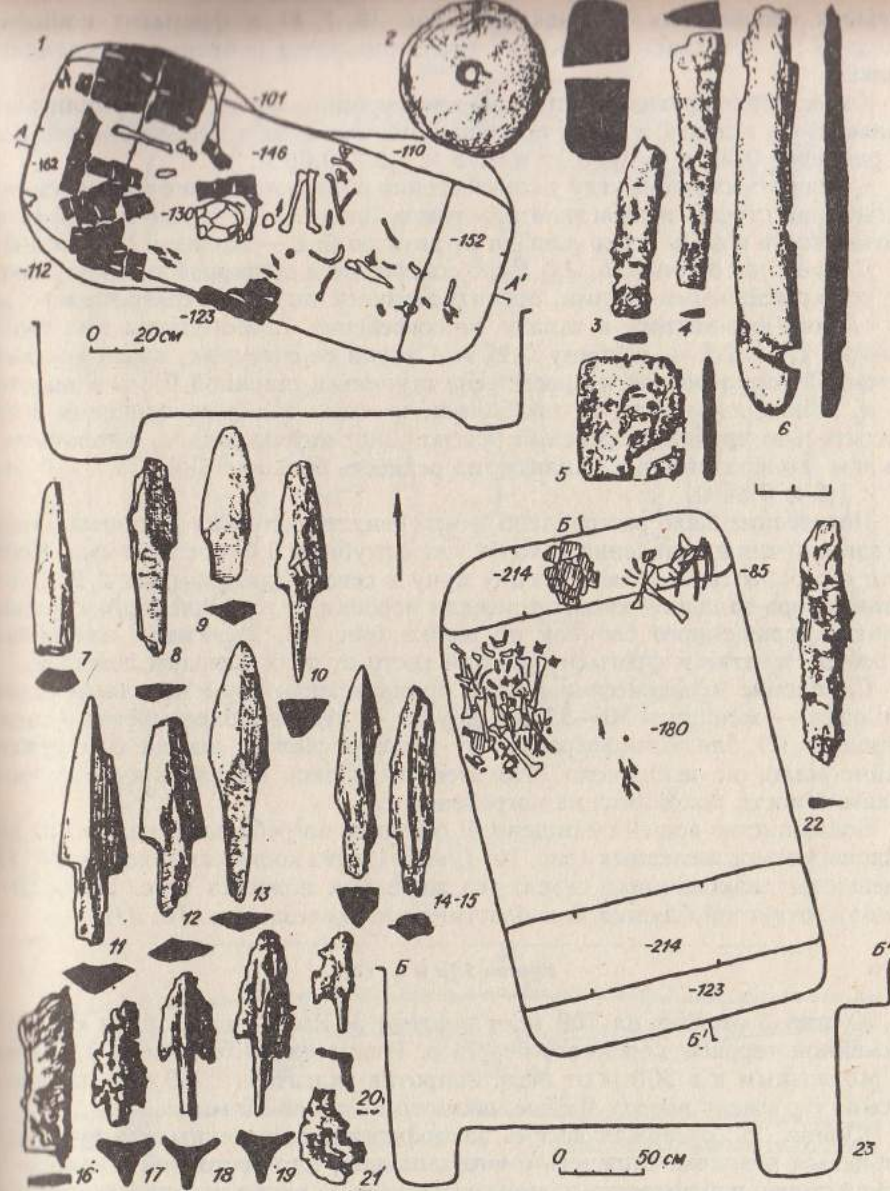

Рис. 16. Планы и разрезы погр. 5 (1) и 6 (23) кург. 4 могильника Абатский-1 и находки из них (2—22).
2—13 — погр. 5; 14—22 — погр. 6.

ключицы, позвонки, обломок таза, а также ребра и фаланги пальцев взрослой женщины. В середине могилы лежал раздавленный горшок средних размеров (см. рис. 13, 4), в 10 см от него — миниатюрный сосудик (см. рис. 13, 3). Близ них — обломок ножа, костяной наконечник стрелы, ближе к юго-восточной стенке лежали двумя группами еще пять наконечников (рис. 16, 9—13) и пряслице, вылепленное из глины (рис. 16, 2). В другом конце погребения собраны обломок железного ножа (см. рис. 16, 3), два

костяных черешковых наконечника (рис. 16, 7, 8) и фрагменты керамических накладок на лук (рис. 16, 6). Три последние вещи найдены в заполнении канавки.

Как и в ряде других, сходных по конструкции, могил, здесь имелись две канавки — в головах и ногах погребенного, вырытые в дне могильной ямы. Их размеры: $0,73 \times 0,4 \times 0,16$ и $0,75 \times 0,3 \times 0,06$ м.

В северо-восточном углу у самой стенки обнаружены еще один костяной наконечник стрелы и железная пластинка (рис. 16, 5). Среди костей были тазовая кость и семь ребер лошади от двух особей — молодой и взрослой.

Погребение 6 (рис. 16, 23) было совершено в обширной прямоугольной яме со скругленными углами, ориентированной по линии северо-северо-запад — юго-юго-восток, к западу от погребения 1. Могильная яма имела размеры $2,9 \times 1,8$ м, глубину 0,95 м. Стенки ее отвесные, вдоль юго-юго-восточной торцевой части прослежена ступенька шириной 0,3 м и высотой 0,3 м. Выкид из могилы не прослежен, поэтому время захоронения в ней относительно других погребений неясно. Дно могилы ровное, в головном и ножном концах имелись канавки, на редкость большие: $0,4 \times 1,7 \times 0,34$ и $0,5 \times 1,8 \times 0,34$ м.

Погребение было разграблено, о чем свидетельствовал мешаный характер заполнения и появление находок уже с глубины 0,6 м от края ямы. Кости были сгребены грабителями в одну кучу в северо-западном углу. В заполнении северо-западной канавки лежали черепки от раздавленного крупного горшка, украшенного ёлочкой по шейке (рис. 13, 2). Рядом находились 10 ребер, лопатки и фрагмент тазовой кости от двух молодых лошадей.

Скопление человеческих костей принадлежало двум неполным скелетам: один — женщины 50—55 лет, другой — худшей сохранности — также женщины (?) близкого возраста. От второго скелета костей обнаружено крайне мало; не исключено, что здесь оказались выброшенные "бугровщиками" кости покойника из погребения 1.

Большинство вещей похищено. В середине погребальной камеры на дне найдены четыре железных (рис. 16, 17—20) и два костяных (рис. 16, 14, 15) черешковых наконечника стрел, два железных ножичка (рис. 16, 16, 22) и обломок округлой бляшки или пластинки из железа (рис. 16, 21).

Курган 5 (р и с. 17)

Курган 5 отстоит на 700 м от кургана 3. Располагался близ края надпойменной террасы коренного берега р. Ишим на высоте около 2,5 м над оз. Могильным и в 300 м от него, напротив указателя "340 км" на шоссе. Насыпь его имела высоту 0,35 м, диаметр — около 20 м.

Курган 5 содержал восемь захоронений, окруженных разомкнутым кольцевым ровиком. Впрочем, с юго-западной, юго-восточной и северо-западной сторон наблюдались изломы стенок рва, характерные для многоугольных конструкций. За пределами рва обнаружены три ямы, две из которых трактуются нами как погребения, а третья грабительская. Размеры подкурганной площадки 14×15 м. Ров, окружающий погребения, имел ширину 0,8—1 м с расширениями до 1,7 м в северо-восточной, юго-восточной и северо-восточной сторонах. Разрез его трапециевидный, глубина с южной стороны 0,07—0,3 м, с других сторон ров несколько глубже — 0,5 м. Непонижение его плавное, и никаких явных следов углубления не заметно. Проход шириной 0,4 м находится с юго-юго-западной стороны. Выкид при его рытье был сделан на внутреннюю сторону и образует валик шириной 0,45—0,6 м, высотой 0,1—0,12 м, местами прерывающийся. В заполнении рва с юго-юго-восточной стороны найдено два фрагмента керамики эпохи

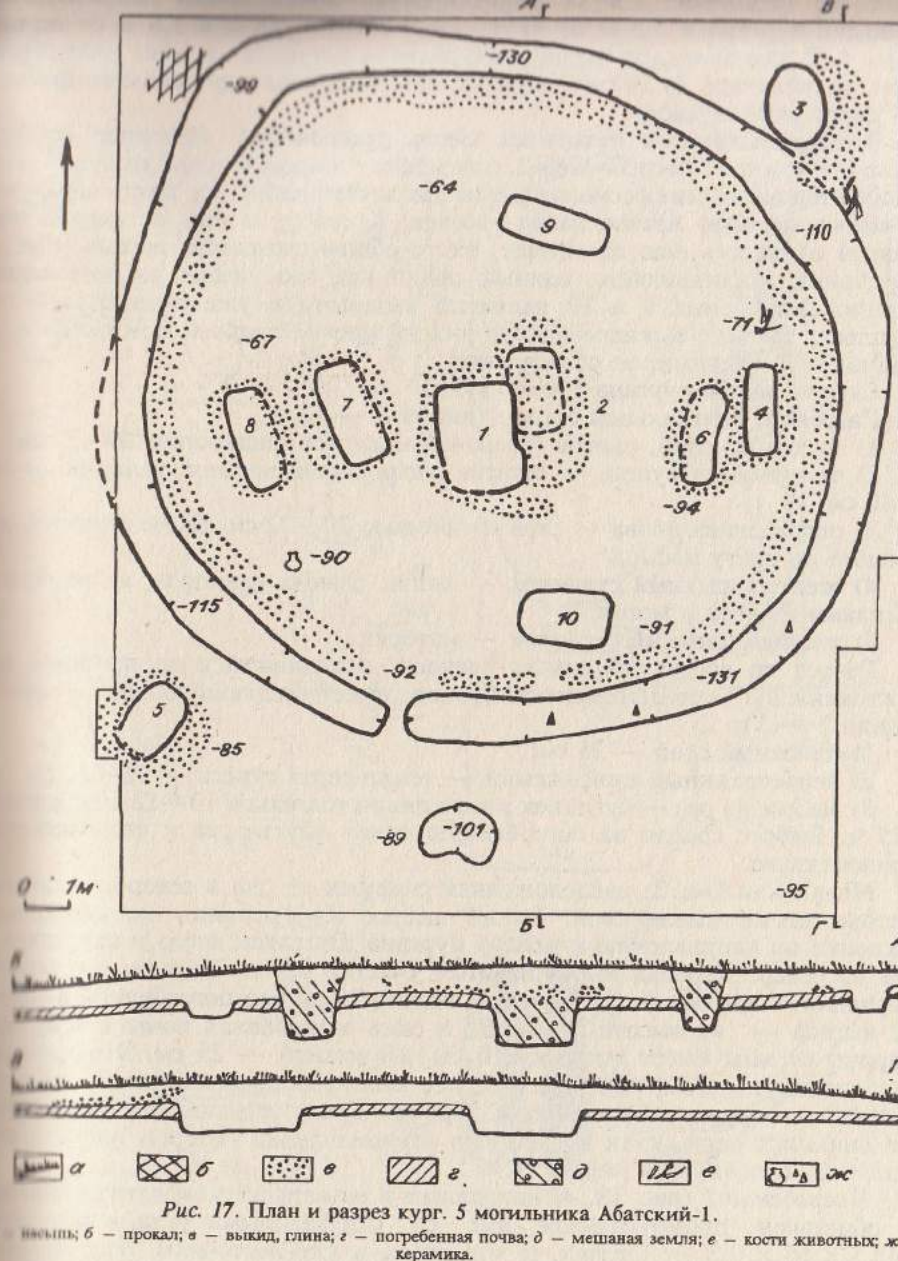

Рис. 17. План и разрез кург. 5 могильника Абатский-1.

а — насыпь; б — прокол; в — выкид, глина; г — погребенная почва; д — мешаная земля; е — кости животных; ж — керамика.

и один — близ рва в северном конце бровки. С юго-восточной стороны рву найден крупный обломок саргатского горшка.

В северо-западном секторе кургана к внешней стороне рва примыкает прокол толщиной 4—8 см и размером $1,35 \times 1,0$ м, зафиксированная на уровне погребенной почвы. По-видимому, это следы поминального корня. В северо-восточном секторе, также у внешней стенки рва, обнаружено скопление костей животных, находившееся на древней поверхности.

Такое же скопление костей зафиксировано почти точно напротив, на площадке кургана в 1,5 м от внутренней стенки рва и в 1,6 м от погребения 4. В юго-западной части подкурганной площадки в ямке диаметром 15 см, углубленной на 10 см в материк, найден стоящим не орнаментированный саргатский горшок.

В центре кургана находится шесть захоронений. Основное (погребение 1) смежное с погребением 2, совершенно в широкой прямоугольной яме. По обе стороны от них расположено по два захоронения. Все шесть образуют не вполне ровную линию запад—восток. К северу и югу от центра под бровкой оказалось еще по могиле, т.е. в общей сложности восемь. Шесть погребений, составляющих единый ряд, были сооружены до возведения насыпи. Погребения 9 и 10 являются вводными в уже существовавший комплекс, так как выкидов вокруг них на уровне древней поверхности, в отличие от остальных, не обнаружено.

Стратиграфия кургана 5 (рис. 17):

Разрез по центральной бровке (линия А — Б):

- 1) пахотный слой, рыхлая темно-серая супесь мощностью 20—30 см;
- 2) темно-серая супесь — остаток распаханной насыпи, толщина от 20 до 40 см;
- 3) погребенная почва — слой мощностью 20—22 см, более плотный, но близкий по цвету насыпи;
- 4) желтый рыхлый суглинок — линзы разных размеров, являющиеся выкидами из рвов и могил;
- 5) желтый плотный суглинок — материк.

Разрез по восточной стенке раскопа, находившейся до прирезки на расстоянии 6,5 м от центральной бровки, имеет следующую стратиграфию (линия В — Г):

- 1) пахотный слой — 25 см;
- 2) нераспаханый слой насыпи — темно-серая супесь — 15—30 см.
- 3) выброс из рва — суглинок в виде линзы толщиной 10—12 см и длиной 2,75 м. Выброс сделан на погребенную почву внутри рва и располагается горизонтально.

Могильная яма 3, расположенная снаружи от рва в северо-восточном секторе, также имела свой четкий выброс из суглинка, но сделанный наклонно по направлению к центру кургана. Он затем сполз и спустился юга на север. Перепад высот на этом участке 0,2 м. Причем с северной стороны ямы выброс фиксируется на высоте 10 см над погребенной почвой, а с южной — на высоте 20 см. Да и сама погребенная почва с северной стороны от ямы имеет толщину 10 см, а с южной — 25 см. Это говорит по-видимому, о том, что яма 3 более позднего происхождения, нежели насыпь, и сооружалась у ее подножия. Причем при возведении насыпи вокруг рва снимался дерн, и он ко времени осуществления захоронения 3 нагнать только на половинную мощность.

Погребение 1 (рис. 18, 4) находилось в геометрическом центре кургана в обширной прямоугольной яме со скругленными углами размером 2,45 × 1,68 × 0,3 м. Стенки ее отвесные, в юго-восточном углу имелся небольшой выступ размером 0,1 × 0,75 м. Могила ориентирована по линии север—юг с незначительным отклонением к западу. Захоронение полностью разграблено. На дне камеры найдены лишь четыре позвонка, лопатка человеческого скелета, бабка и пястная кость и четыре фаланги взрослых коровы.

Погребение 2 (рис. 18, 1—3) располагалось в центре кургана в прямоугольной яме, ориентированной по линии север—юг с небольшим отклонением к западу. Могильная яма соприкасалась с восточной стенкой

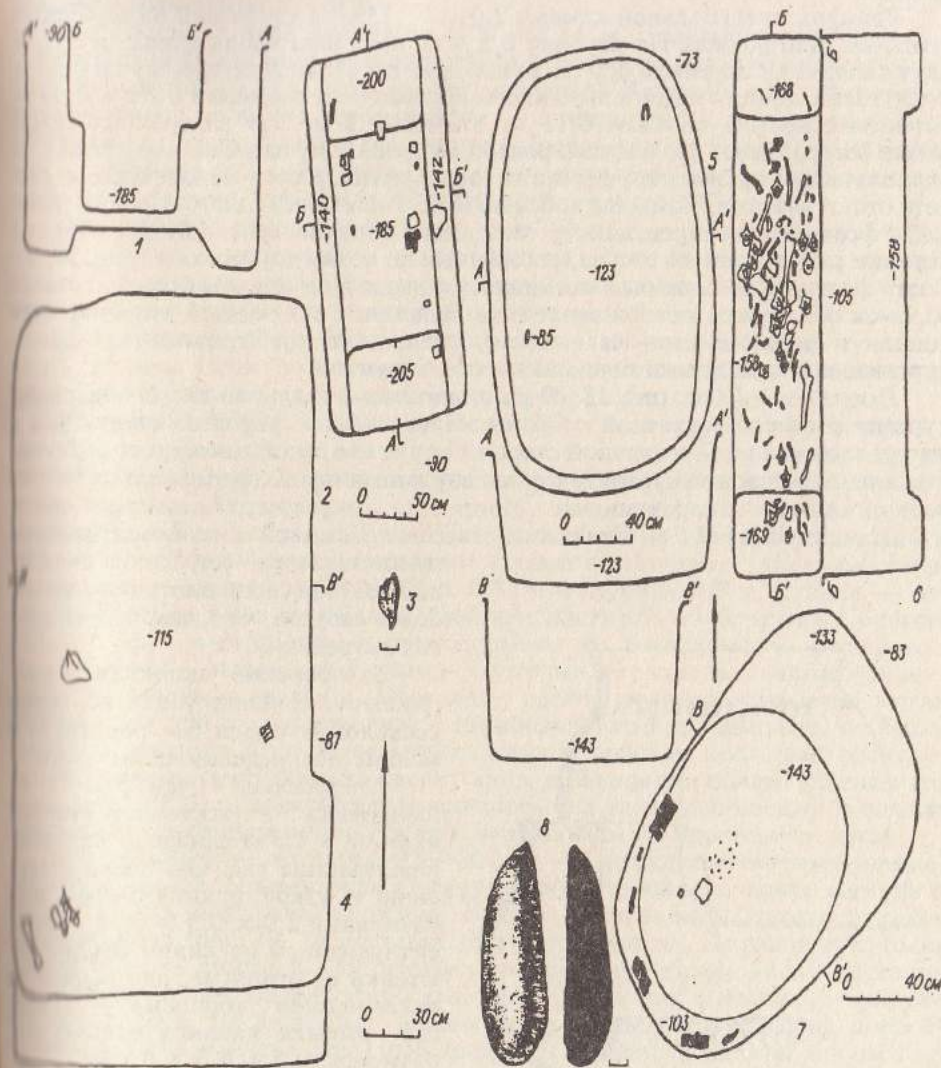

Рис. 18. Планы и разрезы погр. 2 (1, 2), 1 (4), 3 (5), 4 (6) и 5 (7) кург. 5 могильника Абатский-1 и находки из погр. 2 (3) и 3 (8).

3 — железо, 8 — камень.

погребения 1. Выкид из последнего погребения 2. Этот факт указывает на часть его перекрыла заполнение сравнительно с первым. Но интервал между ранний характер погребения с первым. Но интервал между ними мог быть незначительным, так как оба совершены до возведения насыпи.

Размеры погребальной камеры $2,01 \times 1,15$ м, а глубина 0,95 м. Стенки отвесные, дно ровное. На глубине 0,5 м от края ямы вдоль длинных стенок идут заплечики шириной 0,17 м, сужающиеся канавки размером $0,82 \times 0,45$ м. В торцовых концах выкопаны одинаковые канавки размером $0,82 \times 0,45$ м. Глубина северной канавки 0,15 м, южной 0,2 м. Это захоронение было также разграблено, что зафиксировано по мешаному заполнению с мелкими вкраплениями истлевшего дерева от перекрытия. Кости человеческого скелета отсутствовали. Найдены небольшой обломок деревянного изделия (блю-лета отсутствовали). Найдены небольшой обломок железного изделия (рис. 18, 3), а также да?), фрагмент неопределимого железного изделия (рис. 19, 2). черепки раздавленного сосуда, рассеянные по всему дну могилы (рис. 19, 2). Часть фрагментов керамики попадалась и выше дна, причем самый крупный обломок обнаружен поверх заплечика. Залегание этих вещей вторично, они попали в верхние слои из выброса, сделанного грабителями на насыпь кургана, и впоследствии оползли вместе с грунтом.

Погребение 3 (см. рис. 18, 5) располагалось в овалной яме за пределами кургана с северо-восточной стороны. Примыкает к внешней стенке рва с интервалом 0,1 м. С восточной стороны окружено дугой глинистого выброса, сделанного на насыпь кургана, т.е. является поздним по сравнению с другими подкурганскими захоронениями. Могильная яма имеет размеры $1,63 \times 1,32$ м, глубину 0,5 м. Стенки ее отвесные. Длинной осью ориентирован

по линии север—юг. Заполнена была мешаной серой плотной супесью более светлой, чем заполнение других погребений.

Захоронение полностью разграблено. Найдено лишь половинка расколотой гальки (см. рис. 18, 8) и мелкие неопределимые косточки.

Погребение 4 (см. рис. 18, 6) находилось в восточной стороне кургана в 1,5 м западней внутренней границы рва. Оно было совершено в узкой прямоугольной яме размерами $2,0 \times 0,5 \times 0,53$ м, ориентированной по линии север—юг. Стенки ее отвесные, дно ровное, исключением торцовых участков, где вырыты канавки одинаковых размеров: $0,5 \times 0,3 \times 0,1$ м.

Захоронение разграблено, мелкие кости скелета рассеяны на разной глубине. Погребенный — мужчина (?), взрослый. Среди костей найдено три очень мелких (менее 1 см) фрагмента саргатской керамики. Других вещей нет.

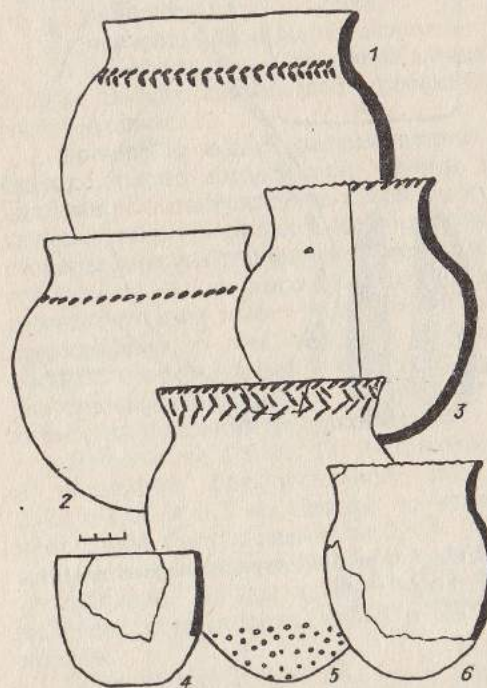

Рис. 19. Керамика из кург. 5 могильника Абатский-1.

1 — погр. 9; 2 — погр. 2; 3 — погр. 8; 4, 6 — погр. 10; 5 — погр. 7.

бликой к яйцевидной, за пределами кургана с юго-западной стороны. Оно располагалось на расстоянии 1,3 м от внешней границы рва и западной частью уходило в стенку раскопа. Для его исследования была произведена прирезка размером $1,5 \times 0,5$ м.

Могильная камера размером $1,78 \times 1,14$ м с расширенным до 1,2 м северо-восточным концом и суженной до 0,7 м юго-западной оконечностью была углублена на 0,6 м от уровня материка. Длинной осью погребение ориентировано по линии северо-восток — юго-запад. В заполнении могилы встречались мелкие кусочки истлевшего дерева. Они располагались в основном на глубине 0,2 м от края и шли по периметру стен в юго-западной стороне. Возможно, что это была обкладка погребальной камеры.

При выборке заполнения обнаружено 12 мелких обломков трубчатых костей человека, неподалеку — два черепка. Один из них очень мелкий, другой — средних размеров, украшенный наколами. Кроме того, были найдены очень мелкие кальцинированные косточки.

По-видимому, здесь было погребение эпохи бронзы, подвергнувшееся разграблению. Судя по состоянию костей, возможно, была произведена кремация на стороне с захоронением в могиле останков.

Погребение 6 (рис. 20) находилось в 0,7 м к западу от погребения 4 в яме, ориентированной по линии север—юг. Выкид из нее располагался на погребенной почве и сливался с выбросом из соседней могилы. По-видимому, они возникли одновременно.

Захоронение 6 оказалось почти потревоженным. Яма его — подпрямоугольных очертаний со скругленными углами и несколько загнутым северным концом — имела размеры $2,1 \times 0,75$ м и глубину 0,5 м. Стенки — отвесные. Могилка была перекрыта двойным настилом из березовых бревен. Верхний ярус перекрытия был продольным и, по-видимому, сплошным. Нижний ярус — поперечный. Между бревнами, его составлявшими, зафиксированы зазоры в 4—8 см. Поскольку бревна истлели, эти щели могли образоваться при их разрушении, а первоначально их, возможно, не было. Диаметр бревен от 22 до 35 см. Поверх второго яруса на продольно расположенном бревне, сместившемся сверху вниз, найдены два обломка железного ножа (рис. 20, 3). Перекрытие провалилось под тяжестью насыпи и начало фиксироваться одновременно с могильным пятном на уровне материка.

Погребенный — мужчина 25—30 лет — лежал вытянуто на спине, головой на север. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте и кисть положена на бедро. Видимо, в ней была зажата рукоять длинного меча (рис. 20, 7), достававшего до щиколотки. В правой руке была зажата рукоять кинжала. Оба предмета вооружения находились в деревянных ножнах, о чем говорит древесный тлен поверх них и несколько чешуек красной краски. По-видимому, ножны были окрашены в красный цвет. У правого колена найдена железная овальная бляшка с пятном бронзового рисунка. Между крестцом и подвздошной костью справа обнаружены два фрагмента колчанного крючка (рис. 20, 4). Рядом лежала сломанная костяная накладка на лук (рис. 21, 19, 20).

В ногах, между костями обеих стоп, отмечено скопление наконечников стрел. Они лежали плотными кучками, в основном остриями вниз, что позволяет предположить, что они находились в двух колчанах, так как железные (15 экз.) и костяные (20 экз.) наконечники находились рядом, но не же отдельно (рис. 21, 1—10, 12—18, 22—40). В кучке костяных наконечников и чуть ниже обнаружены две концевые накладки на лук (рис. 21, 11, 21).

Между правым плечом покойника и стенкой могильной ямы была обнаружена уздечка, сделанная из кожаных ремешков, сохранившихся только

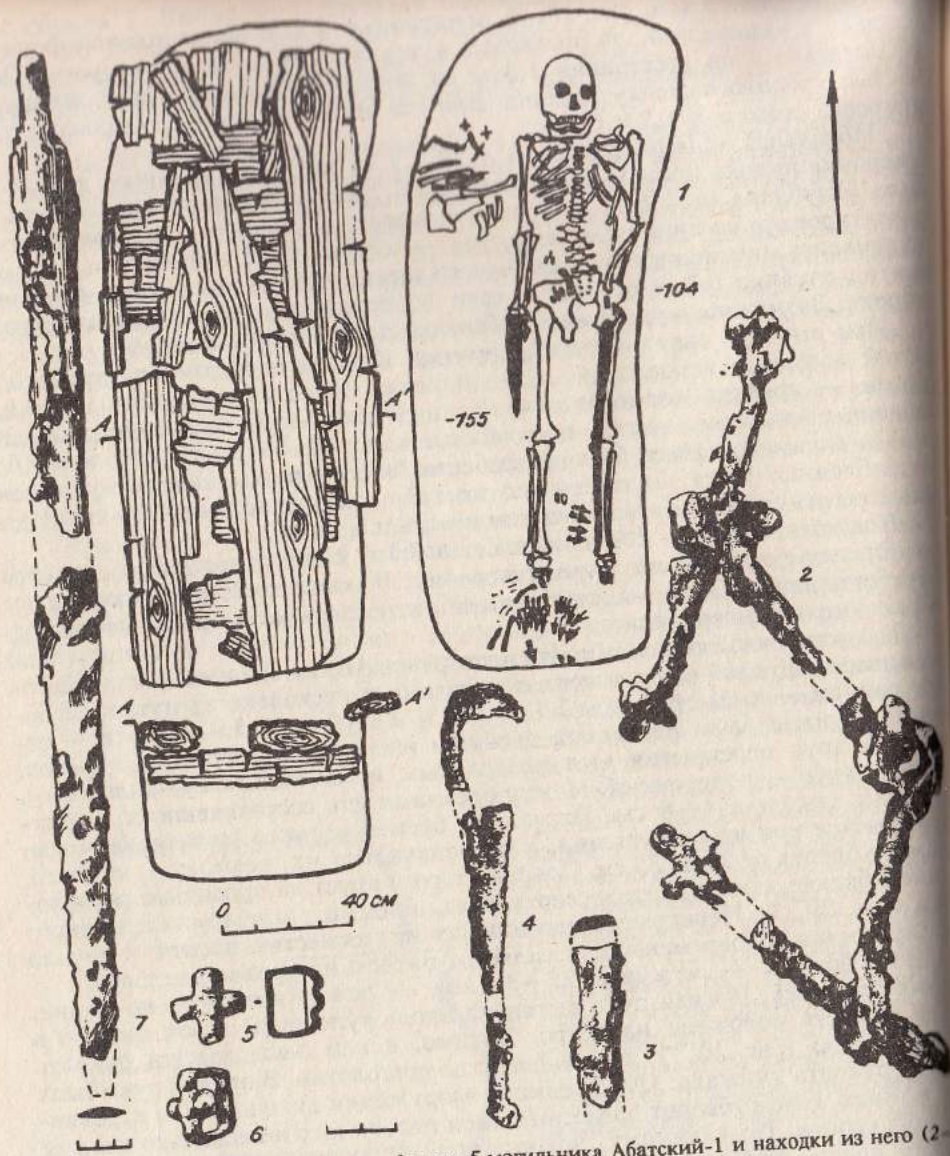

Рис. 20. План и разрез (1) погр. 6 кург. 5 могильника Абатский-1 и находки из него (2—7). 2, 3, 4, 7 — железо; 5, 6 — бронза.

в отверстиях бронзовых изделий, железных псалиев, удила и двух литых бронзовых бляшек с прямоугольной петлей и крестовидной головкой (см. рис. 20, 2, 5, 6). Вблизи уздечки было скопление костей лошади (часть грудины и таза).

Погребение 7 (рис. 22, 2—4) располагалось в западном секторе кургана в 1,1 м от погребения 1. Сооружено также до возведения насыпи, так же, как и погребение 1, выкид из него сделан на погребенную почву. Оно представляет собой прямоугольную яму со скругленными углами, ориентированную по линии северо-северо-запад — юго-юго-восток. Размеры ее 2,4 × 1,1 м, глубина 0,8 м. Головной северо-северо-западный конец несколько расширен, ножки

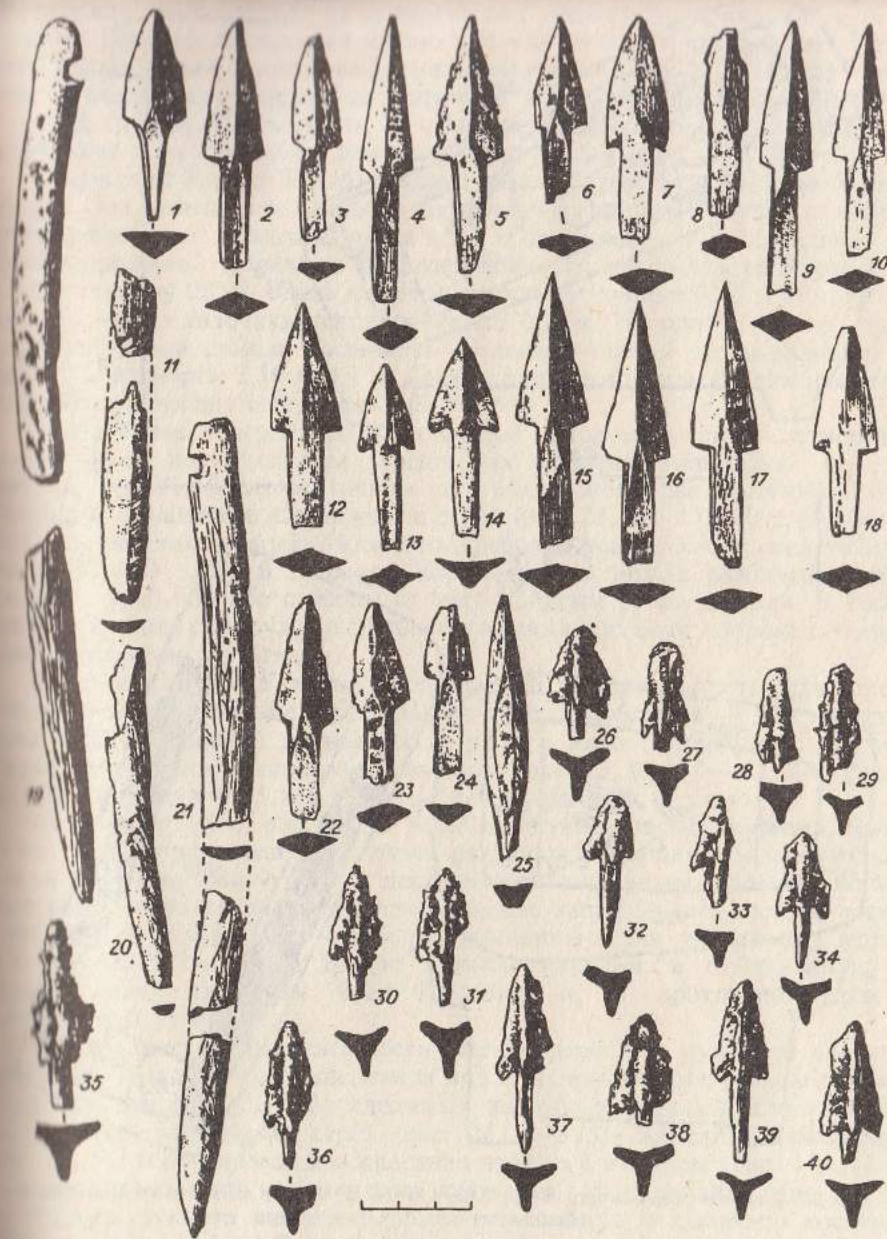

Рис. 21. Костяные накладки на лук (11, 19—21) и наконечники стрел (1—10, 12—18, 22—40) из погр. 6 кург. 5 могильника Абатский-1.
1—25 — кости; 26—40 — железо.

наоборот, сужен. На глубине 0,17 м от края могилы со всех четырех сторон расположены заплечики. Вдоль длинных стенок их ширина 0,2—0,27 м, в плечах — 0,33 м, в ногах — 0,1 м, причем по бокам на них сохранился

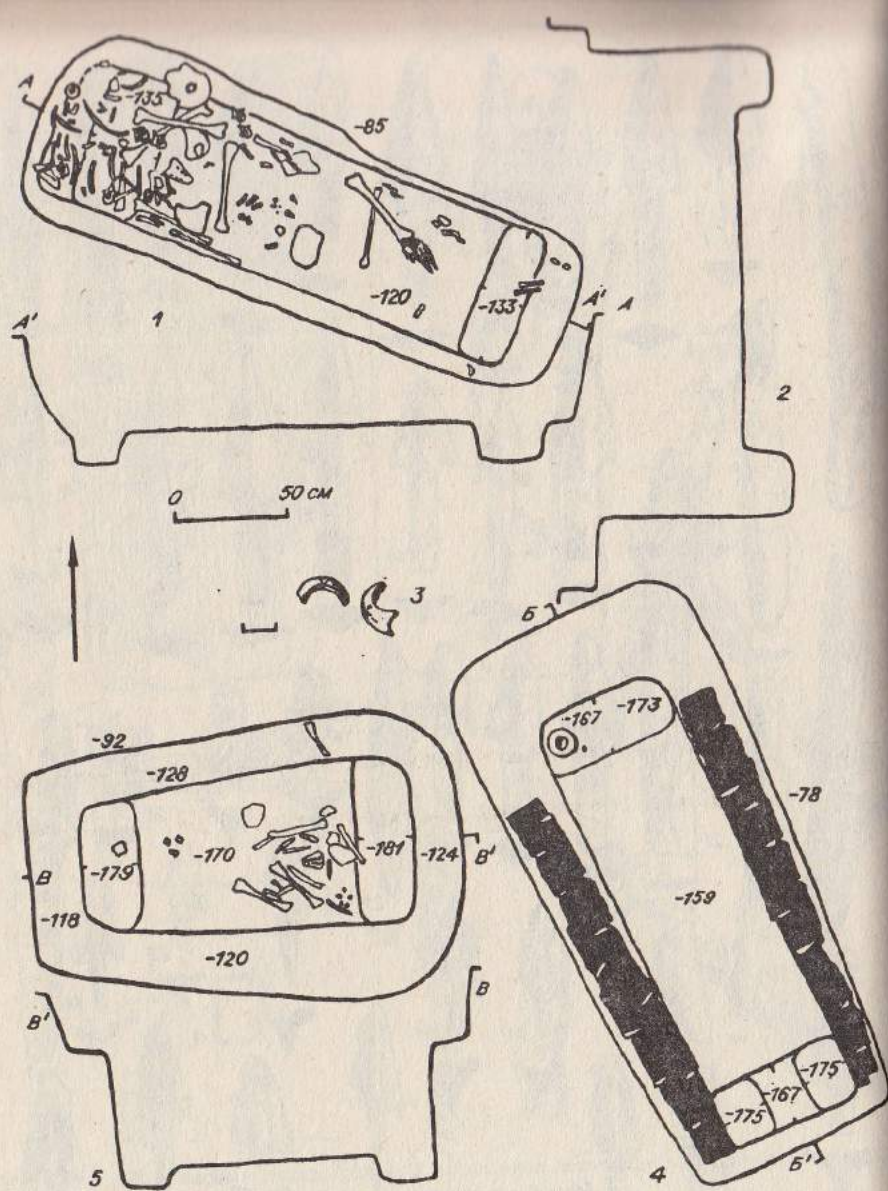

Рис. 22. Планы и разрезы погр. 9 (1), 7 (2, 4) и 10 (5) кург. 5 могильника Абатский-1. Находка из погр. 7 (3) — бронза.

древесный тлен от продольного перекрытия. Это остатки бревен шириной 0,14—0,2 м и длиной 1,67 и 1,78 м.

Заплечики сузили погребальную камеру до 0,55—0,57 × 1,95 м, глубина ее 0,63 м. Костей в могиле не оказалось, находки были только в заполнении канавки, что вырыта в головном конце. Интересно, что стоявший в северо-западном углу, был найден в 8 см выше дна, при общей глубине канавки в 0,2 м. Рядом обнаружена половина бронзового кольца или бусины (рис. 22, 3), а также обломок неопредели-

мого предмета. Такое расположение вещей свидетельствует о существовании какого-то настила из органического материала, прикрывавшего эти пустоты. При его истлевании на дно канавки начала просачиваться земля, а при разграблении пропали вещи. Размеры канавки 0,52 × 0,25 м. В южном конце также была вырыта аналогичная канавка размером 0,57 × 0,25, глубиной 0,08 м. По сторонам ее прослежены одинаковые прямоугольные углубления (от столбиков?) размером 0,2 × 0,25 × 0,08 м.

Погребение 8 (рис. 23, 16) введено на площадку кургана до возведения насыпи. Оно замыкает ряд ранних захоронений с запада, будучи аналогично ориентированным, и располагалось в 1,1 м от погребения 7. Могильная яма подпрямоугольной формы со скругленными углами имела размеры 2,3 × 1,0 и глубину 0,8 м. Вдоль длинных стенок на глубине 0,25 м от края ямы были сделаны заплечики шириной около 0,2 м. На одном из них, вдоль северо-восточной стенки, расчищено истлевшее бревно от продольного перекрытия, размером 2,16 × 0,1 м. Далее стенки погребальной камеры отвесные, размеры по дну составляли 2,3 × 0,6 м.

Захоронение разграблено, с середины заполнения стали встречаться разрозненные кости скелета, среди них найдены накладки на лук (рис. 23, 3, 4, 7). В юго-восточном углу обнаружены два костяных и один железный черешковые наконечники стрел (рис. 23, 13, 15). На дне в беспорядке расчищены позвонки, ключицы, ребра и прочие кости скелета мужчины 50—60 лет. В головном конце могилы лежал разбитый горшок (см. рис. 19, 3), по обе стороны от него найдены ребра лошади, в 7 см к юго-западу было обнаружено скопление мелких костей от сопроводительной пищи, положенной в могилу.

В головах и ногах в дне погребальной камеры вырыты канавки. В юго-юго-восточном конце в заполнении этого углубления — там же, где и были найдены раньше наконечники, только ниже — собрано еще семь костяных черешковых наконечников стрел (рис. 23, 5, 6, 9—12, 14). Размеры канавок 0,56 × 0,15 × 0,09 м. На дне их находок не было.

Погребение 9 (см. рис. 22, 1) было впущено в насыпь кургана. Выкид из него не зафиксирован, — видимо, разрушен распахкой. Прямоугольная яма со скругленными углами и несколько расширенным головным концом была ориентирована по линии северо-западо-запад — юго-востоко-восток. Размеры 2,38 × 0,8 × 0,4 м. Стенки наклонные, так что ко дну могила сужается до 2,1 × 0,6 м. В дне вырыты канавки: в северо-западо-западном конце размером 0,6 × 0,3 × 0,15 м, в противоположном — 0,6 × 0,2 × 0,13 м.

Захоронение разграблено, кости скелета взрослого мужчины хаотично разбросаны в западной половине, среди них в беспорядке разбросаны обломки сосуда (см. рис. 19, 1), неопределимых железных изделий, три костяных черешковых наконечника стрел (рис. 24, 13—15), железный наконечник (рис. 24, 5), коррозированная железная пряжка с язычком (рис. 24, 1), три бусины с валиками по краям и одна золоченая бочонковидная (рис. 24, 6—8), обломок рукояти кинжала, фрагменты клинка и какого-то костяного предмета (рис. 24, 12). Восемь костяных наконечников лежали кучкой в восточной половине ямы и, видимо, составляли часть разрушенного колчанного набора (рис. 24, 16—22). Кроме того, найдены три железные пуговицы со шпеньком внутри, коррозированные, но заметно, что поверхность их была рельефной, с кольцевым углублением в середине (рис. 24, 2—4). В северо-западной части могилы среди других костей были ребра и рубленый кусок тазовой кости лошади.

Погребение 10 (см. рис. 22, 5) располагалось в южном секторе кургана на расстоянии 3,5 м от погребения 2. Оно было впущено в насыпь аналогично

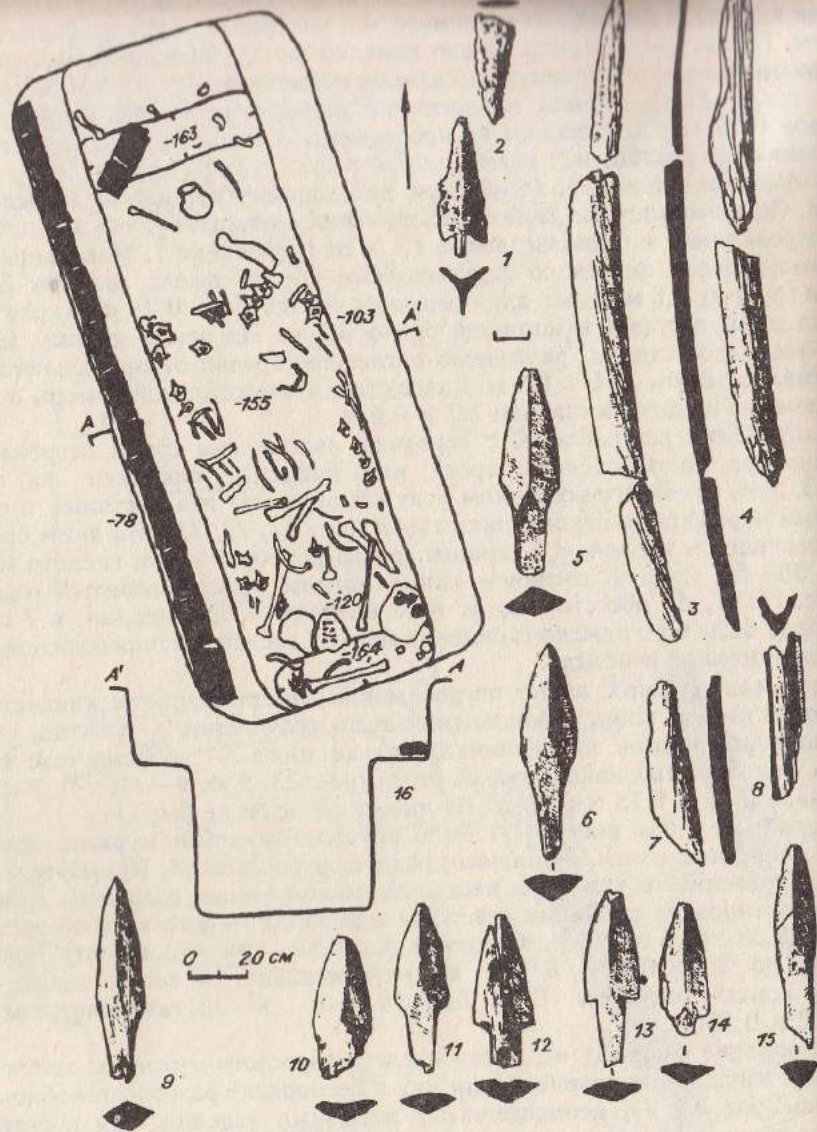

Рис. 23. Инвентарь (1—15) погр. 8 кург. 5 могильника Абатский-1. План и разрез (16).
1, 2 — железо; 3—15 — кость.

погребению 9, а выкид из него по тем же причинам не прослеживался. Погребение ориентировано по линии запад—восток. Могильная яма имеет трапециевидную форму, сильно скругленные углы, восточный конец шириной 1,24 м, западный — 0,85 м, длина — 1,8 м. В середине ширина ямы составляет 1,1 м. Общая глубина могилы 0,78 м.

Вдоль всех четырех стенок имелись заплечики шириной от 0,2 до 0,32 м. Поверхность их не горизонтальна, южная и северная стороны плавно

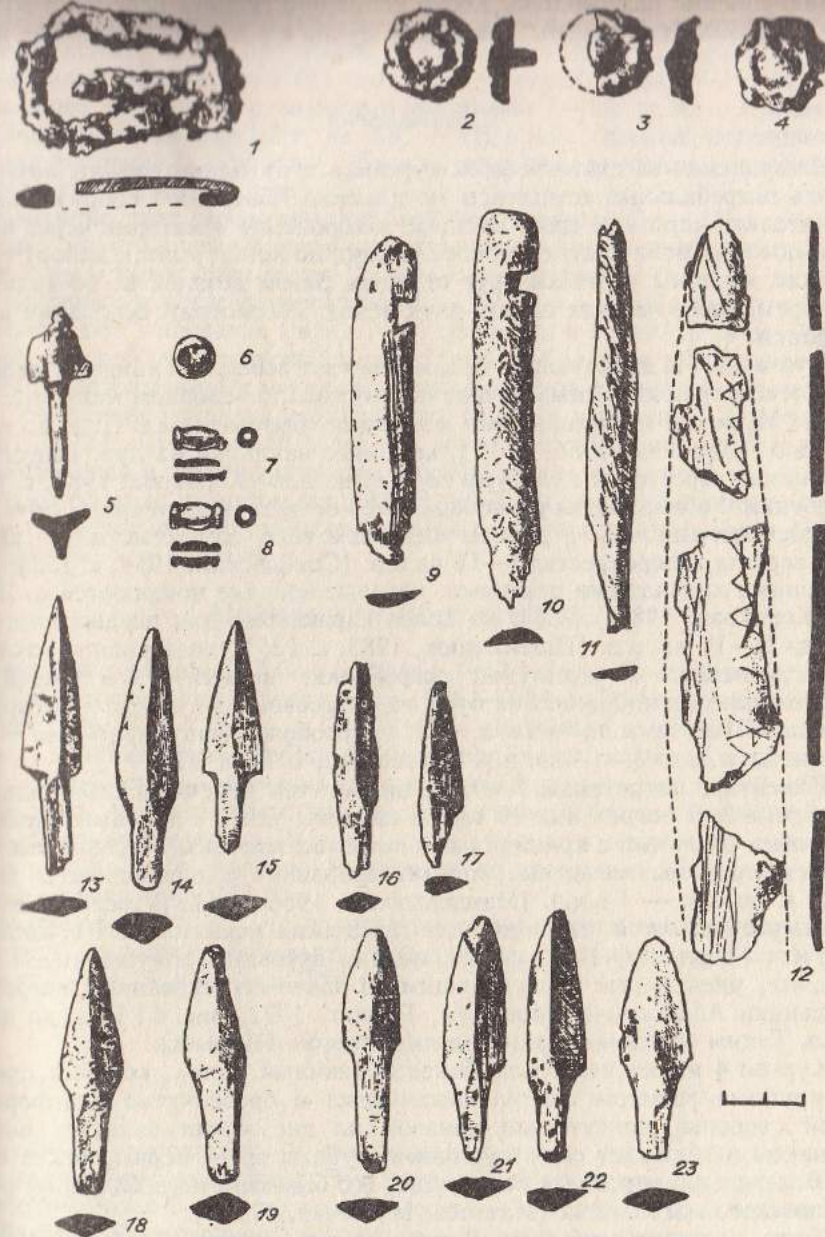

Рис. 24. Инвентарь погр. 9 кург. 5 могильника Абатский-1.
1—5 — железо; 6—8 — стекло с позолотой; 9—23 — кость.

снижаются к востоку. Начиная от заплечиков стенки могилы отвесные, погребальная камера сужается до 1,3 × 0,65 м. На дне у торцов вырыты канавки размерами 0,7 × 0,25 × 0,11 и 0,65 × 0,22 × 0,09 м. В заполнении ямы найдены черепки от двух не орнаментированных сосудов (см. рис. 19, 4, 6), один из которых горшковидный, а другой — баночный.

Захоронение разграблено. Кости неполного скелета ребенка в возрасте 1,5—2 лет были расчищены лежащими кучно в восточной половине на дне могилы.

Хронология

Наблюдения за стратиграфией курганов и их планиграфией позволяют считать погребальные комплексы могильника Абатский-1 сооруженными в сравнительно короткий срок. Вводные захоронения в материк через насыпи единичны и не отличаются от более ранних по конструкции и набору вещей. Впрочем, курганы разнятся друг от друга рядом деталей и, по-видимому, разновременны в рамках одного-двух веков. Рассмотрим основания для их датировки.

Курган 3. Из датирующих предметов в погребении 2 найдены железные черешковые трехлопастные наконечники стрел, в основном мелкие, с треугольной головкой и опущенными жальцами, бытовавшие с III в. до н.э. по III в. н.э. [Сорокин, 1956, с. 11], костяные накладки на лук, известные в памятниках саргатской культуры со II в. до н.э. [Корякова, 1988, с. 86]. В погребении 4 обнаружены разнообразные костяные наконечники стрел, широко распространенные в раннем железном веке, железные меч и кинжал без наконечника и перекрестья I—IV вв. н.э. [Соколовский, 1954, с. 155], удила с большими кольчатыми псалиями, которые впервые появляются со II в. до н.э. [Корякова, 1988, с. 86], но более характерны для позднесаргатского периода II—IV вв. н.э. [Пшеничнюк, 1983, с. 125], гвоздевидные заклепки, распространенные в саргатских погребениях первых веков нашей эры. Мелкие синие цилиндрические бусы из погребения 3 кургана 3 датируются в рамках III в. до н.э. — IV в. н.э., но особенно популярны они были в II—I вв. до н.э. и II—III вв. н.э. [Алексеева, 1978, с. 72].

Инвентарь погребений 7—9, 11 аналогичен перечисленным вещам из погребения 2. В погребении 10 также найдены удила с двойными кольцами и прямыми псалиями с припаянными петлями; железные черешковые наконечники стрел трехлопастные, пряжки бронзовые кольцевидные со шпеньком II в. до н.э. — I в. н.э. [Мандельштам, 1966, с. 113]; тесло железное с несомкнутой втулкой, типичное для саргатских памятников I в. до н.э. — IV в. н.э. [Корякова, 1988, с. 72]; медные пуговицы полушарные и умбоновидные, идентичные происходящим из ранее исследованных погребений могильника Абатский-1 [Мошкова, Генинг, 1972, рис. 6] II в. до н.э. — I в. н.э. Таким образом, курган 3 датируется I—III вв. н.э.

Курган 4 имеет несколько более архаичный облик, который придает ему крупные размеры центральных могил и бревенчатая платформа. С другой стороны, присутствие канавок на дне могил является поздним признаком и сближает его с курганами рубежа эр — первых веков нашей эры. В целом планировка и конструкции его близки к погребальному обряду Савиновского могильника [Матвеев, Матвеева, 1991в].

Из-за значительного разграбления трудно датировать объект. Но совокупное бытование найденных здесь трехгранных железных черешковых наконечников стрел (погребения 2, 5), костяных черешковых ромбических (погребение 5), железного кинжала без наконечника и перекрестья (погребение 2), концевых накладок на лук (погребения 2, 5), железных лировидных язычковых пряжек, бронзовой кольцевидной пряжки с зубчатой рамкой II в. до н.э. — I в. н.э. может относиться ко времени около рубежа эр — I в. н.э. То есть курган 4 синхронен курганам 1 и 2, исследованным в 1963 г.

Курган 5 может характеризоваться лишь по наборам из погребений 1 и 9, так как другие полностью разграблены. Это уже упоминавшиеся костяные

плоские наконечники стрел III в. до н.э. — IV в. н.э., железные трехлопастные черешковые, литые бронзовые крестовидные уздечные бляшки, костяные накладки на лук, меч без наконечника и перекрестья I—IV вв., бусы бочковидные золоченые с валиками по краям I—III вв. н.э., бусина цилиндрическая золоченая III в. до н.э. — III в. н.э., пряжка язычковая лировидная железная II в. до н.э. — II в. н.э., железные пуговицы, характерные для первых веков нашей эры.

Совокупно этот инвентарь мог бытовать в рамках I — III вв. н.э. Из этого следует, что курган 4 примыкает хронологически к ранее раскопанным 1-му и 2-му и датируется около I в. н.э. А два других, 3-й и 5-й, выглядят более поздними и могут датироваться I — III вв. н.э. Поскольку эти интервалы совпадают в пределах I в. н.э., не исключена и более узкая датировка, в пользу которой свидетельствует сходство погребального обряда и наборов инвентаря. Возражения могут служить некоторые отличия в конструкции могил (отсутствие канавок) и ряд ранних вещей в курганах 1, 2 [Мошкова, Генинг, 1972]. По крайней мере не вызывает сомнения определенная хронологическая и топографическая обособленность кургана 5.

Таким образом, в могильнике Абатский-1 мы имеем, по-видимому, две группы погребальных комплексов, ранняя из которых относится к рубежу эр, а поздняя — к I—III вв. н.э.

Могильник Абатский-3

Могильник Абатский-3 был открыт в 1962 г. М.К. Поздняковой, осмотрен в 1988 г. автором и исследовался в 1988—1989 гг. Он расположен справа от дороги Тюмень — Омск на 347—349-м километре шоссе и насчитывал восемь курганных насыпей. Они были расположены неровной цепочкой по линии северо-восток — юго-запад на значительном расстоянии (300—500 м) друг от друга. Курганы насыпаны на краю высокой надпойменной террасы левого коренного берега р. Ишима, под которым в настоящее время находится старичное оз. Угловое. Расстояние до поселения Абатский — 3 км к северо-востоку (рис. 25).

Три кургана — 1, 2, 3-й, находившиеся в непосредственной близости к зоне разрушения при строительстве газопровода, были исследованы в 1988 г., три других — 4, 5, 6-й, — в 1989 г.

Описание погребальных сооружений

Курган 1

Курган 1 располагался в юго-западной части могильника на самом возвышенном участке террасы. Это наибольший из курганов, до распахки имел высоту более 3 м и, по словам местных жителей, не раз подвергался разграблению. Происходящие из него сосуды, типично саргатские, хранятся в Тюменском краеведческом музее и опубликованы М.Г. Мошковой и И.Ф. Генингом [1972]. К моменту раскопок курган имел высоту 0,9 м и диаметр около 40 м (рис. 26), по западному полю его проложена междугородняя линия связи.

В центральной части кургана в насыпи найдено несколько длинных костей человеческих скелетов, происходящих из выбросов грабительских ям. Позднее оказалось, что они связаны с могилой 8. Кроме того, кости конечностей, ребра, позвонки найдены поверх глинистого выброса между могилами 4 и 8, по-видимому, эти кости также были зарыты здесь "бугровщиками".

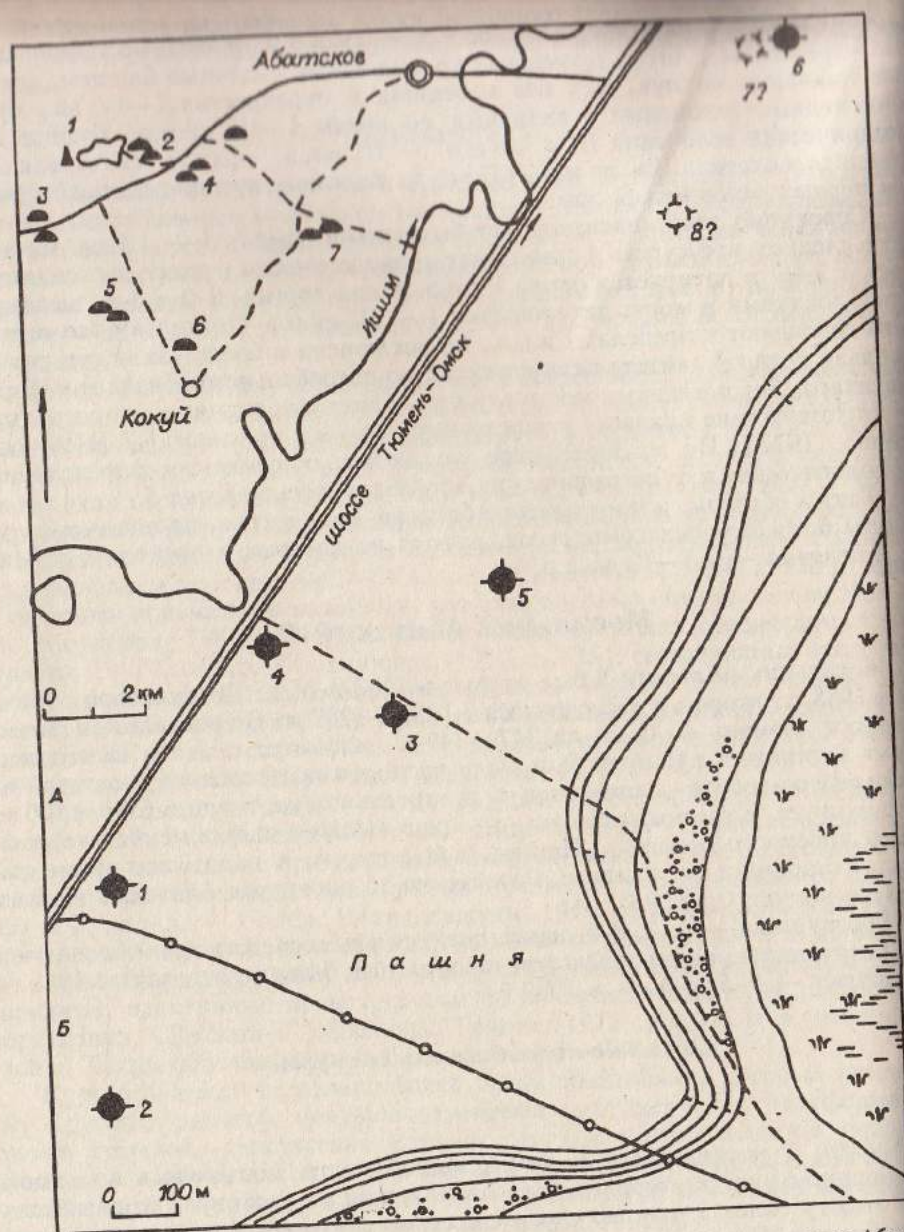

Рис. 25. Схема расположения саргатских памятников близ районного центра Абатское (А) и топографический план могильника Абатский-3 (Б).
А: 1 — поселение Абатское; 2 — курганы на оз. Моховом; 3 — могильник Абатский-2; 4 — могильник Абатский-3; 5 — могильник Кокуйский-2; 6 — могильник Кокуйский-1; 7 — могильник Кокуйский-3. Б: 1-6 — исследованные курганы; 7, 8 — найденные курганы. Горизонтали через 2 м.

Зачистка подкурганной площадки показала, что насыпь была окружена широким рвом с выкидами на обе стороны, максимальный диаметр площадки, ограниченной им, 36 м. Первоначальная ширина была повсюду около 4 м, с юго-западной стороны — 3,2 м, а с северо-западной — около 4,5 м. В разрезе ров усеченно-конический, ширина по дну 1,5—1,8 м. Мощный

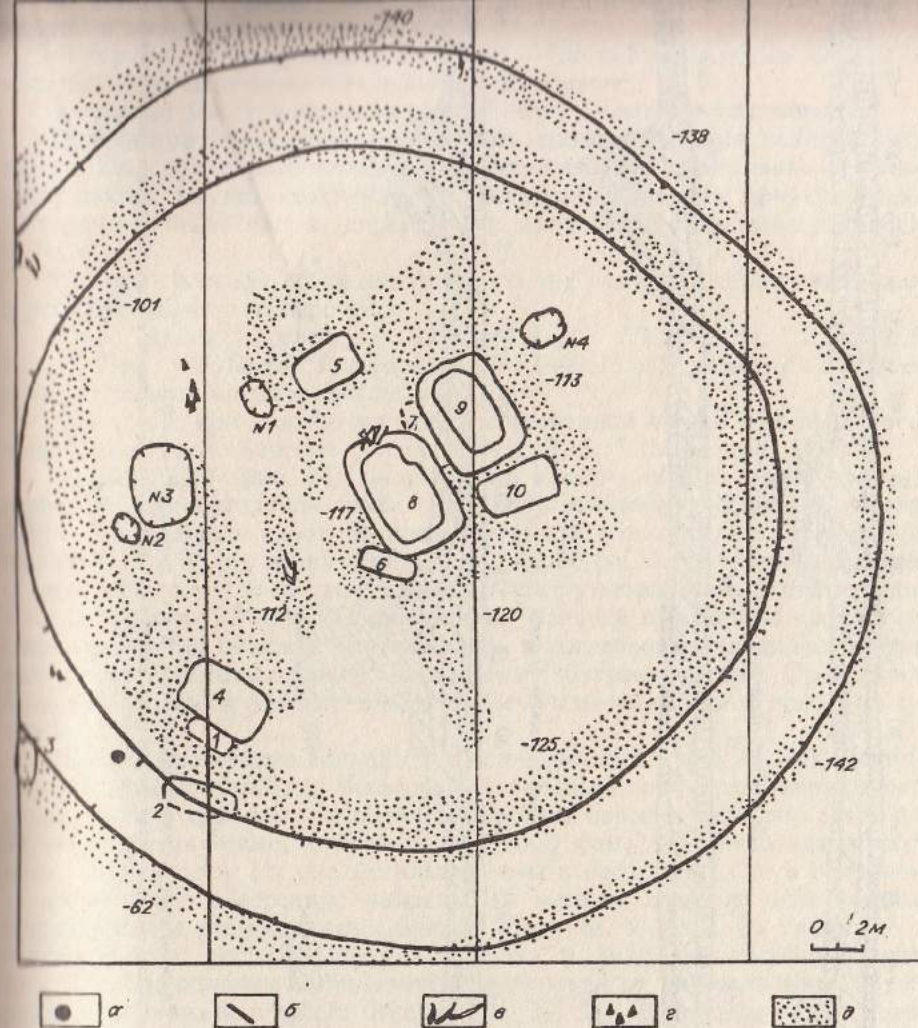

Рис. 26. План кург. 1 могильника Абатский-3.

а — бронзовая пуговица; б — железная проволока; в — кости; г — керамика; д — выбросы.

выкид из него был сделан на существующую уже насыпь под углом не менее чем в 45°, и, видимо, почти сразу начал оплывать в ров. Стенки и дно рва повсеместно заполнены переотложенным глинистым слоем. В верхней его части найдены кости взрослой лошади. Затем на дне рва образовались тонкие черные гумусированные прослойки, поверх них продолжилось сползание выкида с внутренней стороны (рис. 27). Глубина рва от погребенной почвы с юго-восточной стороны 1,4 м, с северо-восточной 1,5 м, с юго-западной 1,3 м, с северо-западной 1,1 м.

Стратиграфия кургана 1 (рис. 27) следующая:

- 1) пахотный слой мощностью 20—40 см, верхний слой разрушенной насыпи;
- 2) темно-серая рыхлая земля мощностью от 0,2 до 1,2 м — основная часть сохранившейся насыпи, а также вторичное заполнение рва;

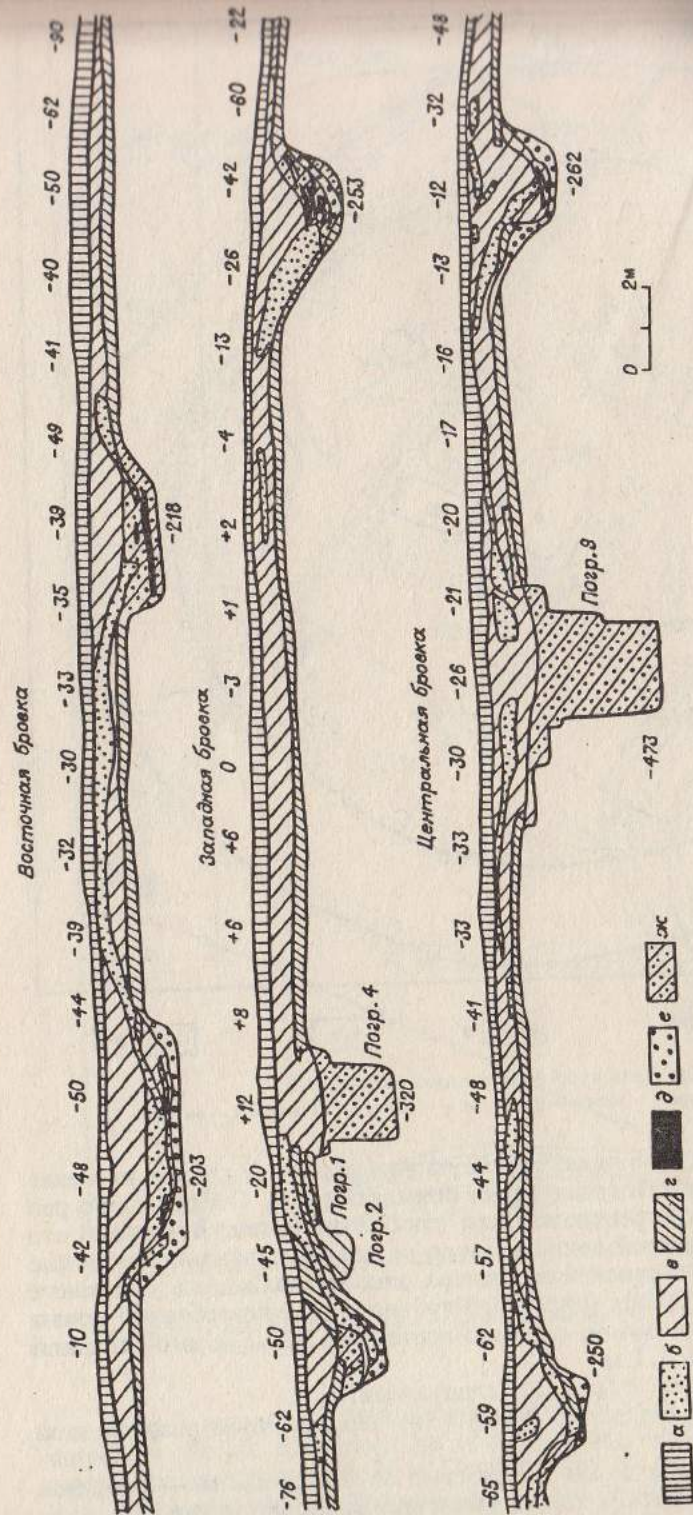

Рис. 27. Разрезы кург. 1 могильника Абатский-3 по линии юг — север.

а — пахотный слой; б — желтый суглинок; в — черная земля, мешанная с суглинком; г — темная-серая рыхлая земля; д — серая плотная супесь, погребенная почва; е — желтый суглинок; ж — черная земля, мешанная с суглинком.

3) желтый суглинок — накладки из могил и рвов, мощностью до 0,4 м в насыпи и до 0,8 м в заполнении рвов;

4) серая плотная супесь (0,2—0,3 м) — погребенная почва. Фиксировалась повсюду, нарушена только могилами и рвом;

5) черная земля, мешанная с суглинком, — заполнение могил.

Большая часть насыпи не сохранилась, поэтому были ли досыпки, судить трудно. Но, судя по расположению выбросов из могил в основном на древней поверхности, все они совершены до сооружения насыпи, причем, видимо, погребение 8 было совершено ранее всех, затем были совершены погребения 9, 10, 6, 4, 5.

На подкурганной поверхности на уровне материка обнаружено шесть саргатских могил и четыре ямы.

Ямы разных размеров (1,4 × 0,9 м, 1,2 × 0,9 м, 2,9 × 2,3 м, 1,5 × 1,2 м), углублены в материк на 0,12—0,15 м и являются грабительскими. Никаких находок они не содержали.

Еще ранее при снятии горизонта погребенной почвы выявлено четыре погребения красноозерской культуры — 1, 2, 3, 7 [Матвеева, 1991б].

Погребение 4 (рис. 28) расположено в юго-западной части кургана в глубокой прямоугольной яме со скругленными углами размером 3,55 × 2,6 м. Вдоль коротких стен могильной ямы прослежены заплечики шириной 20 и 30 см, вдоль длинных — 15 и 60 см. Погребение разграблено. С глубины около 1 м от края появились кости неполного скелета женщины в возрасте около 18 лет, причем фаланги пальцев и берцовые кости имеют следы бронзовых окислов. По-видимому, в погребении находилось большое количество бронзовых вещей, украденных «бугровщиками». Среди костей были зубы молодой лошади, лопатка, плечо и пясть взрослой лошади и зубы теленка.

Найдены железные кольца от конской упряжи (рис. 28, 46), чешуйки красной краски, угольки. Чешуек краски много, они представляют собой окрашенную в красный и черный цвет кусочки бересты размером около 1 см. Узоры геометрические, черным по красному фону, но композицию восстановить не удалось. На дне могильной ямы в беспорядке, но в основном в западном углу и середине найдены 16 мелких золотых штампованных полушарных и розетковидных бляшек (рис. 28, 9—24), 16 таких же, но более крупных (рис. 28, 26—41), бляшка в виде растительного завитка (рис. 28, 42), обломки цилиндрической рукояти от кинжала (рис. 28, 45), россыпь мелкого золоченого бисера (рис. 28, 51). В ножном конце могилы собраны раковина каури (рис. 28, 25), железная обоймочка (рис. 28, 50), в середине ямы — четыре синие бочковидные, одна золоченая, одна кремевая бусины (рис. 28, 52), два обломка ножичка (рис. 28, 55), наконечник стрелы (рис. 28, 56), фрагмент железного изделия с золотым ободком, шесть крестовидных и две мелкие полушарные бляшки из серебра (рис. 28, 1—8).

В южном углу камеры найдены подвеска из клыка животного с бронзовой проволочной петлей (рис. 28, 54) и серебряное гладкое кольцо, обернутое толстой шерстяной черной ниткой (рис. 28, 44). В северном углу обнаружен кусочек деревянной чаши с металлической заклепкой по краю (рис. 28, 47).

При переборке земли, вынутой из заполнения могилы в средней ее части, собраны четыре полушарных и одна солярная золотые бляшки, несколько десятков бисерин.

При зачистке дна погребальной камеры по ее периметру зафиксированы 14 ямок от столбов деревянной внутримогильной конструкции. Все они вертикальные, глубиной от 12 до 30 см.

Погребение 5 (рис. 29, 1) находилось в северо-западной части кургана. Принадлежало мужчине 20—25 лет европеоидного типа. В начале раскопок

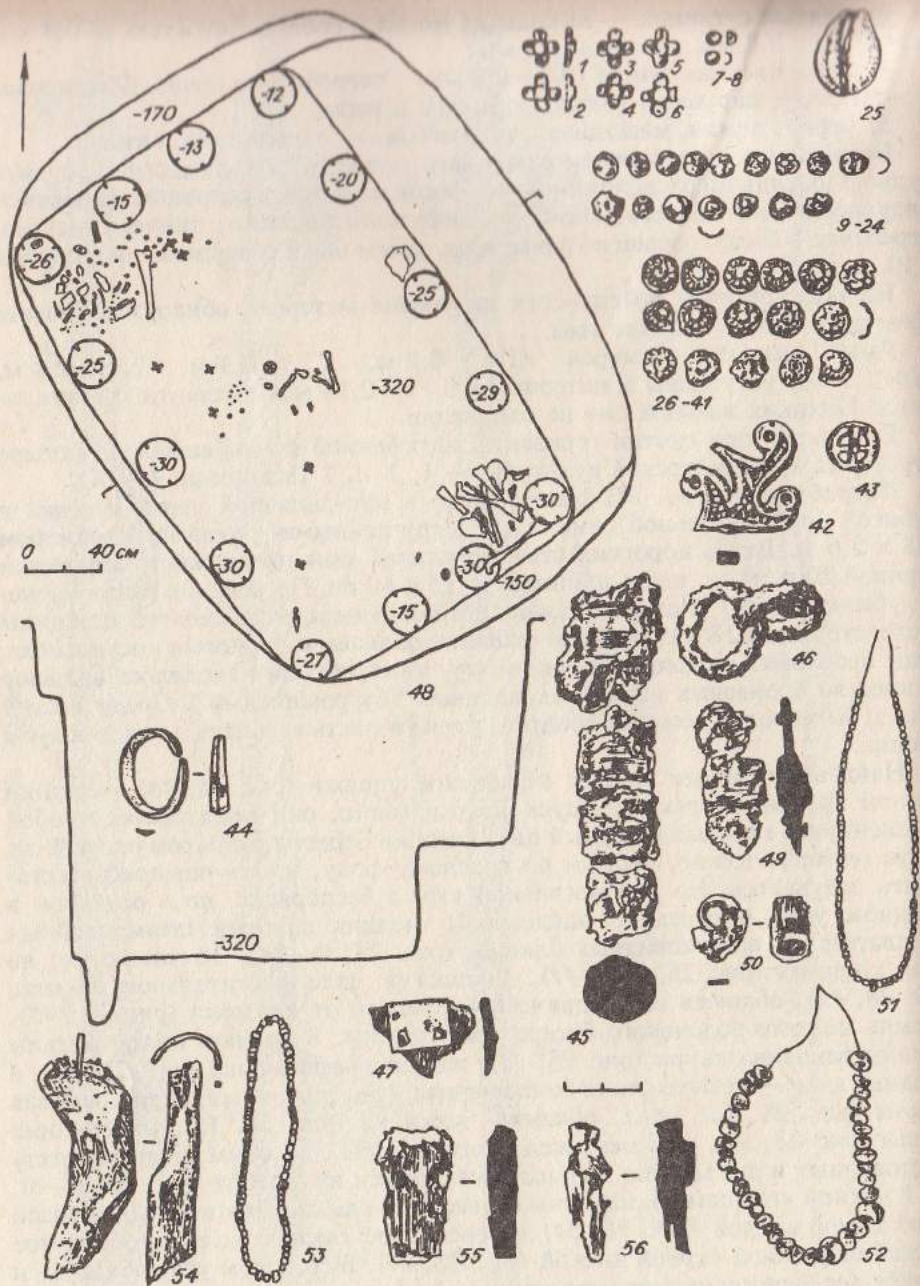

Рис. 28. Находки из погр. 4 кург. 1 могильника Абатский-3 (1—47, 49—56). План и разрез погр. (48).

1—8, 44 — серебро; 9—24, 26—43 — золото; 25 — раковина каури; 45 — железо, золото; 46, 49, 50, 55, 56 — железо; 47 — дерево, бронза; 54 — кость, бронза; 51—53 — стекло, стекло с позолотой.

могилы встречались деревянные плашки, береста с корой, куски бревен. Местами на дереве прослеживались подпалины, а на глубине 1 м найдена в вертикальном положении сильно обугленная плаха. По-видимому, это остатки провалившегося деревянного перекрытия. Стенки могилы почти вер-

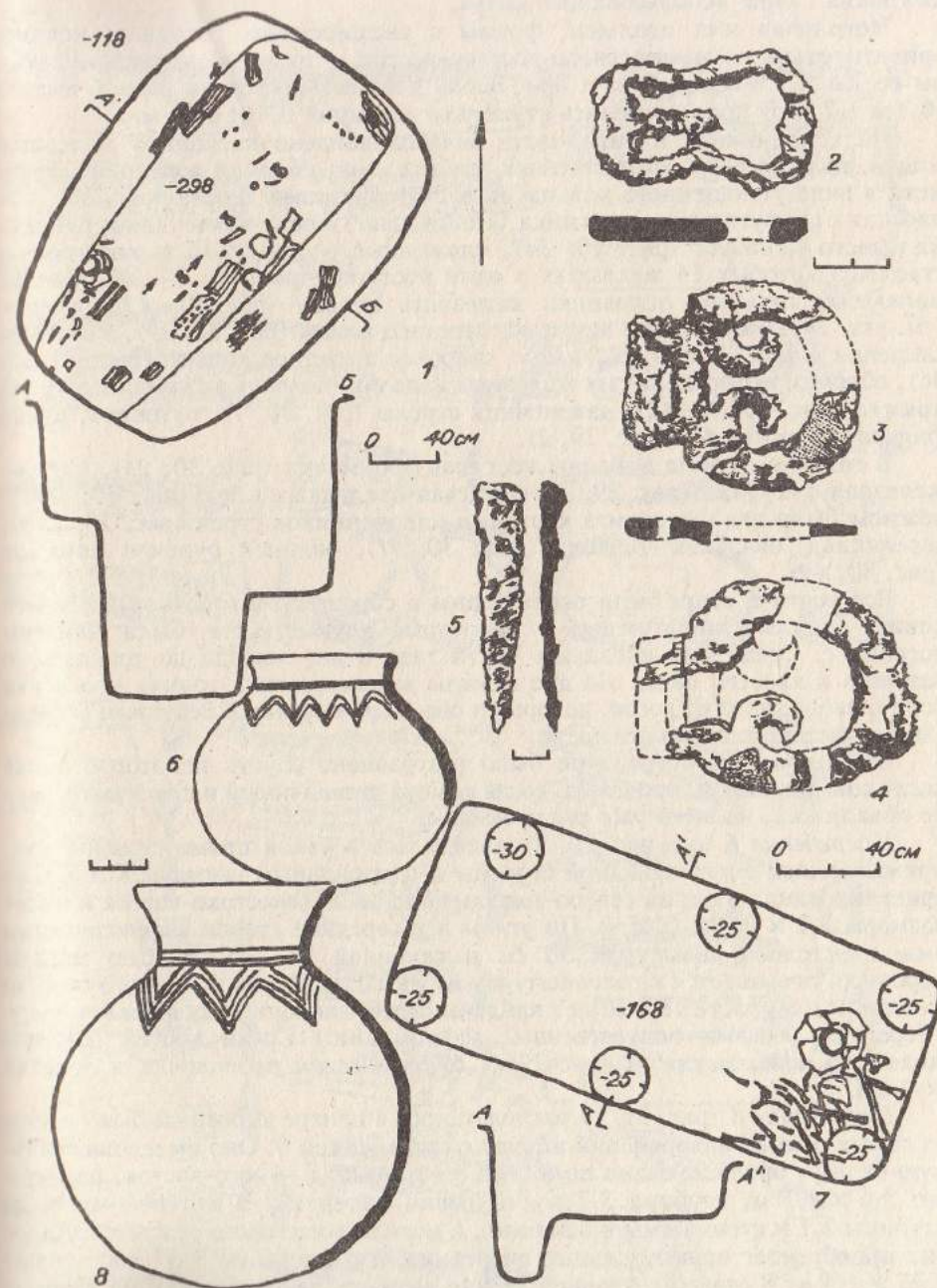

Рис. 29. План, разрез погр. 5 (1) могильника Абатский-3. Находки из него (2—5, 8). План, разрез погр. 6 (7) и сосуд из него (6).

2—5 — железо; 6, 8 — глина.

тикальные, но не ровные, на северо-восточной стороне особенно хорошо видно, как отпечатались следы орудий, которыми копали яму. Это не очень широкие — 12—15 см — негативы с полукруглыми краями. Возможно, для рыхления глины использовались колья.

Могильная яма овальной формы с расширенным головным концом ориентирована по линии северо-востока-восток — юго-западо-запад. Размеры ее 2,4 × 1,8 м, глубина 1,8 м. Вдоль длинных сторон на разной высоте (0,7 и 1,2 м от края) имелись ступеньки шириной 0,4 и 0,65 м.

На запялке в южной части могилы найдено несколько железных вещей, должно быть выброшенных грабителями: обломки железного предмета в виде уплощенного кольца, нож с отпечатками дерева (рис. 30, 37), плоская прямоугольная пластинка (панцирная?) с остатками ткани, рукоять железного кинжала (рис. 30, 34), сложенные в кучку 15 наконечников стрел, из которых 14 железных и один костяной (рис. 30, 8—20). На дне могилы обнаружены половинка железного кольца (рис. 30, 43), горшок (см. рис. 29, 8), бронзовая накладка на конец ремня (рис. 30, 39), железные заклепки (рис. 30, 30—32), нож, широкое железное кольцо (рис. 30, 35, 36), обломки неопределимых железных изделий, поясная ажурная железная пряжка (рис. 30, 40, 42), наконечник стрелы (рис. 30, 1), пуговица, целая фигурная пряжка (см. рис. 29, 2).

В головном конце найдены костяная обоймочка (рис. 30, 25), пряжка железная фигурная (рис. 29, 3), концевая накладка на лук (рис. 30, 38). В ножном были два фрагмента костяных наконечников стрел (рис. 30, 2, 3), деревянная овальная бляшка (рис. 30, 41), обломок рукояти кинжала (рис. 30, 44).

Все кости и вещи были перемешаны и сброшены в головной и ножной концы могилы, лишь череп и некоторые другие кости были найдены посередине. Среди них оказались кости таза и ног лошади до трехлетнего возраста и крестец овцы. На дне могилы зафиксирована тонкая прослойка коричневого тлена от досок, которыми оно было выстлано. Все кости скелета также имели следы такого тлена.

Очевидно, что погребение было разграблено спустя некоторое время после совершения захоронения, когда камера стояла полой и перекрытие еще не обвалилось, но труп уже разложился.

Погребение 6 (см. рис. 29, 7) находилось в узкой прямоугольной яме, примыкающей с юго-западной стороны к центральным могилам 8 и 9. Она ориентирована по линии северо-западо-запад — юго-востока-восток и имеет размеры 2,2 × 0,9 × 0,45 м. По углам и в середине стенок зафиксированы ямы от столбов диаметром 30 см и глубиной 25—30 см. Дно могилы неровное, повышается к головному концу на 10 см. Кости неполного скелета женщины в возрасте 18—20 лет найдены сгребенными в кучу в южном углу. (Череп со следами искусственной деформации.) Среди костей найдены железный нож, сосуд (см. рис. 29, 5, 6), бронзовая проволока и лопатка лошади.

Погребение 8 (рис. 31, 1) располагалось в центре кургана и было одним из самых ранних захоронений наряду с погребением 9. Оно имеет подовальную форму, ориентировано по линии северо-запад — юго-восток, размеры его 3,6 × 4,7 м, глубина 3,7 м от уровня материка. В верхней части до глубины 2,7 м стенки ямы наклонные, а могила постепенно сужается. Далее она приобретает прямоугольные очертания, а размеры по дну составляют 3,35 × 1,6 м. В северо-восточной стенке имеются две ступеньки на глубине 2,65 и 2,9 м от уровня материка. Возможно, что контуры верхней части могилы искажены "бугровщиками". В заполнении найдены позвонки, череп без нижней челюсти, принадлежавший женщине 40—50 лет, на дне — обломки таза, бедро, большая берцовая кость, кости стопы, лопатки.

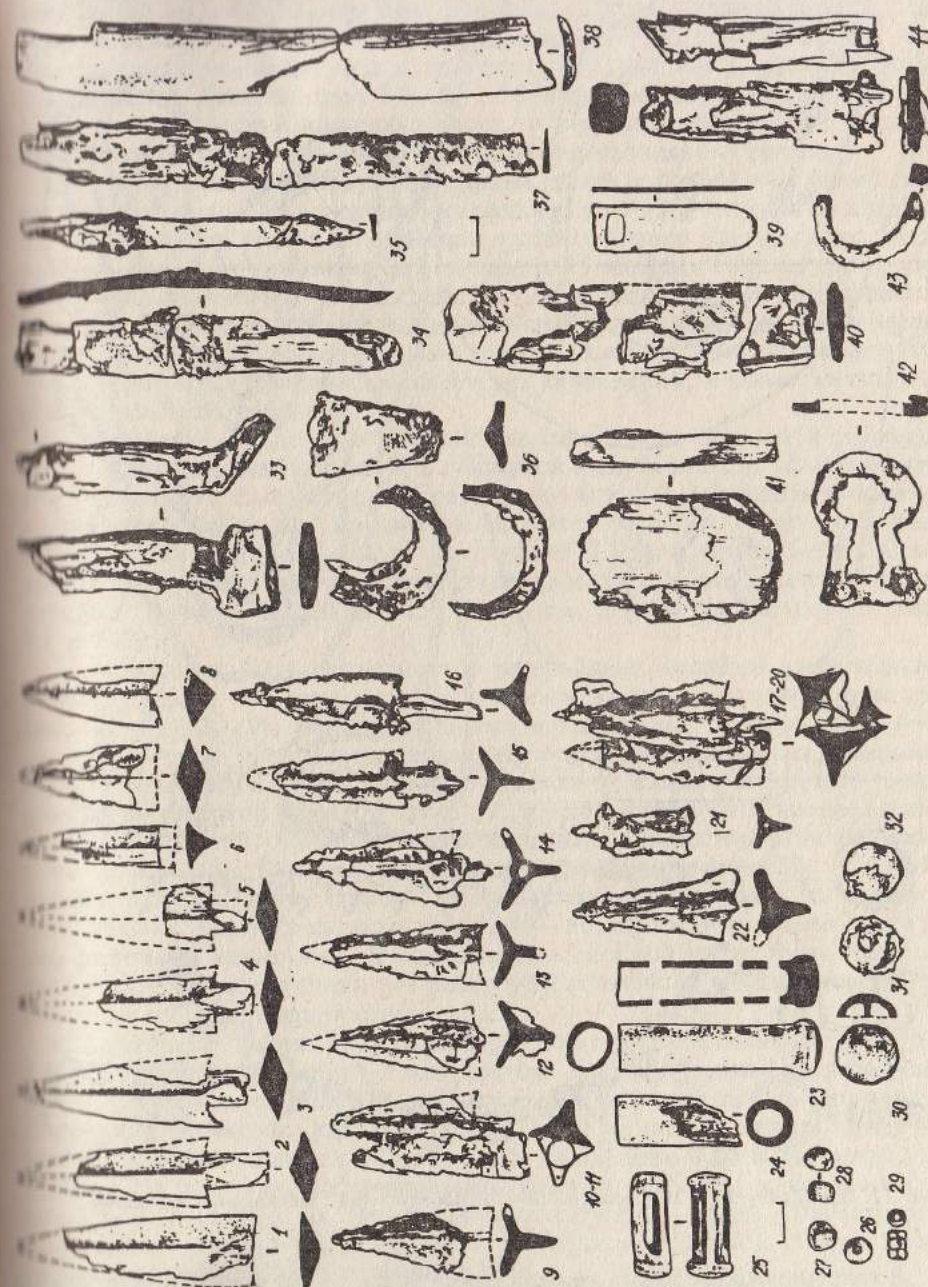

Рис. 30. Инвентарь из погр. 5 кург. 1 могильника Абатский-3.

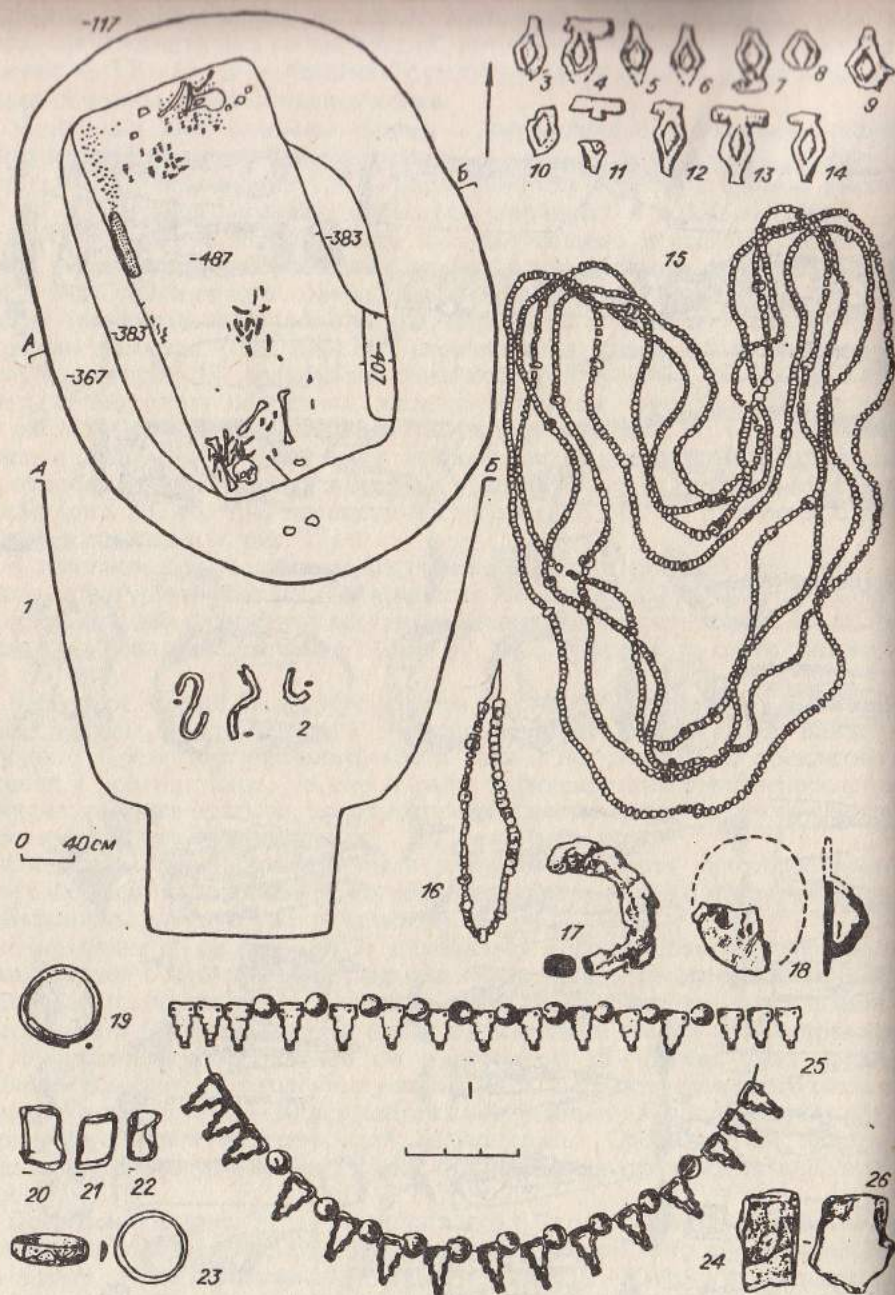

Рис. 31. План, разрез (1) и инвентарь (2—26) погр. 8 кург. 1 могильника Абатский-3.

В головном конце *in situ* лежали бабка козы, тазовая кость и шесть ребер взрослой лошади. Из вещей, принадлежавших умершей, собраны кусочек меди, изогнутая бронзовая проволока (рис. 31, 2), бронзовое колечко (рис. 31, 23), обломки железного ножа, имевшего деревянную рукоять

прилипшей золотой пластинкой, тонкие проволоочные бронзовые обоймочки (рис. 31, 20—22), железная пряжка (рис. 31, 17) и медные фигурные бляшки от расшивки одежды плохой сохранности (рис. 31, 3—14).

Только вдоль юго-западной стенки сохранился участок шириной 20 см, не тронутый грабителями, погребенный под обвалом стенки. Здесь виден был тлен от досок, выстилавших пол. Найдены остатки кожаной ленты, полностью истлевшей, шириной около 9 см и длиной 52 см, причем один ее конец был подогнут не менее чем в три раза. Вся она была расшита мелким разноцветным бисером (рис. 31, 15). Но поскольку лента была сложена, то бисер располагался в несколько слоев, и восстановить рисунок оказалось невозможно. По-видимому, это был пояс или нарядная перевязь.

В головах также обнаружены камень, пришлифованный с одной стороны, серьга бронзовая с заходящими концами (рис. 31, 19), бусы стеклянные, из которых три темно-синих, одна золоченая многоступенчатая (рис. 31, 16), золотые нити от вышивки на одежде и 25 золотых бляшек, из которых 15 в виде ступенчатых пирамидок, а 10 — полушарные штампованные (рис. 31, 25). В заполнении могильной ямы также найдены шесть мелких фрагментов керамики, украшенных гребенкой и наколами, по облику близких к керамике из ранних, досаргатских погребений, видимо, связанные с разрушенным погребением 7.

Погребение 9 (рис. 32, 19) расположено с северо-восточной стороны от центрального вплотную к нему, в обширной и глубокой (3,3 м) прямоугольной яме со скругленными углами размером 4,0 × 3,0 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. Со всех четырех сторон она имеет заплечики шириной 50—60 см на глубине 0,5 м, а на глубине 2,0 м от уровня материка сужается, и здесь зафиксирован еще ряд заплечиков вдоль длинных стенок шириной 15 и 25 см, а размеры по дну составили 3,1 × 1,45 м.

Захоронение было неоднократно разграблено, находки встречались на разной глубине. Это семь железных коррозированных наконечников стрел (рис. 32, 4, 5, 8, 12), четыре концевых накладки на лук (рис. 32, 1—3), железное кольцо, фрагменты керамики, железный кинжал без наконечника и перекрестья (рис. 32, 18), обломки рукояти и клинка железного меча с прилипшей золотой фольгой (рис. 32, 6, 20), фрагменты неопределимых железных изделий, четыре бляшки железные, инкрустированные золотом (рис. 32, 13—16). Там же найдена пряжка железная (рис. 32, 17), развал горшка, украшенного рядами разнонаклонных насечек на плечиках (рис. 32, 21). Кости скелета мужчины 40—50 лет были сгребены в кучу на юго-восточном конце ямы. В качестве заупокойной пищи были положены два куса конины: грудка (20 ребер и 10 позвонков) и задняя часть туши с тазовой костью от одной особи.

Погребение 10 (рис. 32, 22). Совершено в прямоугольной яме размерами 2,9 × 1,5 м, примыкающей с юго-востока к центральным погребениям и врезанной в выкид от них. Оно ориентировано по линии западо-юго-запад — востоко-северо-восток, углублено на 1,5 м от уровня материка. Вдоль юго-восточной стенки прослежена ступенька на глубине 0,65 м шириной 0,2—0,25 м. На дне ямы зафиксированы ямки от столбов: в северо-восточной стороне их три, в противоположной — одна. Диаметр равен 0,15 м, глубина 0,1—0,18 м, ямка у середины торцевой стенки больше других: ее диаметр 0,3 и глубина 0,25 м.

Погребение разграблено. Найдены кости неполного скелета мужчины старше 25 лет, а также два фрагмента саргатской керамики и мелкий кусочек неопределимого железного изделия.

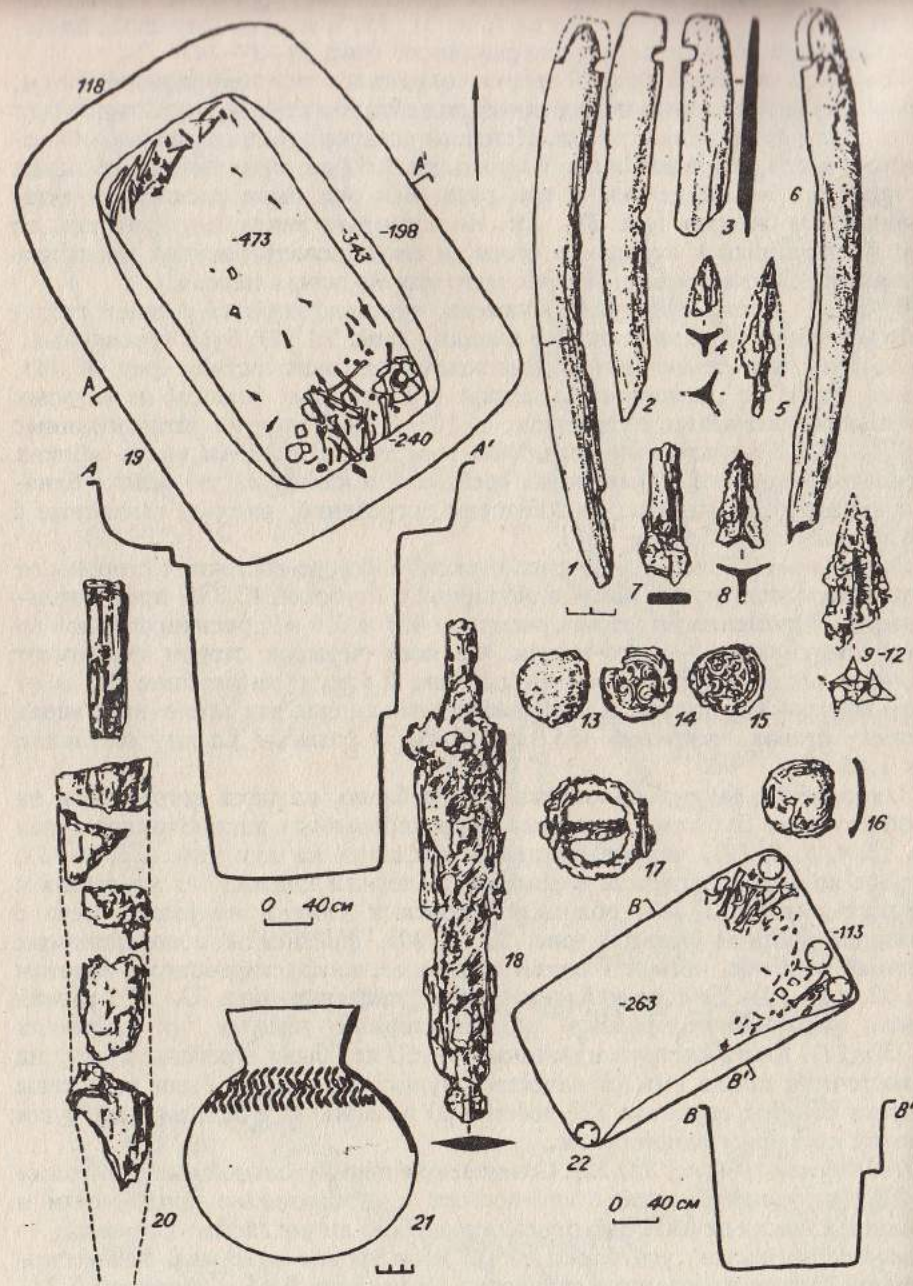

Рис. 32. Планы и разрезы погр. 9 (19) и 10 (22) кург. 1 могильника Абатский-3 Находки (1—18, 20, 21) из погр. 9.

1—3, 6, 24 — кости; 13—15 — железо с никростацией; 4, 5, 7—12, 16—18, 20 — железо; 21 — глина.

Располагался в юго-восточной части могильника на склоне террасы, обращенном к оз. Угловому, и являлся самым южным в цепочке курганов. Диаметр его был около 26 м, высота с северной стороны к моменту раскопок 0,3 м, с южной — 1,2 м. Перепад высот объясняется лучшей сохранностью насыпи на склоне террасы (см. рис. 25).

В ходе работ вскрыто сложное погребальное сооружение, захоронения в котором производились не менее чем в три этапа. В центральной части подкурганной площадки выявлено восемь саргатских могил, окруженных круглым замкнутым рвом. Его ширина колеблется от 1,2 м с северо-западной стороны до 1,7 м с юго-восточной. Диаметр площадки, ограниченной рвом, 16 м. Внутренний ров углублен на 0,3—0,4 м в материк, в сечении он трапецевидный. Выкид из него уложен с внутренней стороны невысоким валиком шириной 0,7—1 м. На расстоянии 2 м от этого рва с юго-восточной стороны и в 3—4 м в других местах зафиксирован другой, внешний, ров, более широкий и глубокий, по-видимому также замкнутый. Диаметр площадки, ограниченной этим рвом, 26 м, ширину в пределах 1,6—2,2 м, глубина рва от 0,4 до 1 м. Сечение внешнего рва везде трапецевидное, за исключением южной части, у бровки, там он конический. Второй ров окружает еще три саргатских погребения, впущенных в курган с востока и юга, причем два из них — в малый ров. Выкид из внешнего рва сделан также внутрь подкурганной площадки и представляет собой валик шириной 1,2—1,5 и высотой 0,2—0,25 м (рис. 33). На дне его, в северо-восточной части, обнаружена линза прокала диаметром 1,05 м и глубиной 5 см. В юго-западной части его найден трехлопастный черешковый наконечник стрелы. Вся восточная часть внешнего рва оказалась занята грунтовыми погребениями (№ 2, 4, 6—10). Они относятся к более позднему времени.

Стратиграфия кургана 2 (рис. 33):

- 1) пахотный слой — 25—40 см — верхняя часть разрушенной насыпи;
- 2) серая рыхлая супесь — от 0,3 до 1 м — основная часть насыпи;
- 3) желтый суглинок, представленный линзами толщиной 0,1—0,3 м, являющийся выбросом из могил и рвов;
- 4) темно-серая супесь — погребенная почва. Прослежена повсеместно между могилами и рвами на участках, не подвергавшихся перекопам. Толщина 18—20 м;

5) темно-серая рыхлая супесь толщиной 0,6 м прослежена в заполнении могил 1, 17, 35;

6) мешанная с суглинком черная земля — заполнение большинства разграбленных могил, кроме того, зафиксирована на дне рва под погребением 1 и, видимо, связана с рытьем могильной ямы.

При разборке насыпи в центре ее найдены несколько саргатских неорнаментированных черепков, а также кости человеческих скелетов, находившихся в выбросах из грабительских ям.

Погребение 1 (рис. 34, 1) находилось в прямоугольной яме, вырытой в заполнении внутреннего рва кургана на глубину 0,5 м. Ориентировано по линии восток—запад. Размеры ямы 2,35 × 1,0 м, в головах и в ногах вне могилы имеются канавки глубиной 0,2 и размерами 0,8 × 0,35 и 1,0 × 0,4 м. Погребение разграблено. В положении *in situ* найдены лишь кости ног. Это позволяет считать, что покойник — мужчина 18—20 лет — лежал вытянуто

* Рассматриваются ниже, в разделе "Кашинская культура".

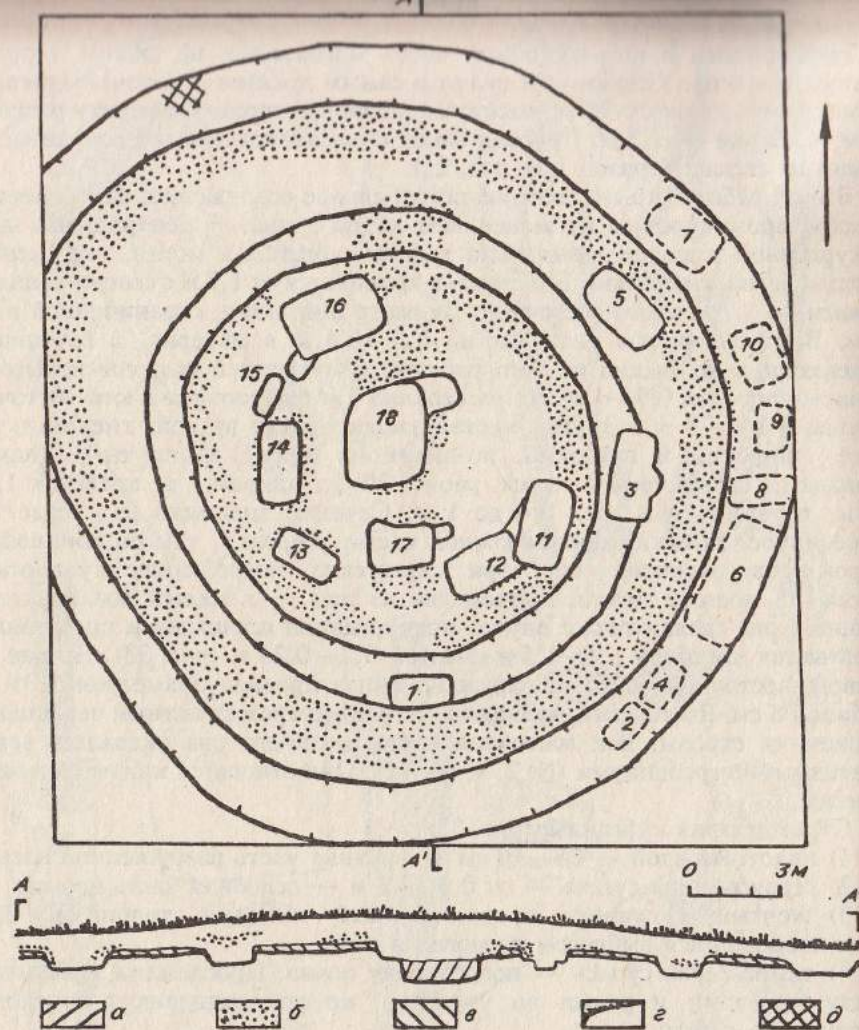

Рис. 33. План и разрез кург. 2 могильника Абатский-3.

а — темно-серая супесь; б — выкид; в — погребенная почва; г — насыпь; д — провал.

на спине головой на восток. У левой берцовой кости остриями вниз, очевидно в колчане, лежала кучка из четырех железных и шести костяных черешковых наконечников стрел. Среди последних были ромбические трехгранные в сечении экземпляры (рис. 34, 2—10). В ногах покойника найдены ребро лошади и плюсна взрослой коровы.

Погребение 3 (рис. 34, 13) обнаружено с восточной стороны внутреннего рва и оказалось врезанным в него до глубины 0,9 м от уровня материка. Оно совершено в прямоугольной яме со скругленными углами размерами 2,8 × 1,5 м, имевшей заплечики со всех четырех сторон. Они фиксировались с глубины 0,6 м, их ширина 0,3—0,53 м. Могила ориентирована по линии восток—запад.

На заплечиках сохранились куски истлевшего дерева от перекрытия могилы, насланного в два яруса, причем нижний был продольным, а

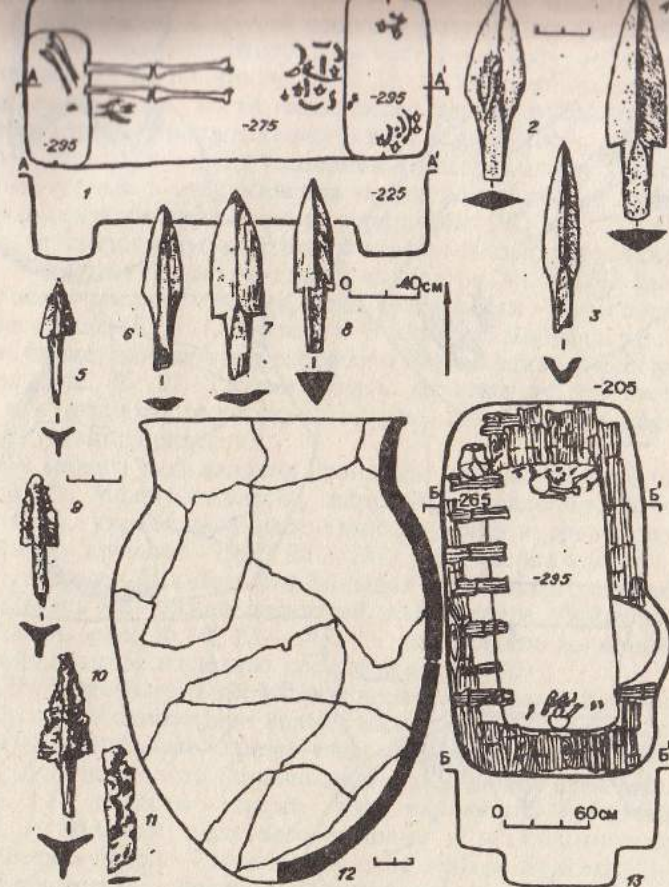

Рис. 34. План, разрез (1) и инвентарь (2—10) погр. 1 кург. 2 могильника Абатский-3. План и разрез погр. 3 (13) и находки из него (11, 12).

2—8 — кость; 9—11 — железо; 12 — глина.

верхний — поперечным. В северо-западном углу на заплечиках поверх перекрытия найден неорнаментированный саргатский горшок, раздавленный землей (рис. 34, 12). Могила разграблена. В ней сохранились лишь разрозненные кости неполного скелета, по-видимому мужчины 30—40 лет. От черепа собрано несколько лицевых костей, а также черепная крышка с лобной костью. На лобной кости над надбровными дугами заметны следы какого-то минерала или солей в виде блестящей крошки, проходящие полосой в 4 см по всему лбу. Менее интенсивно блески покрывали остальную поверхность черепа. В головном, северном, конце могилы найдены также бедренная кость и фрагмент таза взрослой овцы и обломок лезвия железного ножа (рис. 34, 11).

Погребение 5 (рис. 35, 1) располагалось в прямоугольной яме между внутренним и внешним рвом в северо-западном секторе кургана. Оно имеет размеры 2,7 × 1,7 м и глубину 0,8 м от уровня материка, ориентировано по линии северо-запад — юго-восток. Вдоль северо-восточной стороны могильной ямы была сделана ступенька шириной 0,2—0,3 м на глубине 0,5 м. В погребении находилось два скелета одновременно захороненных покойников — женщины 20—25 лет с искусственно деформированным черепом

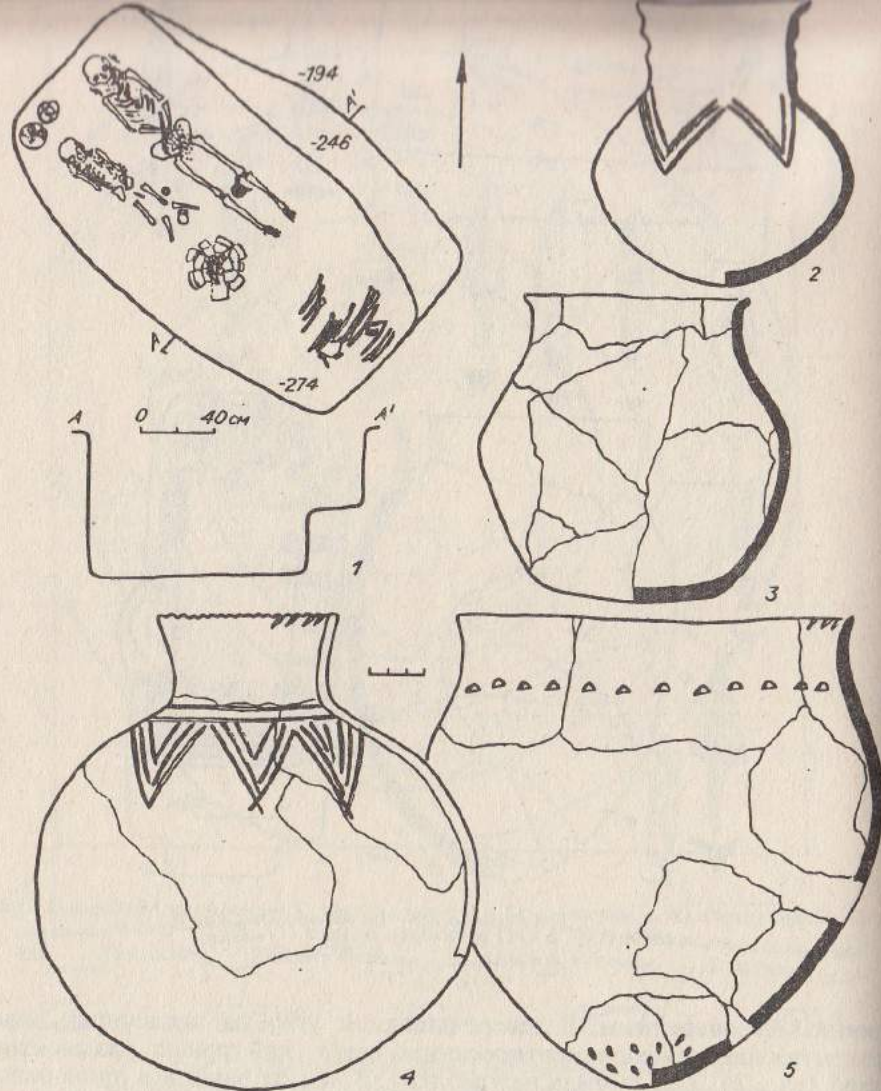

Рис. 35. План и разрез погреб. 5 (1) кург. 2 могильника Абатский-3 и сосуды из него.

и девочки примерно 7 лет. Взрослая покойница лежала вдоль северо-восточной стенки могильной ямы, девочка — справа от нее; обе располагались вытянуто на спине, руки старшей перекрещены на животе. Обе были накрыты толстым слоем березовой коры с остатками бересты. Женщина положена головой вплотную к торцевой стенке ямы, девочка — пониже, головой доходит ей до середины плеча, ноги их также находятся не на одном уровне.

На свободном участке у головы девочки стояли два глиняных горшка: один с резными фестонами, большой и грубый, другой поменьше, неорнаментированный (рис. 35, 3, 4). Между коленями женщины и девочки стоял

по середине поверхности, с другой стороны рисунка не было (рис. 35, 2). В ногах девочки оказался раздавленным четвертый сосуд, украшенный ногтевыми вдавлениями по плечикам (рис. 35, 5). В большом горшке с резными фестонами находились кости животных, мелко рубленные, в середине раздавленного горшка обнаружена также крупная кость животного.

Слева и справа от черепа женщины лежали золотые серьги со щитком, украшенным зернью и содержавшим гнездо для камня, и привеской в виде кольца с напаянными пирамидками зерни (рис. 36, 5, 6). Слева от нижней челюсти были найдены две круглые синие бочонковидные бусины, в области ключицы — золотая бочонковидная с валиками, в области запястий — две синие, две золоченые с валиками, близ левой кисти — три синие, в области таза — две синие. Еще 27 бусин, в том числе многочисленные золоченые, желтая, две синие, найдены под ребрами и подвздошными костями, в области малого таза (рис. 36, 2). Трудно судить, остатки ли это ожерелья, сместившиеся при истлевании одежды, или принадлежности костюма в виде вышивок и пуговиц, привесок.

У костей малого таза найдена бронзовая плоская прямоугольная подвеска (рис. 36, 4). Между коленями женщины лежало бронзовое зеркало с ручкой-штырем, украшенное насечками по краю и гравированными концентрическими кругами (рис. 36, 18), под зеркалом — пряслице (рис. 36, 7). В ногах был положен большой кусок мяса лошади или коровы (грудинка), здесь же лежали железный нож, четыре обоймочки, железные удила и псалии (рис. 36, 8, 11—14, 17), на фаланге мизинца левой руки было коррозированное железное кольцо (рис. 36, 16).

В области плеч и грудной клетки девочки собраны бусины, видимо от ожерелья. В него входили: три белые, шесть зеленых, девять голубых, две синие, одна глазчатая, две черные, одна темно-синяя, десять многочастных золоченых, одна золоченая бочковидная с валиками, одна мелкая голубая (рис. 36, 1). В области малого таза находилась бронзовая пронизка (рис. 36, 3) и обломки железного изделия с остатками ткани, видимо пряжки. У левого бедра — цилиндрическое лепное пряслице (рис. 36, 10), под нижней челюстью — две витые бронзовые подвески от серег (рис. 36, 9), на правой кисти девочки был железный распавшийся перстень (рис. 36, 15).

Погребение 11 (рис. 37, А) находилось в прямоугольной яме со скругленными углами с юго-восточной стороны кургана внутри пространства, ограниченного первым рвом. Ориентировано по линии северо-северо-восток — юго-юго-запад, имело размеры $2,75 \times 1,6$ и глубину 0,8 м. Могильная яма его, по-видимому, прорезала более раннее погребение 12. Прослежены заплечики со всех четырех сторон на глубине 0,3 м шириной от 15 до 30 см. На дне ямы при зачистке обнаружили канавки в головном ($1,2 \times 0,38 \times 0,16$ м) и ножном ($0,42 \times 1,32 \times 0,14$ м) концах. Кости из двух разрушенных грабителями захоронений были сброшены в южный угол могилы. Они принадлежали мужчинам 20—25 лет. Здесь же найдены костяной черешковый наконечник стрелы (рис. 37, 5), какое-то сломанное бронзовое фигурное изделие из четырех фрагментов (рис. 37, 1—4).

Погребение 12 (рис. 37, Б) совершено в прямоугольной яме со скругленными углами размером $2,3 \times 1,6 \times 0,75$ м, ориентированной по линии северо-востока-восток — юго-запада-запад. Заплечики зафиксированы вдоль северо-западной стороны шириной 0,2, высотой 0,3 м. На плоском ровном дне отмечены две прямоугольные ямки у длинных стен глубиной 0,15 м, а вдоль юго-восточной стены — еще две от столбов диаметром 0,16 м, глубиной 0,15 и 0,17 м. В северо-западной стороне, ближе к северному углу,

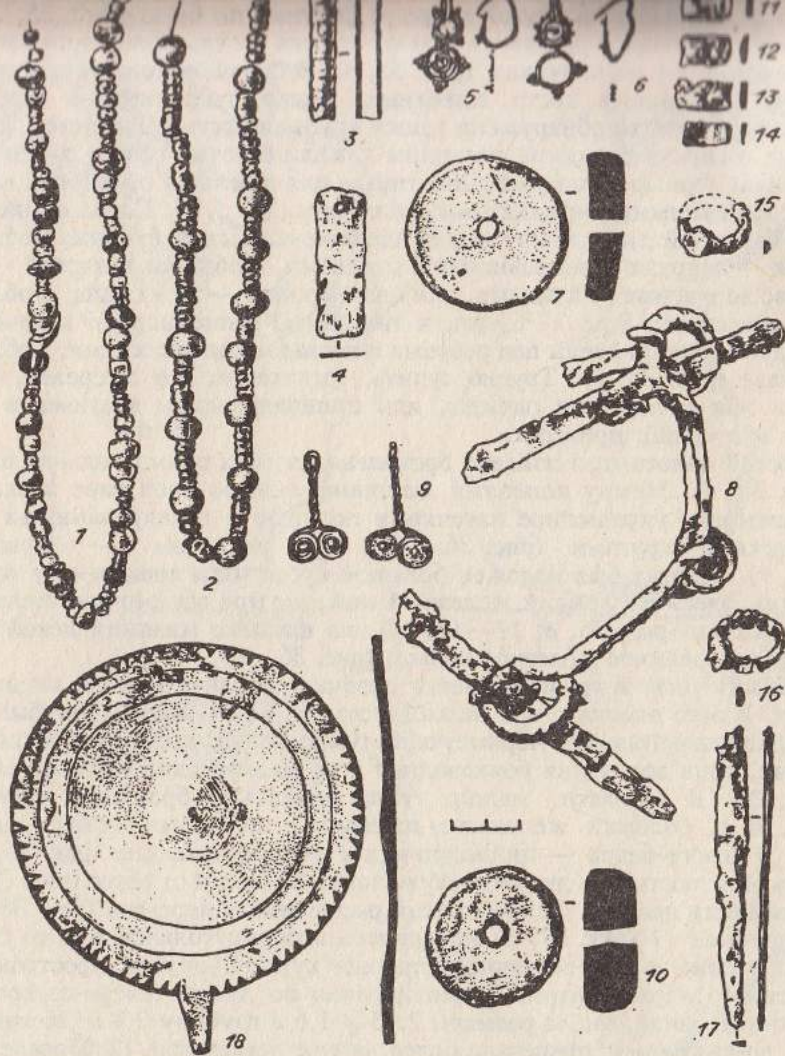

Рис. 36. Инвентарь погр. 5 кург. 2 могильника Абатский-3.

1 — одноцветное и многоцветное стекло; 2 — синее стекло, стекло с позолотой; 3, 4, 9, 18 — бронза; 5, 6 — золото; 7, 10 — глина; 8, 11—17 — железо.

находилась ямка побольше, диаметром и глубиной 0,2 м. Все они вертикальные в разрезе.

Кости неполного скелета женщины найдены в северном углу могильной ямы. Там же обнаружены ребро, лопатка и тазовая кость лошади.

Погребение 13 (рис. 38, 1) находилось в прямоугольной яме со скругленными углами, расположенной в юго-западном секторе кургана на площадке, ограниченной первым рвом. Ориентировано по линии северо-западо-запад — юго-востоко-восток, имело размеры 2,0 × 1,1, глубину 0,6 м. Вдоль длинных сторон зафиксированы заплечики шириной 0,2 и 0,3 м, а в головах и ногах на дне — канавки шириной 0,25 и глубиной 0,2 м.

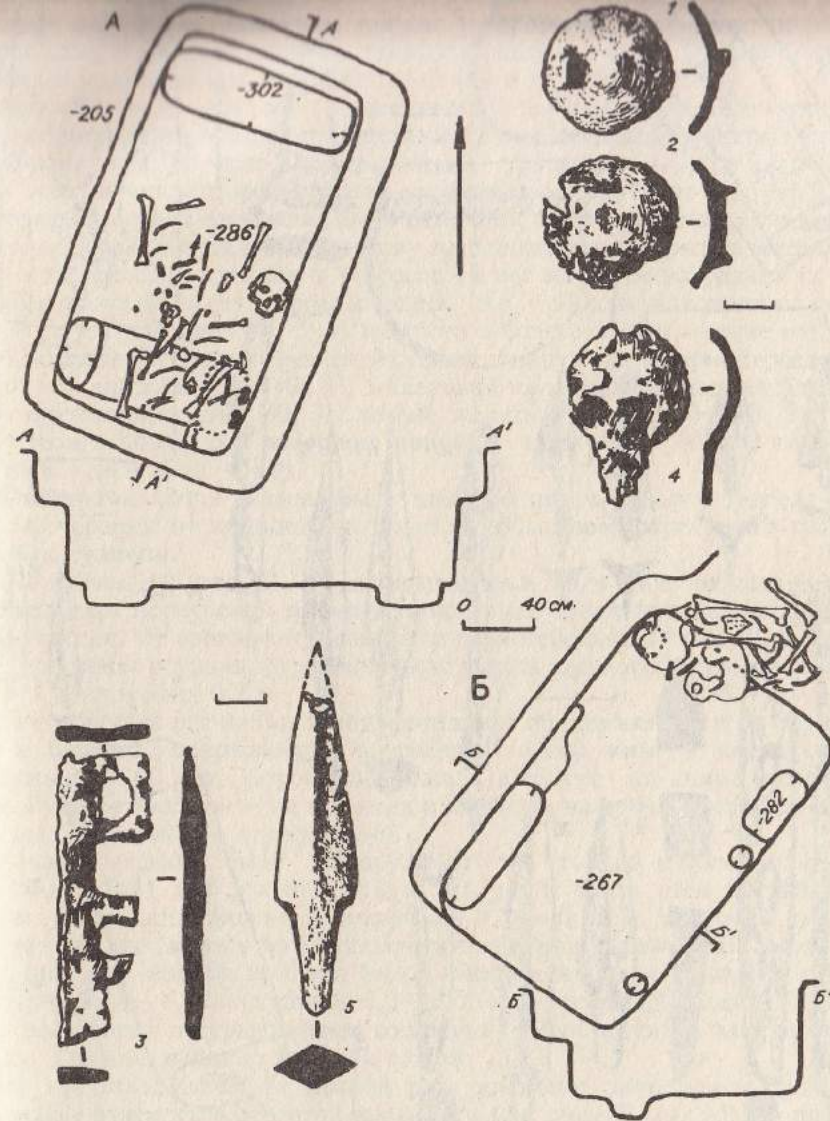

Рис. 37. План, разрез погр. 11 (А) и инвентарь (1—5) кургана 2 могильника Абатский-3. План и разрез погребения 12 (Б).

1—4 — бронза; 5 — кость.

Захоронение разграблено. Обнаружены лишь берцовые кости взрослого человека в положении, близком *in situ*, зубы подростка 12—15 лет, два горшочка в ямке у ног (рис. 38, 2, 3), а также обломок ножа или кинжала, железный черешковый наконечник стрелы (рис. 38, 4, 7).

Погребение 14 (рис. 38, 5) располагалось в западной половине подкурганного пространства. Могильная яма его — прямоугольной формы, размером 2,6 × 1,4 и глубиной 0,9 м — была ориентирована по линии север—юг. На ровном дне отмечены шесть ямок от столбов вдоль стен и в углах диаметром 0,25 и глубиной 0,2 м. Захоронение разграблено. Обнаружены трубчатые

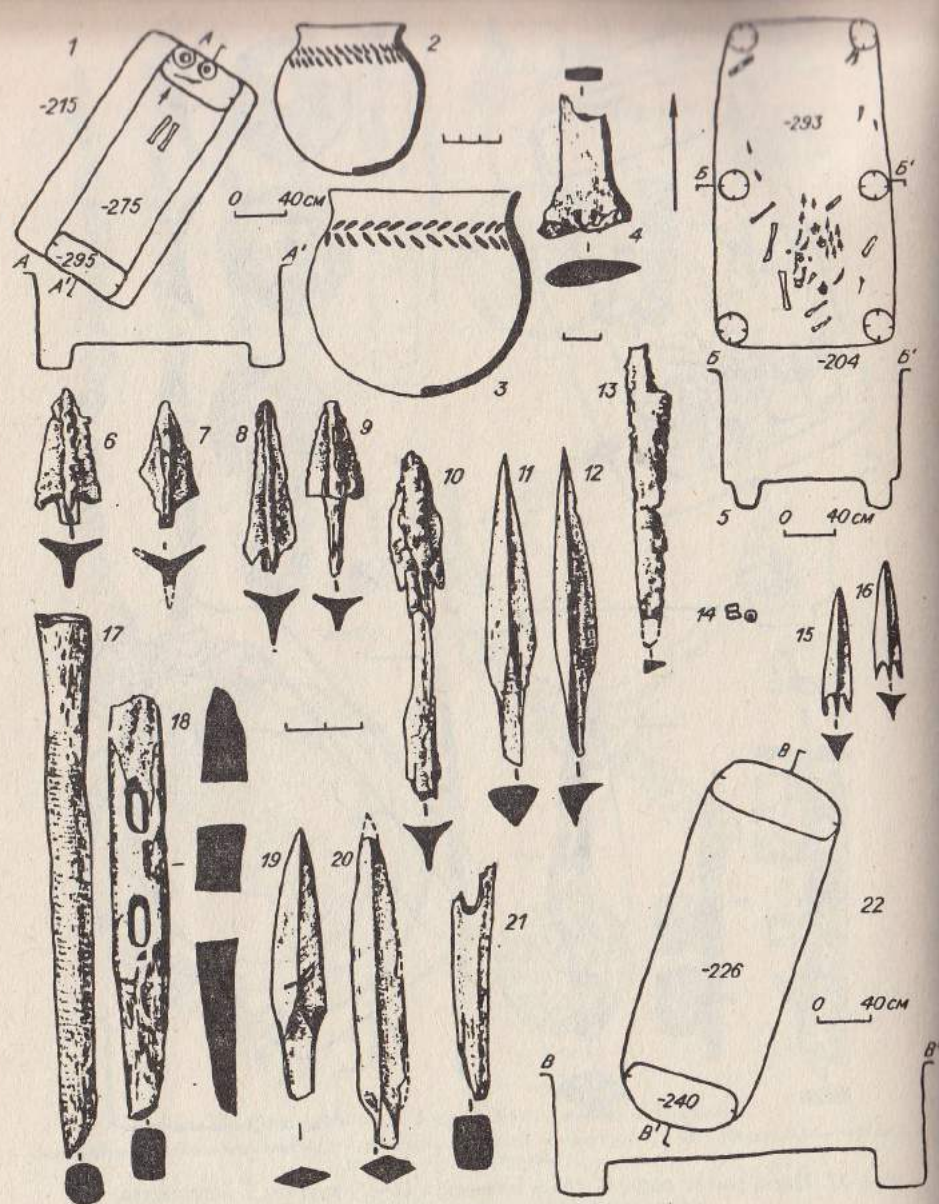

Рис. 38. План и разрез погр. 13 (1) кург. 2 могильника Абатский-3. Находки из него (2—4). План, разрез погр. 14 (5) и инвентарь (16—21). План и разрез погр. 15 (22).
2, 3 — глина; 11, 12, 17—21 — кости; 14 — стекло; 15, 16 — бронза; 4, 6—10, 13 — железо.

кости взрослого человека и лопатка лошади. Найдены два бронзовых (рис. 38, 15, 16), три железных (рис. 38, 6, 8, 9), четыре костяных (рис. 38, 11, 12, 19, 20) наконечника стрел, целый роговой псалий и обломок второго такого же (рис. 38, 18), два фрагмента железного ножа (рис. 38, 13), двухчастная стеклянная бусина (рис. 38, 14), четыре кусочка расщепленной кости, которые могли быть заготовками наконечников стрел.

Погребение 15 (рис. 38, 22) — овальная яма размером 1,5 × 0,55 и глубиной 0,34 м, — очевидно, детское захоронение. Оно было полностью разграблено, и здесь не найдено никаких вещей и костей. На дне выявлены канавки в изголовье и в ногах шириной 0,2 и глубиной 0,14 м.

Погребение 16 (рис. 39, 1) находилось в северо-западном секторе кургана в обширной и глубокой прямоугольной яме, ориентированной по линии северо-западно-запад—юго-востоко-восток, размером 3,2 × 2,0 × 1,8 м. Вдоль всех четырех сторон имелись заплечики шириной от 0,15 до 0,33 м. В головном конце на заплечике были отмечены два углубления, оставленные торцами бревен, составлявших основу продольного перекрытия могилы.

Кости скелета женщины в возрасте 18 лет найдены на разной глубине в юго-восточном углу могилы. Здесь же собраны наконечник стрелы (рис. 40, 1), бусы (рис. 40, 5, 6) голубого и белого цвета, мелкие округлые и бочковидные. Поодаль, у северной стенки обнаружены фрагмент железного кольца или пряжки (рис. 40, 9), маленькая полукруглая медная бляшка с двумя отверстиями (рис. 40, 3), лезвие железного ножа (рис. 40, 2), обломок рогового фигурного навершия какой-то вещи (рис. 40, 8), галька со сколотым краем (рис. 40, 7).

В головном конце могилы были найдены шесть ребер и тазовая кость лошади, черепки от крупного неорнаментированного саргатского сосуда с раздутым туловом.

Погребение 17 (рис. 41, А) располагалось в 1,5 м к югу от центрального захоронения в неглубокой прямоугольной яме, ориентированной по линии запад—восток. От восточной стенки отходила небольшая “ниша”, являвшаяся результатом неудачного грабительского лаза или норой. Размеры могилы 2,64 × 1,45, глубина 0,2 м.

Уже в начале расчистки захоронения был обнаружен тлен от березовой коры и бересты, покрывавших погребение, а под ним — кости скелета женщины 50—60 лет. Покойница лежала вытянуто на спине головой на запад. Руки ее были согнуты в локтях и сложены на животе, ноги скрещены в коленях, а голени — параллельно.

Канавки здесь были обнаружены не только в головах и ногах (0,3 × 1,0 × 0,41 и 0,3 × 0,84 × 0,48 м), но и вдоль стен погребальной камеры, их ширина около 0,3, а глубина 0,24—0,34 м. Устроены они так, что умершая находилась на земляном возвышении. Кроме того, вдоль стен могильной ямы внутри канавок были обнаружены ямы от шести столбов диаметром 0,18—0,22 и глубиной 0,3—0,25 м от уровня фиксации. Головной конец погребения пострадал из-за соседства с норой в северо-западном углу могилы. Здесь не найдено никаких вещей.

На запястьях левой и правой рук покойной находились бронзовые спиральные браслеты из толстой проволоки (см. рис. 40, 14, 15), на пальцах правой руки — три кольца из бронзы и стекла (см. рис. 40, 11—13), у локтя правой руки — бронзовое зеркало с ручкой-штырем, выпуклой и валиком по краю (рис. 40, 16). Слева у колен стоял круглодонный маленький горшочек (рис. 41, Б, 3), справа у таза — раздавленный горшочек с гребенчатым узором на шейке и плечиках (рис. 41, Б, 2), а у правого колена — плоскодонный кувшин с ручкой (рис. 41, Б, 4).

Рядом с бедром, справа, уцелел кусок дерева от подстилки на дне могилы (под костями тлен от досок прослеживался повсеместно), к которому приставлена ткань платья. Истлев, она оставила отпечатки золотого шитья кручеными толстыми нитками. Узор, по-видимому, был растительным (рис. 41, Б, 1). Между правым запястьем и крылом подвздошной кости находился маленький кинжалчик с кольцевидным навершием в деревянной рукояти (см. рис. 40, 10). У таза справа зафиксированы две нитки зеленого бисера

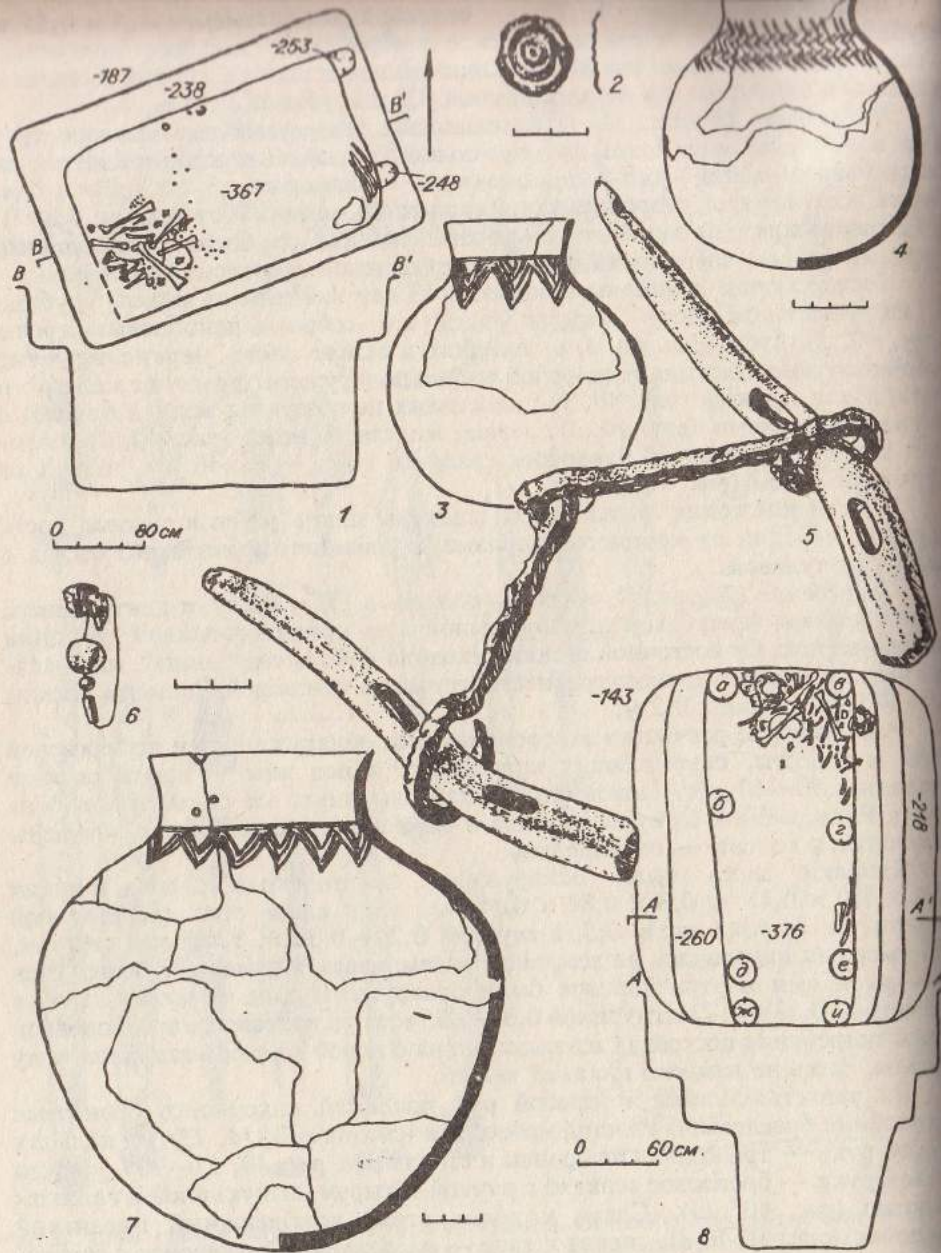

Рис. 39. План, разрез погр. 16 (1) и 18 (8) кург. 2 могильника Абатский-3. Находки (2—7) из погр. 18.
2 — золото; 5 — кость; 6 — стекло; 3, 4, 7 — глина. а-и — ямки от столбов.

(рис. 40, 17), чередовавшиеся с мелкими фигурными бронзовыми бляшками, сильно окислившимися. Бляшки (14 экз.) имели по два отверстия для пришивания. Должно быть, ими и бисером было расшито платье или покрывало на умершей. Небольшие остатки полотняной ткани прилипли и к навершию кинжала. В ногах погребенной найден сурьматаш (см. рис. 40, 18).

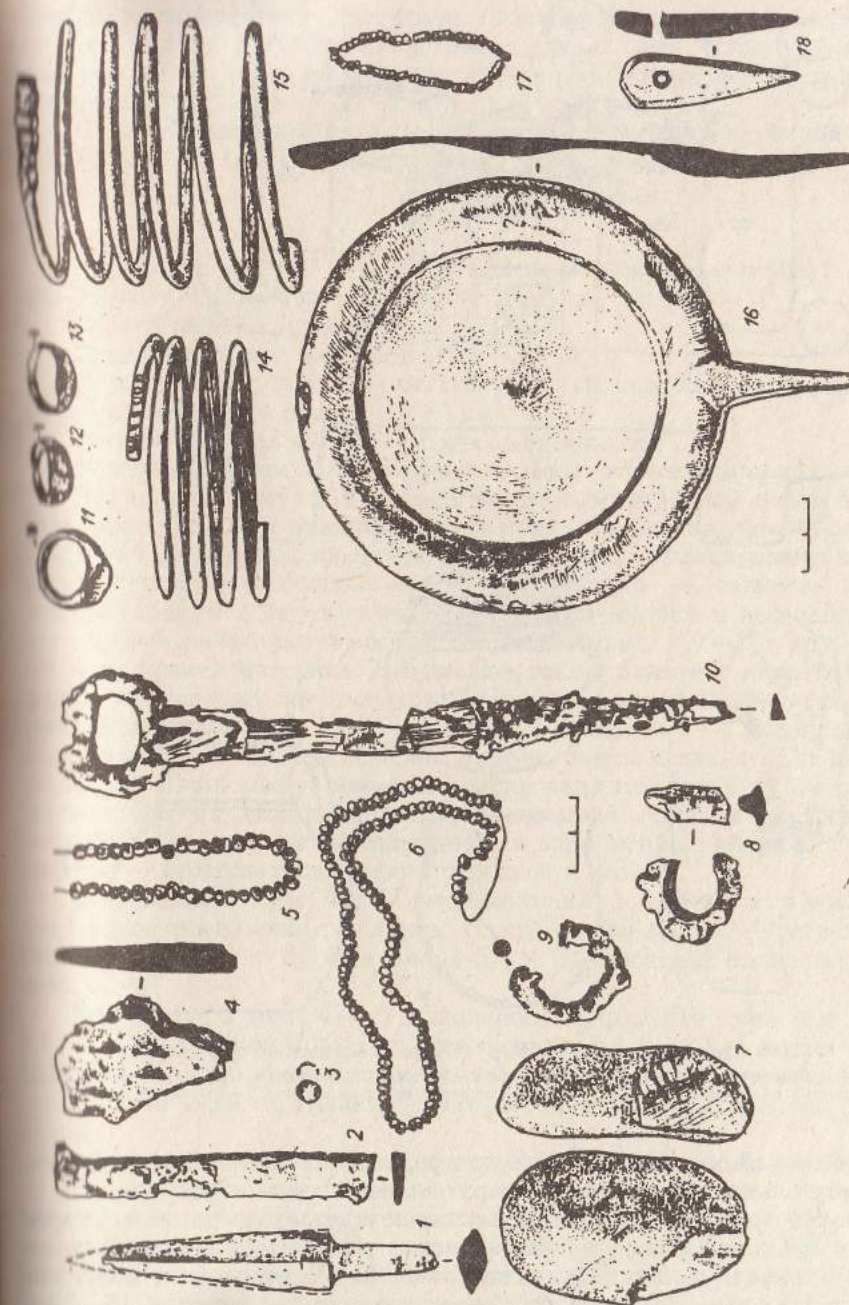

Рис. 40. Инвентарь погр. 16 (1—9) и 17 (10—18) кург. 2 могильника Абатский-3.

1 — кость; 2, 9, 10 — железо; 3, — медь; 4, 18 — глина; 5, 6 — стекло; 7 — рога; 11 — стекло; 12—16 — бронза; 17 — египетский фаянс (?).

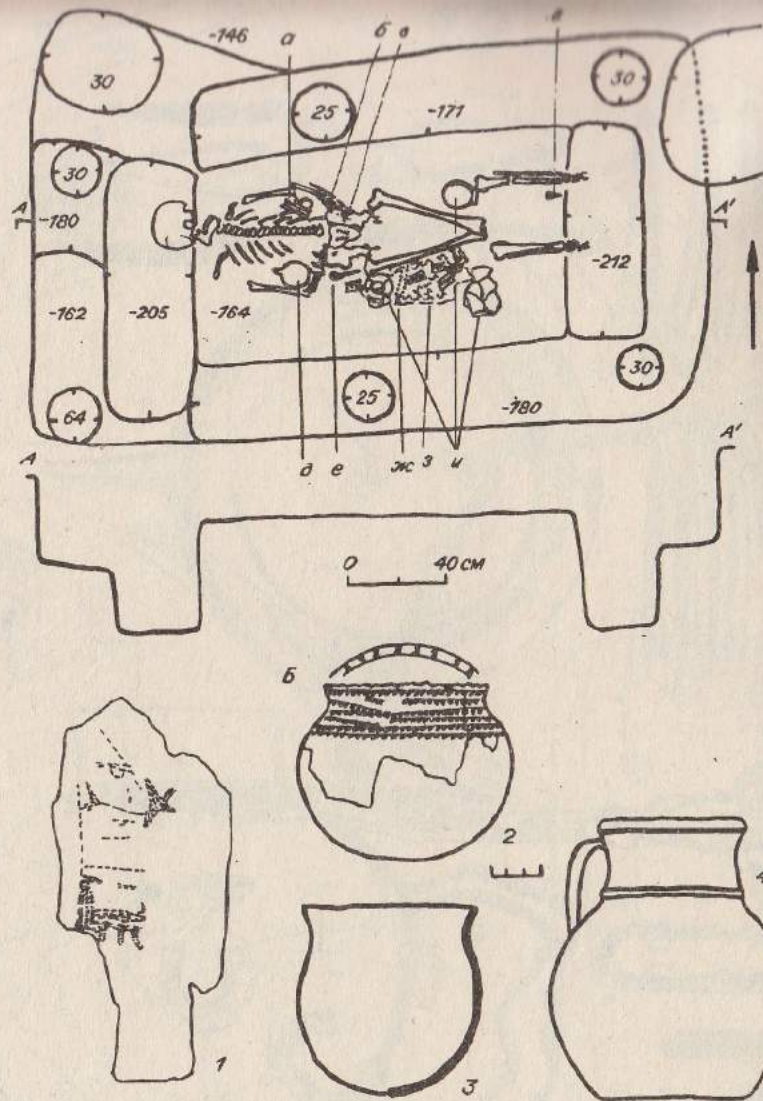

Рис. 41. План, разрез и инвентарь погр. 17 кург. 2 могильника Абатский-3.
А: а — береста; б — браслеты; в — перстни; г — сурьмяташ; д — зеркало; е — кинжал; ж — бусы; з — остаток ткани; и — сосуды. Б: 1 — кусок дерева с отпечатками золотого шитья; 2—4 — сосуды, глина.

Погребение 18 (см. рис. 39, 8) — центральное в кургане. Оно совершено в подпрямоугольной яме с сильно скругленными углами размером $3,1 \times 2,6$ и глубиной 2,3 м с двумя рядами заплечиков вдоль длинных сторон на глубине 0,7 и 1,2 м от края. Захоронение разграблено одновременно с другими могилами, в заполнении его найдены кости скелета женщины 18—20 лет (из погр. 16), в выбросе — кости скелетов мужчин 18—20 и 35—40 лет.

Основная часть вещей обнаружена в северном конце могилы — это развал большого горшка с резными фестонами по плечикам (см. рис. 39, 7),

обломки маленького светлоглиняного сосудика с фестонами (см. рис. 39, 3), фрагменты плоскодонного кувшина с ручкой, черепки с зашипами, елочкой (см. рис. 39, 4) — всего от пяти сосудов; удила железные с роговыми насаждениями (см. рис. 39, 5); бусины — из гагата, бочковидная из белого стекла, цилиндрическая золоченая и голубая бочковидная (см. рис. 39, 6); круглая золотая бляшка из фольги с тисненными рельефными кругами (см. рис. 39, 2). Здесь же найдены ребро и лопатка лошади, плечо и лучевая кость овцы.

На дне могилы обнаружены восемь ямок от столбов глубиной 393 см (а), 395 (б), 397 (в), 392 (д, е), 398 (ж), 394 см (и) (см. рис. 39, 8).

Курган 3

Располагался в 550 м к северо-северо-востоку от кургана 1 на пашне, имел высоту 0,25 м и диаметр около 20 м (см. рис. 25).

Стратиграфия кургана 3 (рис. 42, 6):

- 1) пахотный слой мощностью 20—30 см;
- 2) темно-серая супесь — остаток разрушенной насыпи толщиной 20—30 см, в заполнении рвов — до 80 см;
- 3) плотная серая супесь — погребенная почва;
- 4) желтый суглинок — выбросы из могил и рвов толщиной до 20 см.

После снятия остатков насыпи на фоне погребенной почвы выявились более яркие контуры заполнения двух концентрических рвов и большая яма в центре. При зачистке на уровне материка здесь зафиксированы две могилы от разновременных погребений. Внутренний ров — четырех- или пятиугольной формы с двумя проходами с северо-востока и юго-запада, имеет диаметр описанной окружности 12 м. Его ширина 0,9—1,3, глубина 0,3—0,4 м от уровня материка. Второй ров также близок к пятиугольному по форме, но с сильно скругленными углами и замкнутый. Он имеет диаметр описанной окружности 19,5 м, ширину в пределах 1—1,3, глубину 0,5 м. Выбросов из них не прослежено; видимо, они исчезли в ходе длительной раскопки. Лишь вокруг могил зафиксирована площадка из глины, выброшенной при их выкапывании. С внутренней стороны внутреннего рва найдено несколько костей животных, в заполнении внешнего с западной стороны — несколько саргатских черепков и костей.

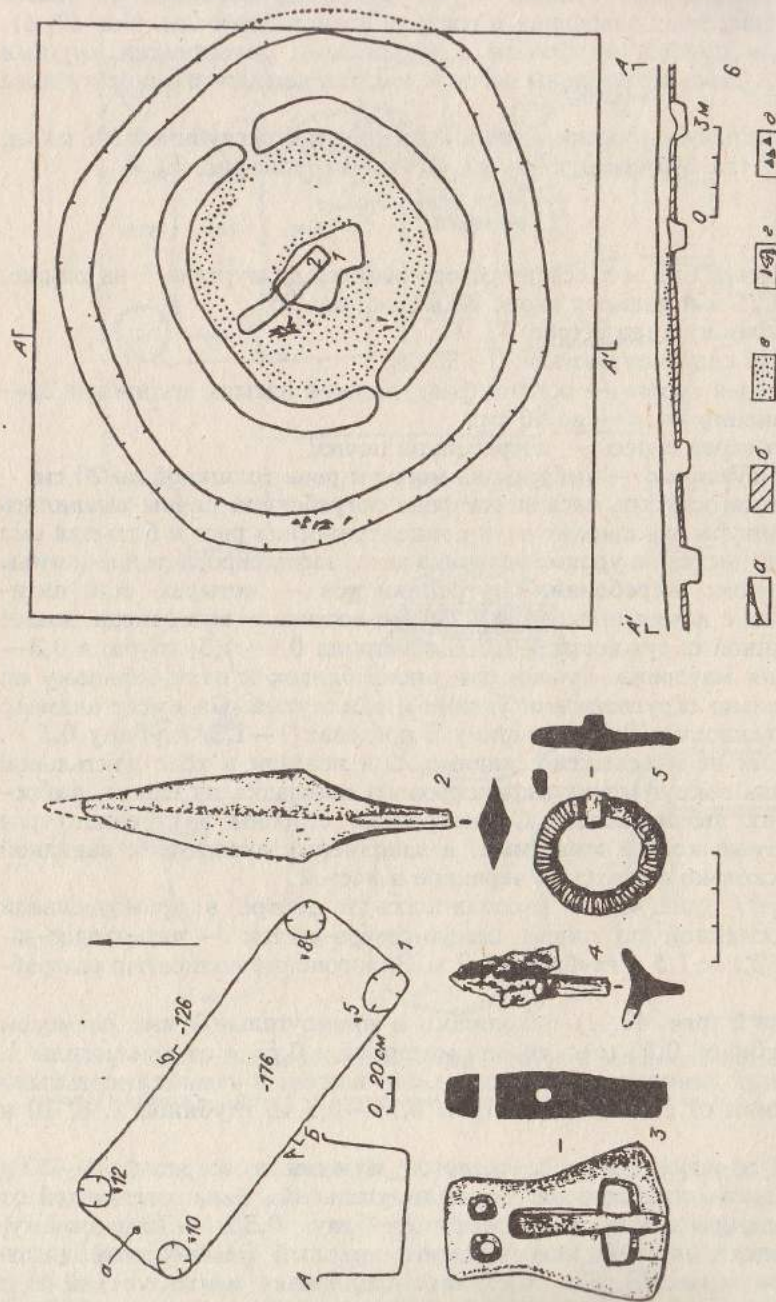
Погребение 1 (рис. 42, 6) располагалось в центре в прямоугольной яме, ориентированной по линии северо-северо-восток — юго-западно-запад, размером $2,1 \times 1,5$ и глубиной 0,2 м. Захоронение полностью разграблено.

Погребение 2 (рис. 42, 1) находилось в прямоугольной яме размером $2,25 \times 0,8$, глубиной 0,93 м от уровня материка и 0,63 м от дна могилы 1. Ориентировано по линии северо-запад — юго-восток. В углах камеры были обнаружены ямки от столбов диаметром 0,16—0,2 м, глубиной 5, 8, 10 и 12 см.

Все вещи и кости от двух скелетов мужчин в возрасте 35—40 и 60 лет оказались сгребенными в прямоугольной яме, отходящей от могилы 2 к северо-западу и имевшей глубину 0,3 м. По-видимому, это грабительский лаз. В нем найдены крупный ромбический наконечник стрелы (рис. 42, 2), костяная седельная пряжка с язычком (рис. 42, 3), железный трехлопастный наконечник стрелы (рис. 42, 4) и железная круглая пряжка с обломленным язычком, рамка которой обмотана бронзовой проволокой (рис. 42, 5), а также несколько неорнаментированных саргатских черепков.

Рис. 42. План и разрез погр. 2 (1) кург. 3 могильника Абатский-3. План кург. 3 могильника Абатский-3 (6), план, разрез (1) и инвентарь (2—5) погр. 2 этого кургана.

Расположен в центре могильника и в 450 м к северо-северо-востоку от кургана 1, в 200 м к северо-западу от кургана 3. К моменту раскопок имел высоту 0,8 м и диаметр около 25 м (рис. 43).

На подкурганной площадке выявлено девять могил, окруженных системой из трех рвов. Два рва — concentрические, внутренний (ров 1) имеет диаметр вписанной окружности 14 м, ширина его колеблется от 0,7 до 1,2 м, глубина составляет 0,1—0,25 м, стенки отвесные. По форме ров 1 многоугольный со слабо выраженными углами. С южной стороны в заполнении рва обнаружено скопление костей лошади, угли и крупные обломки саргатского горшка (рис. 44, 7). С западной стороны к рву 1 примыкает трапециевидная выемка размером 1,1 × 3,5 м в виде широкой ступени глубиной 5—8 см. Выкид из рва сделан внутри подкурганной площадки и представляет собой кольцо суглинка шириной 1—1,3 м и толщиной 0,15—0,25 м. Внешний ров (2) выкопан также многоугольным на расстоянии 1,5—2,5 м от внутреннего. Диаметр описанной вокруг него окружности составляет 24 м. По ширине и глубине он близок к первому. Стенки его отвесные, дно неровное, глубина колеблется от 0,3 до 0,4 м. В его заполнении найдены керамика и кости лошади. С северной стороны — угли и обгорелые остатки небольших бревен длиной 0,4 и 0,7 м, шириной 0,12 м, лежавших горизонтально вдоль внутренней стенки. Выкид сделан на площадку вовнутрь.

С северной стороны подкурганного пространства, ограниченного внутренним рвом, обнаружена еще одна дугообразная канавка, представлявшая собой начатый, но не законченный ровик с диаметром вписанной окружности 10 м (ров 3). Ширина его 0,7—0,8, глубина 0,2 м, дно ровное. Выкид из рва 1 частично перекрывает внешнюю границу ровика 3, а выброс из последнего не зафиксирован.

Стратиграфия кургана 4 (см. рис. 43):

- 1) пахотный слой мощностью 0,4—0,5 м, верхний слой разрушенной насыпи;
- 2) темно-серая рыхлая супесь — основная часть насыпи, толщиной до 0,5 м;
- 3) темно-серая плотная супесь — погребенная почва. Прослежена повсеместно между могилами и рвами на участках, не подвергавшихся перекопам, толщина 0,2—0,3 м;
- 4) темная, почти черная влажная супесь — заполнение могил 3—5, 8, 9;
- 5) мешанная с суглинком земля — заполнение погребения 2 и верхней части некоторых других разграбленных могил;
- 6) желтый рыхлый суглинок в виде линз 0,15—0,3 м толщиной — выбросы из могил и рвов.

Погребение 1 (рис. 44, 4) располагалось в 0,5 м к юго-западу от геометрического центра кургана. Ориентировано по линии востоко-северо-восток — западо-юго-запад. Могильная яма имела трапециевидную форму, размеры ее 3,08 × 2,04 × 1,1 м. У нее были отвесные стенки и ровное дно. При зачистке на уровне древней поверхности, а затем и на материке обнаружилось довольно пестрое заполнение, состоящее из полуистлевшего бревенчатого перекрытия, линз прокаленной земли и полосы прокала по всему периметру ямы. В центре находилась линза желтого суглинка — выброс из соседнего погребения 2. Ниже располагались остатки продольного настила из бревен, лежавших на разной глубине, длиной от 0,25 до 1,3 м, толщиной 8—10 см. Два коротких бревна лежали поперек у западной стенки могилы, что, видимо, указывает на существование и поперечного ряда в перекрытии. В восточной части отмечена линза прокала толщиной 5 см, в

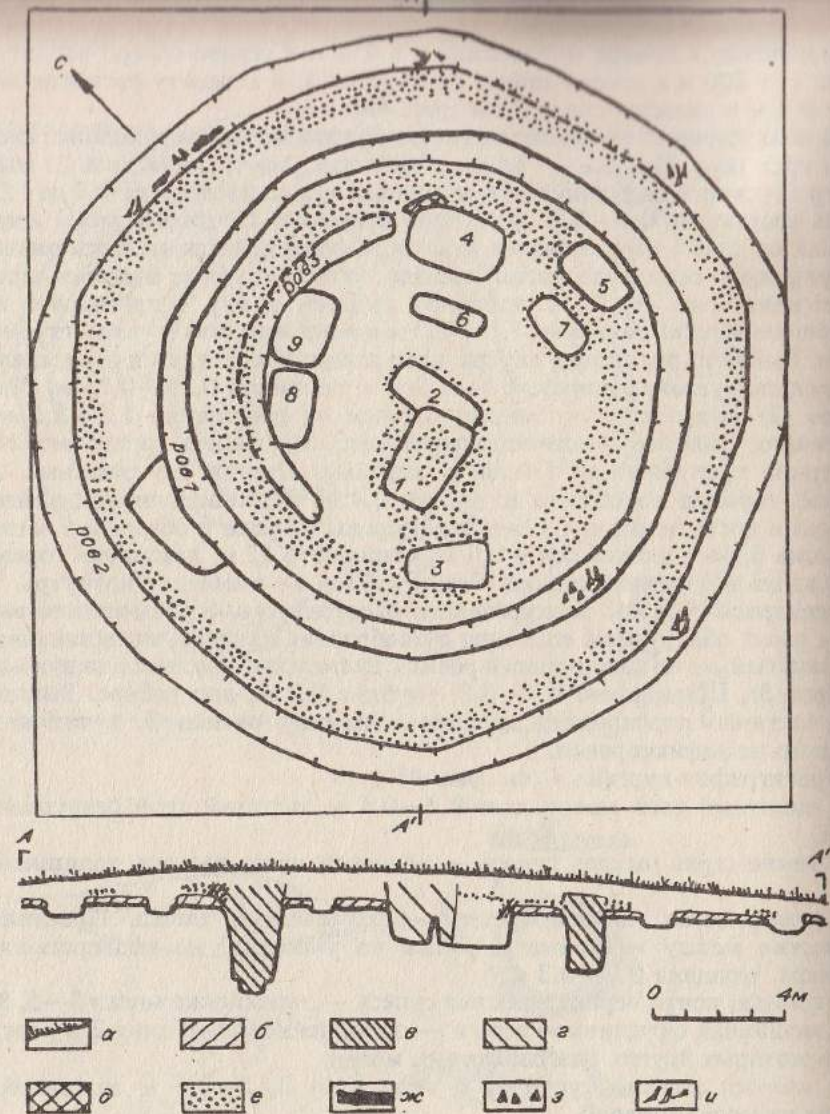

Рис. 43. План и разрез кург. 4 могильника Абатский-3.

а — насыпь; б — погребенная почва; в — черная супесь; г — грабительская яма; д — провал; е — выброс; ж — дерево; з — керамика; и — кости.

западной стороне их было две. Контур прокаленной земли по стенкам могилы имеет ширину 0,15—0,3 и толщину до 0,35 м. По-видимому, это следы мощного кострища, разведенного поверх перекрытия после захоронения покойника. На восточной стороне они не сохранились, так как здесь стена разрушена более поздней могилой 2.

Погребение оказалось полностью разграбленным. В верхних слоях заполнения найдены фрагменты черепа и длинных костей мужчины в возрасте 40—50 лет. Останки человека, лежавшего вытянуто на спине головой на юго-западо-запад были обнаружены в северной части могилы, южная

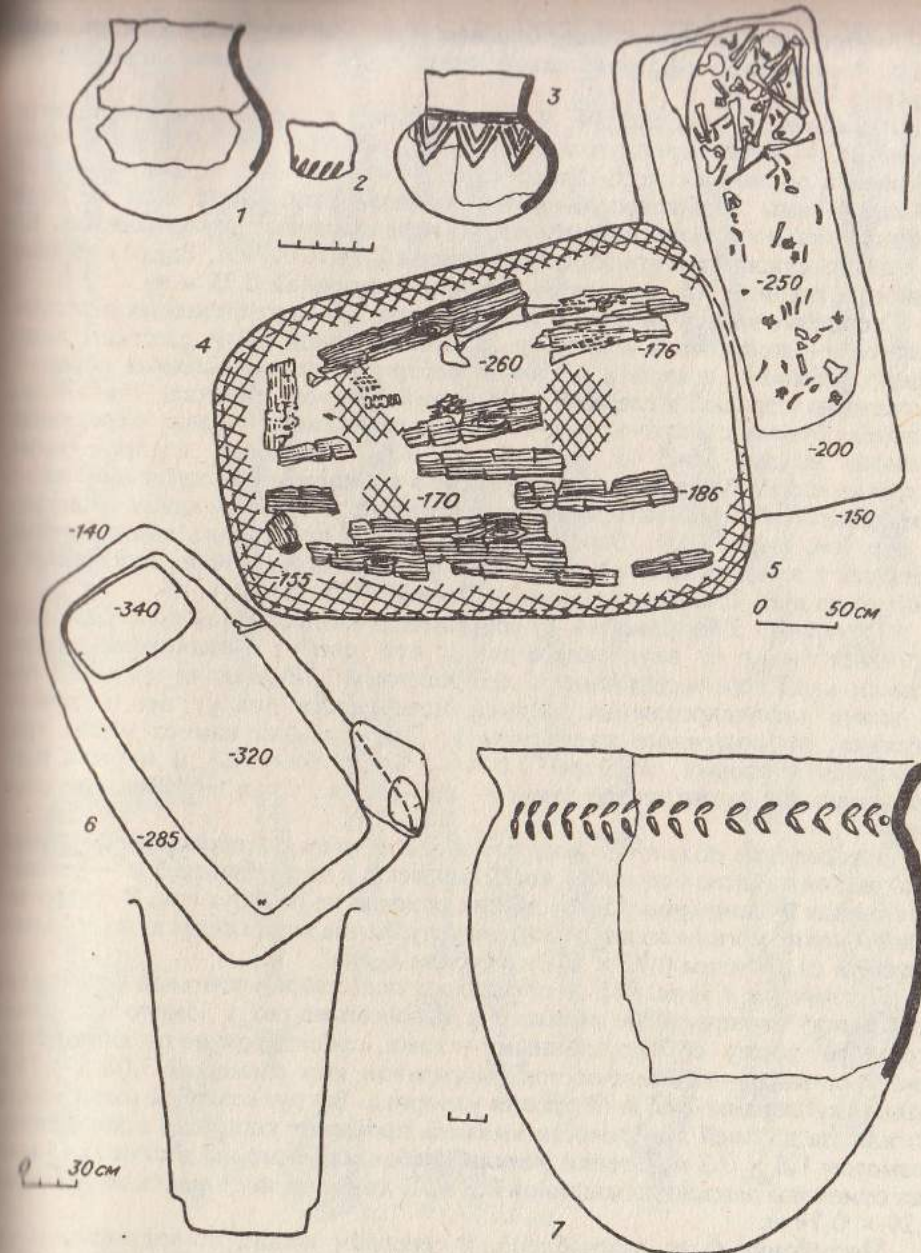

Рис. 44. Инвентарь, найденный в погр. 2 (1), на площадке между погр. 2 и 6 (3) и во рву (7). Планы погр. 1 и 2 (5), план и разрез погр. 1 (4), погр. 3 (6) кург. 4 могильника Абатский-3. 1, 2, 3, 7 — глина.

половина пустовала. Вероятно, здесь был расставлен сопроводительный инвентарь, унесенный грабителями. In situ сохранились обломки черепной крышки, нижней челюсти, позвонки, ребра, длинные кости от левой половины туловища, а также голень правой ноги.

По-видимому, в положении, близком к первоначальному, обнаружены четыре костяных трехгранных наконечника стрел и железный черешковый нож (рис. 45, 2—6).

Погребение 2 (см. рис. 44, 5) расположено в геометрическом центре кургана. Оно имеет прямоугольную форму, размеры его $2,9 \times 1,2$ м, ориентировано по линии северо-северо-запад — юго-юго-восток. По периметру могильной ямы зафиксирован валик выкида. Заполнение ямы по всей глубине мешаное, свидетельствующее о неоднократных разграблениях. К дну камера сужается и приобретает размеры $2,36 \times 0,74$ м. Вдоль западной стенки на глубине 0,5 м отмечена ступенька шириной 0,25 м.

Скопление костей на дне состояло из остатков двух неполных взрослых скелетов — женского и мужского. В южном конце были рассеяны лишь мелкие косточки, позвонки, обломки ребер. Из вещей найдены костяной наконечник стрелы, железный колчаный крючок, пряжка, стеклянная глазчатая бусина с желто-красно-голубыми глазками, концевая и средняя накладки на лук (рис. 45, 1, 7, 8, 10—13), фрагменты неопределимых железных изделий. Кроме того, в середине и в южном конце найдены черепки от маленького неорнаментированного горшочка с отбитым краем и нагаром на дне (см. рис. 44, 1). Вероятно, отсюда же происходит миниатюрный горшочек с высокой шейкой и резными фестонами на тулове, найденный в выбросе из ямы 2, между ней и погребением 6 (см. рис. 44, 3).

Погребение 3 (см. рис. 44, 6) совершено в юго-западной поле кургана и прорезает выкид из внутреннего рва 1, что говорит о значительно более позднем характере в сравнении с захоронением 1. Выброс из могилы 3 тем не менее зафиксирован на древней поверхности вокруг нее и поверх суглинка, выброшенного из могилы 1. Погребальная камера имела трапиевидную форму, размеры $2,6 \times 1,5$ м, глубину 1,8 м и была ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Один из углов попорчен норой.

Захоронение полностью разграблено. В первом же прокопанном штыке заполнения найдена бедренная кость человека, а на глубине 0,5 м — зеленая стеклянная бусина (рис. 45, 9), других находок не обнаружено. В северо-западном конце могилы на дне выявлено углубление типа канавки, но довольно широкой ее размеры $0,75 \times 0,5$ и глубина 0,2 м.

Погребение 4 (рис. 46, 1) находилось под северо-восточной полкой кургана между оконечностью ровика 3 и выбросом из рва 1. Имело подпрямоугольную форму со скругленными углами, ориентировано по линии северо-северо-запад — юго-юго-восток. Могильная яма размером $3,05 \times 1,75$ м была углублена на 2,65 м от уровня материка. Вокруг северной оконечности могилы на древней поверхности выявлен прокол от кострища в виде линзы размером $1,3 \times 0,3$ м. Стенки могилы слабонаклонные, на высоте 0,45 м от дна отмечены заплечики шириной 0,3 м. К дну могила сузилась до размеров $2,29 \times 0,74$ м.

Погребение было разграблено. В северном конце, по-видимому головно, найдены нижняя челюсть человека, плечевая кость, в углу — три ребра лошади, почти целый горшочек с резными фестонами по плечикам (рис. 46, 3), в другом — развал сосуда, украшенного сгруппированными насечками (рис. 46, 4), обломок костяного брусковидного псаля (рис. 45, 14). В южном конце находилось скопление железных и костяных наконечников стрел из 17 штук (см. рис. 45, 16—26, 28—33), железный нож (см. рис. 45, 35), костяная накладка на лук (см. рис. 45, 15).

Погребение 5 (рис. 46, 8) располагалось в восточной части кургана. Оно имело подпрямоугольную форму со скругленными углами, размеры $2,37 \times 1,4$ и глубину 1,82 м, ориентировано по линии север — юг. Стенки е

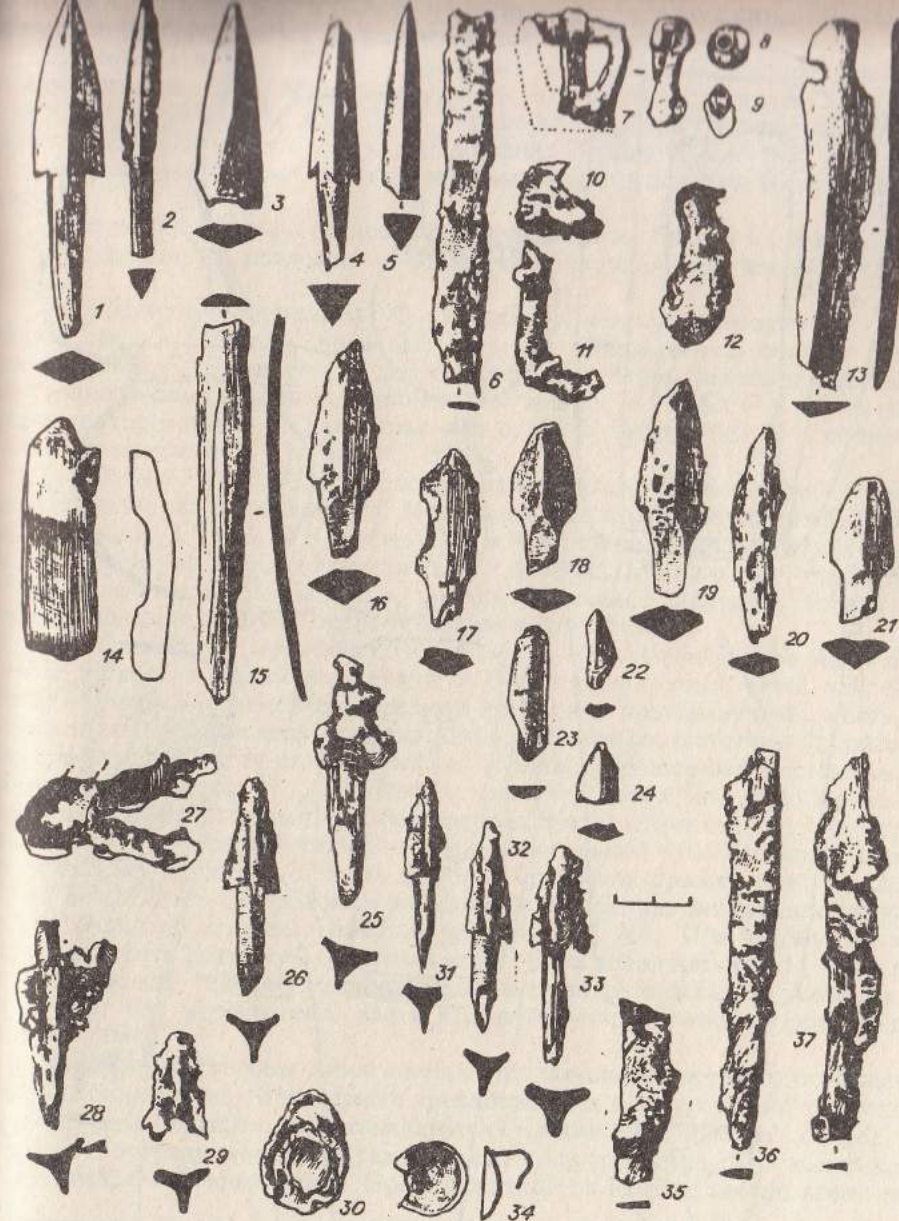

Рис. 45. Инвентарь из погр. 1 (2—6), 2 (1, 7, 8, 10—13), 3 (9), 5 (36), 6 (37), 9 (35) и 4 (14—35) кург. 4 могильника Абатский-3.
1—5, 13—24 — кости; 8, 9 — стекло; 6, 7, 10—12, 5—37 — железо.

наклонные, вдоль западной прослежена ступенька шириной 0,2 м. По мере разборки заполнения встречались угольки, мелкие обожженные кости, черепки. На глубине 1,5 м от края обнаружена лопатка мелкого рогатого скота. К дну могила сузилась до $2,34 \times 0,76$ м, здесь — в торце с юга — была ступенька высотой 10 см.

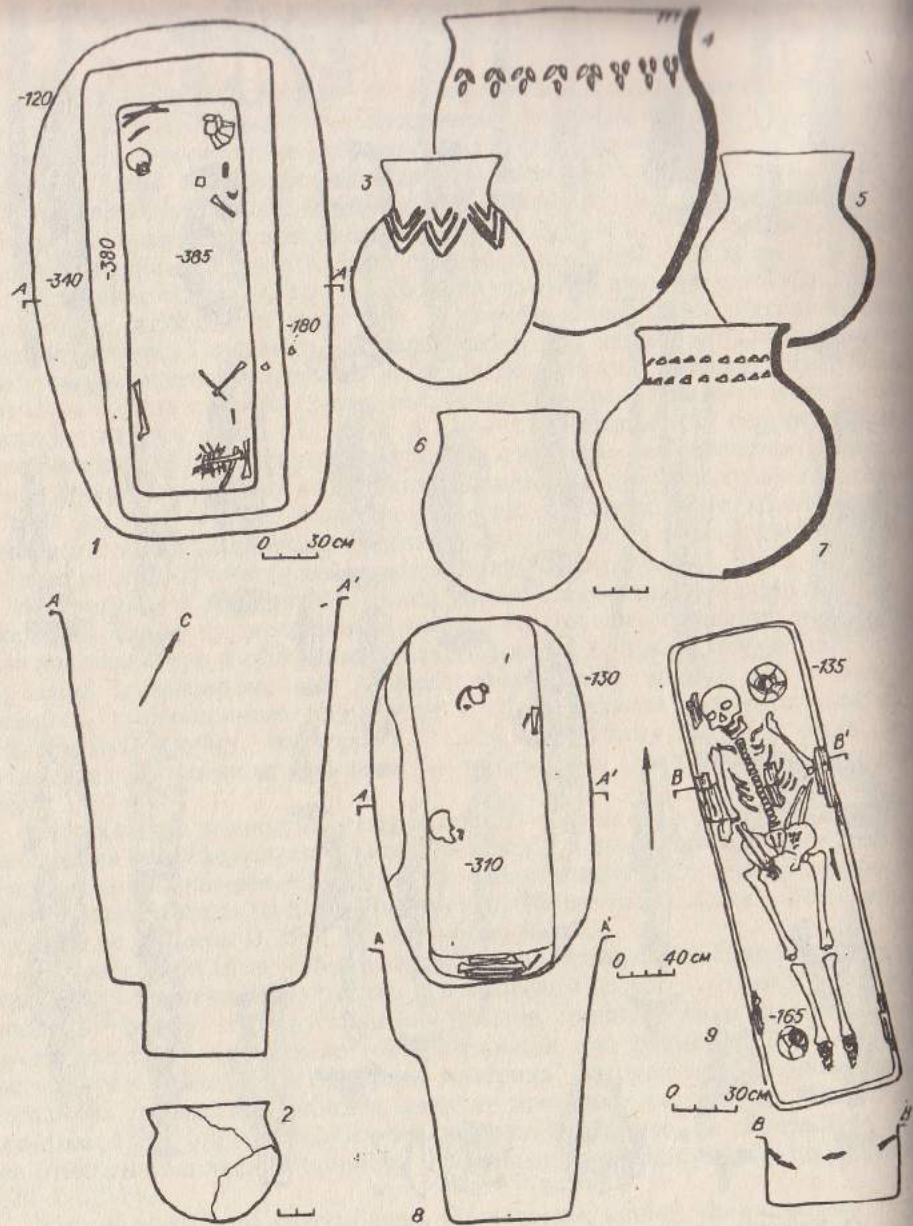

Рис. 46. Планы и разрезы погр. 4 (1), 5 (8) и 6 (9) кург. 4 могильника Абатский-3. Инвентарь из них (2—7).
2—7 — глина.

Захоронение разграблено, на дне было найдено лишь несколько предметов. Это железный нож (см. рис. 45, 36), целый маленький неорнаментированный горшочек (рис. 46, 5), рядом с ним — ребро крупного

оказались разбросанными у западной и южной стенок.

Погребение 6 (рис. 46, 9) находилось в восточном секторе кургана, между могилами 2 и 4. Оно имеет четкую прямоугольную форму, размеры $2,36 \times 0,6$ м, углублено на $0,32$ м — только до уровня материка. Могила ориентирована по линии северо-западо-запад — юго-юго-восток. Выкид из нее зафиксирован не был, так как она была вырыта целиком в погребенной почве.

Перекрытие состояло из продольно положенных бревен шириной более 12 см, судя по их истлевшим остаткам, обнаруженным вдоль длинных стенок.

Погребенная — женщина $40—50$ лет — лежала вытянуто на спине головой на северо-запад, ноги вместе, руки находились в области таза, причем левая была согнута в локте. Слева от головы поставлен горшок, украшенный двумя рядами наколов по шейке, в ногах — маленький неорнаментированный сосудик (рис. 46, 6, 7). У левого бедра покойницы найден железный нож (см. рис. 45, 37).

Погребение 7 (рис. 47, 23) расположено в восточном секторе кургана, ориентировано по странам света. Могильная яма подпрямоугольной формы имела размеры $2,0 \times 1,12$ и глубину $1,6$ м. Стенки ее несколько наклонные, так что на дне размеры составили $0,65 \times 1,68$ м. По-видимому, грабители побывали лишь в головном конце, так как там скелет разрушен, южная же половина камеры осталась нетронутой, но кости истлели.

Погребенный — мужчина $20—25$ лет — лежал вытянуто на спине головой на север. Положение черепа и рук точно не ясно, здесь найдены только несколько фрагментов черепной крышки и правая лучевая кость, а далее остатки костей и вещи располагались в полном соответствии с обрядом. В северо-западном углу стоял глиняный горшок, украшенный фестонами, с отбитым горлом (рис. 47, 21). Поверх живота и левой ноги был положен длинный ($1,3$ м) железный меч без навершия и перекрестья (рис. 47, 11), распавшийся на четыре части. Посередине могильной ямы, на месте, соответствующему туловищу, лежала ажурная бронзовая пряжка (рис. 47, 22). В 15 см от нее отмечены обломки железных изделий, напоминающие сильно коррозированные железные пряжки (рис. 47, 19, 20). При расчистке их удалось отделить покрытую окислами кожу. Близ западной стенки, в месте, соответствующем правому бедру, лежал железный кинжал с кольцевым навершием, без перекрестья, взять который из-за сильной коррозии не удалось.

С внутренней стороны левой голени был помещен колчан со стрелами, судя по скоплению из 10 железных трехлопастных и 10 костяных черешковых наконечников стрел, расположенных остриями вниз (рис. 47, 1—18). В юго-восточном углу могилы зафиксирована ямка диаметром $0,2$ м и такой же глубиной с неровным дном. Происхождение ее неясно: скорее всего это нора.

Погребение 8 (рис. 48, 1) располагалось в северном секторе в общей яме с погребением 9. Совместная большая яма продолжалась лишь до глубины $0,2$ м от уровня материка, в дальнейшем погребения отделены перемычкой на $15—30$ см.

Погребальная камера имеет не вполне правильную форму. Один конец ее прямоугольный, другой — закругленный. Размеры по краю $2,28 \times 1,3$ м, по дну $1,81 \times 0,4—0,62$, глубина $1,6$ м. Ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Захоронение разграблено, найдены в двух скоплениях остатки неполного скелета человека.

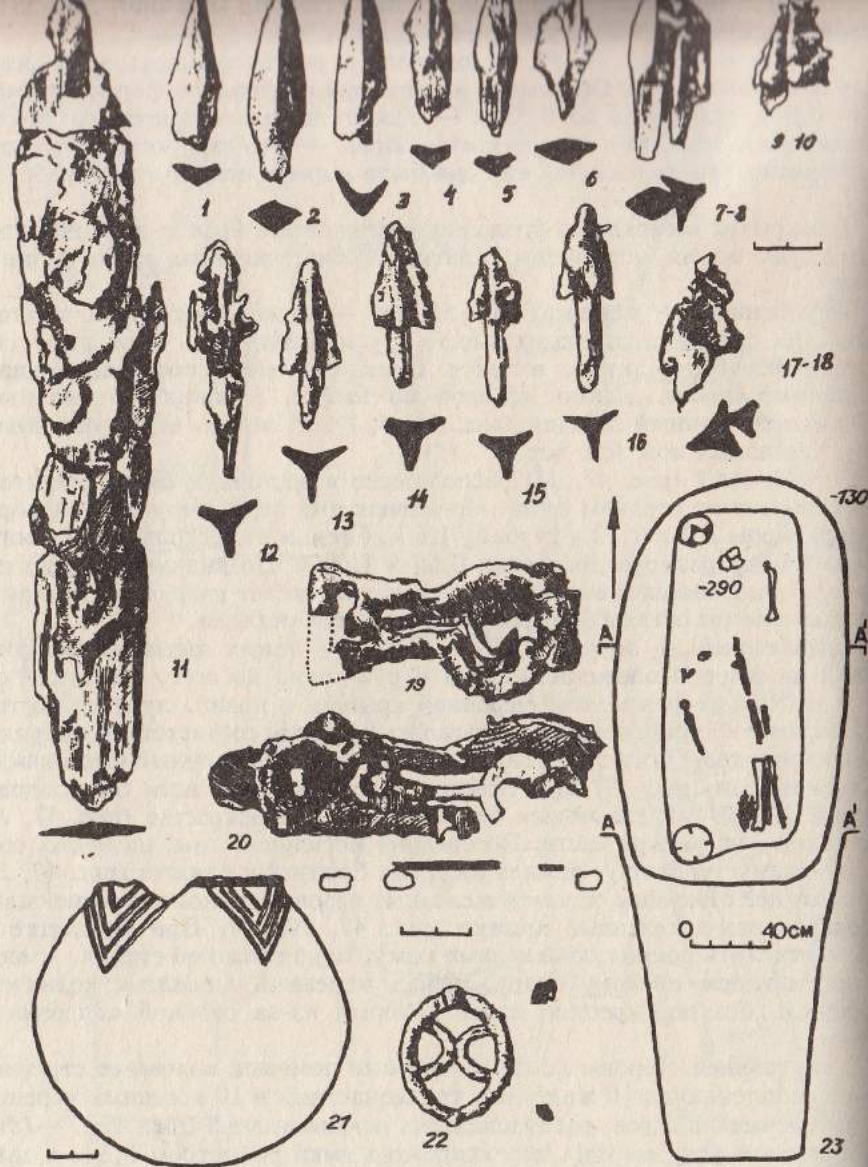

Рис. 47. Инвентарь (1—22), план и разрез (23) погр. 7 кург. 4 могильника Абатский-3.
1—7 — кости; 8—20 — железо; 21 — глина; 22 — бронза.

Погребение 9 (рис. 48, 2) примыкает с северо-восточной стороны захоронению 8. Находилось в прямоугольной яме со скругленными углами, ориентированной по линии северо-востока-юго-запада-запад, причем южный угол могилы скошен, что объясняется, видимо, стремлением вписать ее в одну линию с соседней. Это наблюдение указывает на некоторую разновременность. Западный угол попорчен большой, ступенчатой в разрезе ямой, оставленной, очевидно, "бугровщиками". На дне ее бы

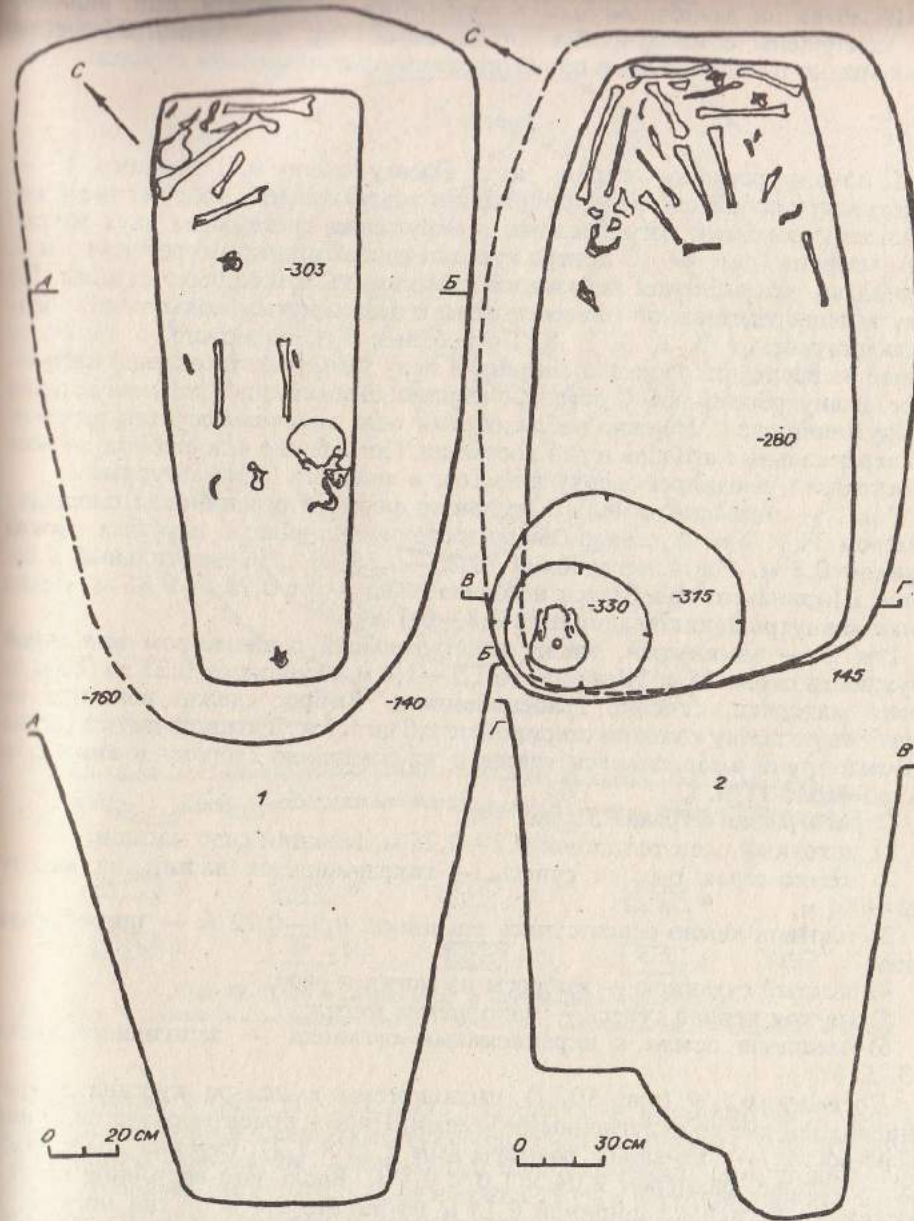

Рис. 48. Планы и разрезы погр. 8 (1) и 9 (2) кург. 4 могильника Абатский-3.

найден череп. Остальные кости неполного скелета принадлежали женщине в возрасте около 50 лет и находились в беспорядке в восточном конце могилы. Среди них обнаружен железный ножичек с обломленным острием (см. рис. 45, 35), кости мелкого рогатого скота. Размеры могилы поверху 2,41 × 1,59 м, а ко дну она сужается до 2,32 × 1,15 м.

Несмотря на разновременность погребений в кургане 4, они, видимо, были совершены с небольшими интервалами, так как планиграфически единообразно расположены и ориентированы против часовой стрелки.

Курган 5

К началу раскопок курган имел высоту около 0,4, диаметр 20 м. Представляет собой сложное, постепенно создававшееся сооружение с девятью асинхронными погребениями в окружении системы из двух многоугольных рвов (рис. 49). В центре кургана располагались погребения 1 и 9, но из-за их разграбления невозможно установить, какое было ранним. По кругу в непосредственной близости от них незамкнутым кольцом располагались погребения 2, 3, 5, 7, 8. Погребения 6 и, возможно, 5 являются одними из последних, так как введены в полу уже существовавшей насыпи, прорезав внутренний ров. С погр. 6, очевидно, были связаны досыпка кургана и сооружение рва 2. Именно поблизости от него отмечены остатки деревянных вертикальных столбов и два кострища. Погребение 4, в отличие от всех других могил, вводилось сверху в насыпь и является инокультурным.

Ров 1 — меньший, имел 10-угольную форму и ограничивал площадку размером 11 × 9 м. В северо-северо-восточной стороне в нем был проход шириной 0,3 м. Ров 1 неглубокий (0,25—0,35 м) и прямоугольный в сечении. Ширина его колеблется незначительно — от 0,75 до 0,85 м, выкид сделан вовнутрь валиком шириной 0,8—0,9 м.

Ров 2 — замкнутый, также многоугольный с диаметром вписанной окружности около 15 м. Ширина его 1,2—1,4 м, глубина от 0,25 до 0,6 м от уровня материка, сечение трапецевидное. Выброс сделан вовнутрь на погребенную почву кольцом шириной от 1,0 до 1,7 м. В южной части кургана вынутый грунт выбрасывался также и на внешнюю сторону в виде дуги длиной около 11 м.

Стратиграфия кургана 5 (рис. 49):

- 1) пахотный слой толщиной 0,2—0,25 м, верхний слой насыпи;
- 2) темно-серая рыхлая супесь — сохранившаяся насыпь на высоту 0,25—0,4 м;
- 3) плотная темно-серая супесь толщиной 0,2—0,22 м — погребенная почва;
- 4) желтый суглинок — выбросы из могил и рвов;
- 5) мягкая черная супесь — заполнение могил;
- 6) мешаная земля с вкраплениями суглинка — заполнение могил 1, 3, 5, 6.

Погребения 1, 9 (рис. 50, 1) расположены в центре кургана в трапецевидной яме со скругленными углами. Первое ориентировано по линии северо-восток — юго-запад, размеры ямы 2,23 × 1,21, глубина 1,0 м. Второе — больше, размером 2,04 × 1,0 × 0,4 м. Вдоль юго-восточной стенки прослежена ступенька шириной 0,15 м на высоте 0,4 м от дна могилы. У северо-восточной стенки и в южном углу находились скопления костей от двух скелетов, один из которых принадлежал мужчине 30 лет. Среди них найдены обломок накладки на лук (18), фрагменты железного стержня и железного ножичка (рис. 50, 4), черепки от сосуда, украшенного резными фестонами (рис. 50, 2), бедренная кость молодой овцы. Там же найдены железное кольцо, обломок костяной пряжки с выступающим шпеньком (рис. 50, 20, 22). В южной части могилы вдоль длинной стенки были рассыпаны мелкие черепки того же горшка, и среди них лежал фрагмент каменного пряслица (рис. 50, 23).

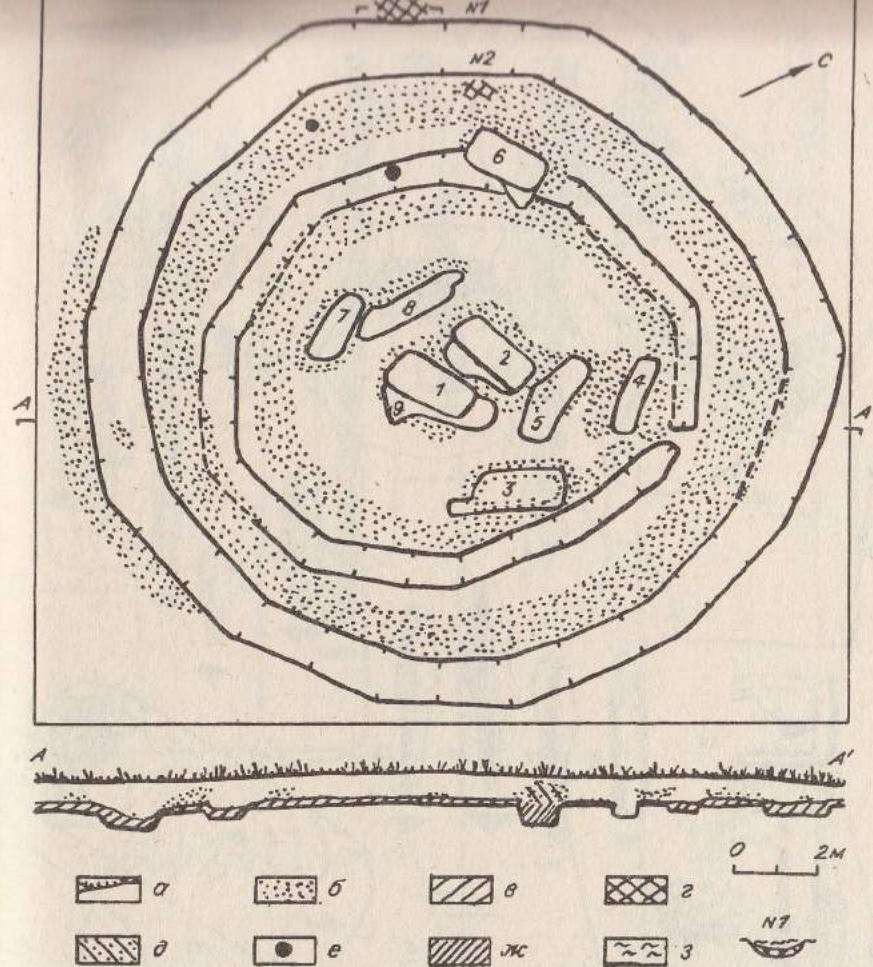

Рис. 49. План и разрез кург. 5 могильника Абатский-3.

a — насыпь; б — выброс; в — погребенная почва; г — проход; д — мешаный слой; е — столбы; ж — черная супесь; з — пепел.

Погребение 2 (рис. 50, 25) было совершено в прямоугольной яме со скругленными углами в непосредственной близости к первому. Ориентировано по линии северо-восток — юго-запад. Вдоль юго-восточной стенки была сделана ступенька высотой 0,3 м, ее ширина 15 см в восточном конце, 40 см в южном. Размеры собственно погребальной камеры 2,25 × 0,89, глубина 0,7 м. Стенки вертикальные, дно ровное. В головном и ножном концах отмечены канавки размерами соответственно 0,35 × 0,85 × 0,16 и 0,33 × 0,82 × 0,1 м.

Погребение разграблено. Все находки оказались сгребенными в кучу в северо-восточном углу. Там, среди костей неполного скелета мужчины в возрасте 30—35 лет, были обнаружены тазовая кость младенца, тазовая кость взрослой овцы, целый маленький горшочек без орнамента (рис. 50, 24), возможно изначально находившийся на этом месте, три железных трехлопастных наконечника стрел, костяной черешковый наконечник (рис. 50, 10, 15—17), железный нож (рис. 50, 21), два фрагмента

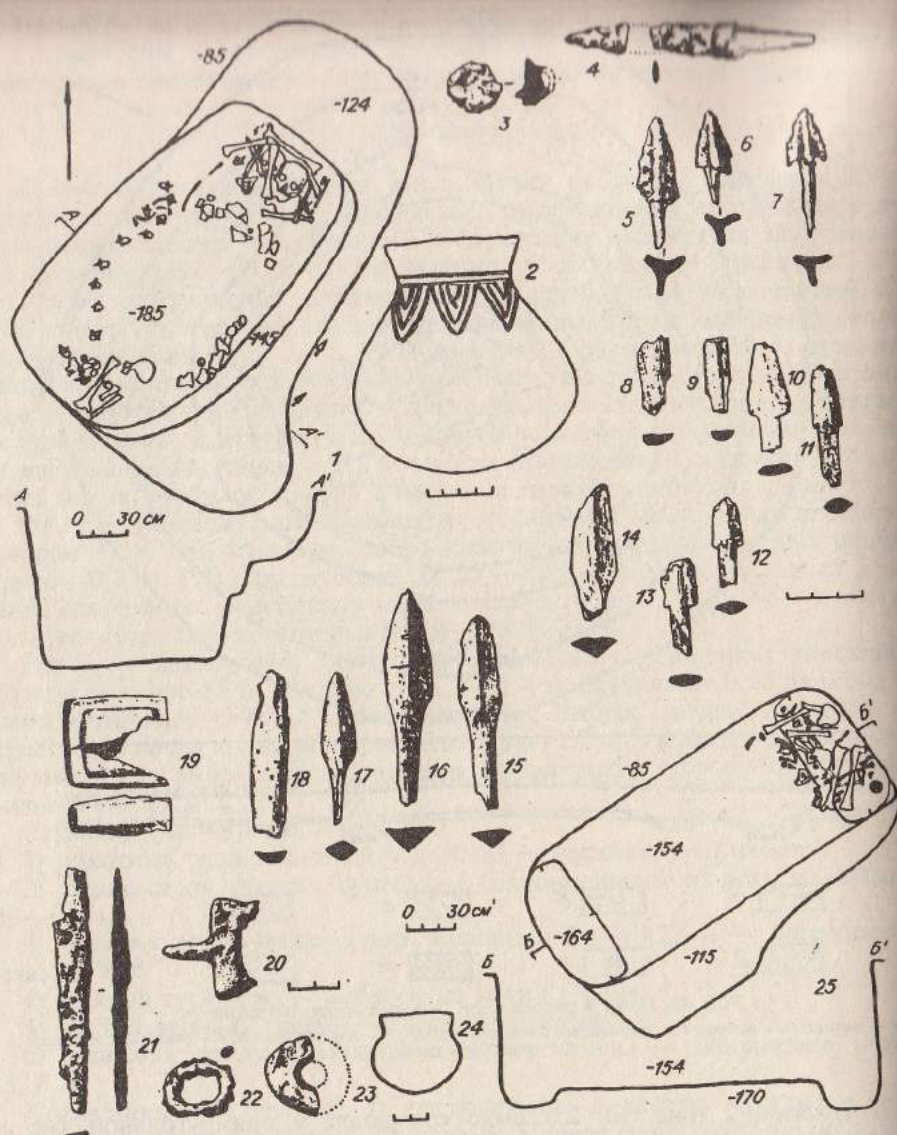

Рис. 50. Курган 5 могильника Абатский-3. План, разрез погр. 1, 9 (1) и инвентарь из них (2, 4, 18, 20, 22, 23). План, разрез погр. 2 (25) и инвентарь из него (3, 5 — 10, 19, 21, 24). Находки из погр. 3 (11—17).

3—7, 21, 22 — железо; 2, 2 — глина; 23 — камень; 8—18 — кости; 19, 20 — рог.

срединой накладкой на лук, железная бляшка или пуговица (рис. 50, 3), изделие из кости (рис. 50, 18).

Погребение 3 (рис. 51, 1) находилось в восточной поле кургана, в яме прямоугольной формы размером $2,24 \times 0,9 \times 0,45$ м, ориентированной по линии северо-северо-восток — юго-юго-запад. По периметру зафиксирован суглинистый выкид, частично оползший в могилу. Этот факт говорит о сравнительно позднем сооружении погребения 3, возможно введенном в

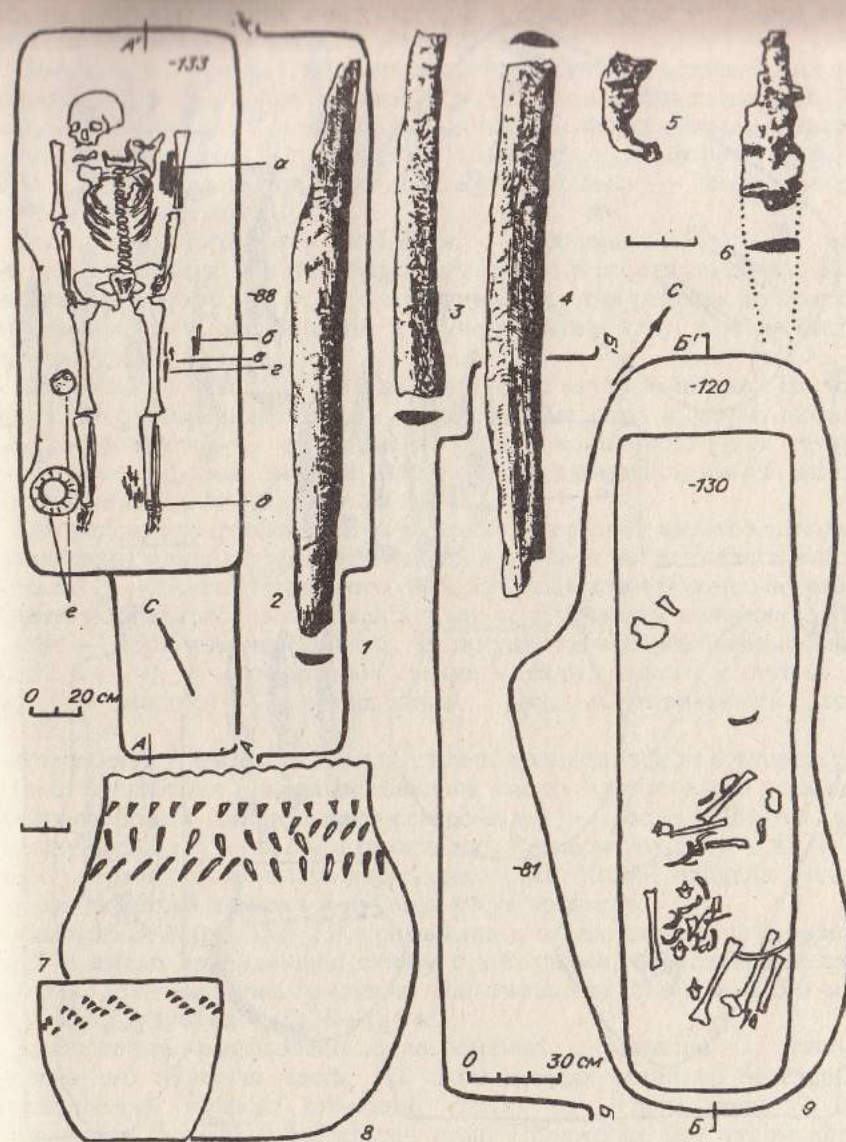

Рис. 51. План и разрез погр. 3 (1) и находки из него (2—8). План и разрез погр. 5 (9) кург. 5 могильника Абатский-3.

2—4 — кости; 5, 6 — железо; 7, 8 — глина.

край существовавшей насыпи. На глубине 0,2 м от уровня материка в заполнении могилы встречались вкрапления дерева плохой сохранности, очевидно остатки перекрытия.

Погребенный — мужчина 40—45 лет — лежал вытянуто на спине головой на северо-северо-восток. Руки его были положены вдоль туловища кистями на подвздошных костях. Близ правого колена была поставлена маленькая плоскодонная баночка, украшенная сгруппированными наколами

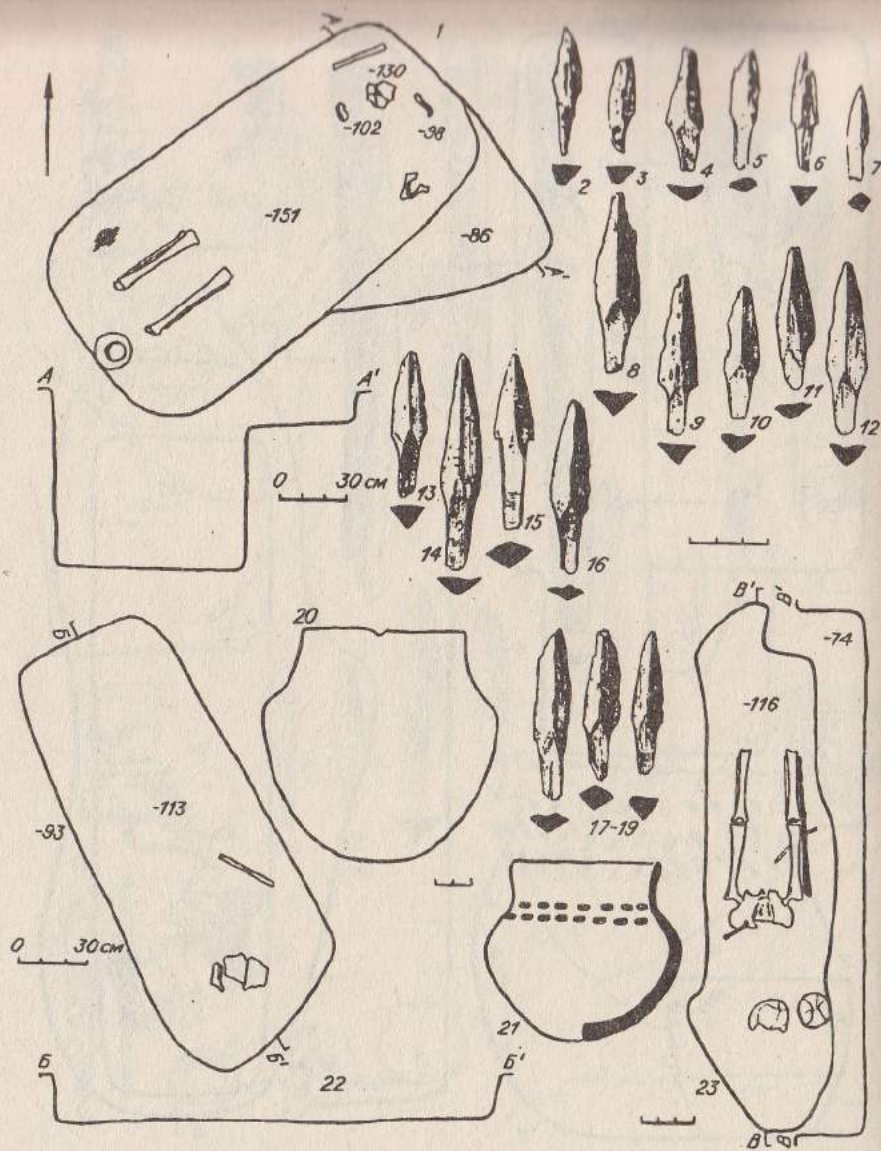

Рис. 52. План, разрез погр. 6 (1) и находки из него (2—20). План и разрез погр. 7. (22). План и разрез погр. 8 (23) и сосуд из него (21).
2—19 — кости, 20, 21 — глина.

под венчиком (рис. 51, 7), у стопы — горшок средних размеров с тремя рядами насечек в переходной зоне от шейки к плечикам (рис. 51, 8). У середины левого бедра лежал длинный железный нож (рис. 51, 6), рядом с ним — косточки мелкого животного.

У левого плеча сверху обнаружены три костяные накладки на лук, в том числе концевые и срединная (рис. 51, 2—4). У левого бедра рядом с ножом находились колчаный крючок (рис. 51, 5) и какое-то изделие из кости. Между ступнями ног, ближе к левой, по-видимому в колчане, были

сложены костяные наконечники стрел. В плотной кучке остриями вниз их было семь экземпляров (рис. 50, 11—17).

Погребение 5 (рис. 51, 9) располагалось восточнее центральных могил. Верхний контур ямы неправильный — с выступом, овальными торцами, ее размеры $2,5 \times 0,9$ м. С глубины 0,4 м погребение сужается, оставив заплечики с трех сторон, и приобретает прямоугольную форму и размеры $2,19 \times 0,56$ м. Общая глубина 0,5 м, ориентировка — северо-северо-запад — юго-юго-восток.

Заполнение погребения мешанное с суглинком и кусками истлевшего дерева. Выброс при рытье ямы сделан на погребенную почву. Захоронение разграблено, кости от двух неполных скелетов ребенка до полугодка и женщины 60 лет обнаружены в куче в южном углу, там же были два ребра лошади.

Погребение 6 (рис. 52, 1) было врезано во внутренний ров. Могильная яма имела трапециевидную форму, скругленные углы и ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. К узкому концу подходила ступенька подтреугольной формы высотой 15 см. Стенки могильной ямы были отвесными, размеры $2,0 \times 1,0$, глубина 0,8 м.

Захоронение разграблено. При раскопках на разной высоте в заполнении были найдены мелкие фрагменты черепа и верхней части скелета женщины в возрасте 20—25 лет. Нетронутым оказался лишь ножной конец погребения. У правой ноги погребенной лежал колчан со стрелами в количестве 19 экз. Все они — костяные черешковые, преимущественно ромбовидной формы (рис. 52, 2—19). У юго-западной стенки могилы, видимо у ступни левой ноги, был поставлен круглодонный неорнаментированный горшок (рис. 52, 20).

Погребение 7 (рис. 52, 22) находилось в юго-западном секторе кургана в 1,3 м от погребения 1, в трапециевидной яме со скругленными углами. Оно ориентировано по линии северо-северо-запад — юго-юго-восток, имеет небольшую глубину — 0,2 м и ровное дно. Размеры его $2,0 \times 0,85 \times 0,6$ м. Полностью разграблено и попорчено грызунами. На дне найдены несколько обломков черепной крышки и лучевая кость человека.

Погребение 8 (рис. 52, 23) примыкало к северо-восточной стороне могилы 7 и имело причудливую форму с выступами, объясняющимися, по-видимому, деятельностью грызунов. Максимальная длина ямы 3,0 м, ширина — 0,73, глубина — 0,38—0,4 м.

Захоронение разграблено одновременно с могилой 7, так как нарушена его головная часть. На своих местах остались перевернутый и раздавленный горшок, стоявший справа от черепа (рис. 52, 21), и нижняя часть туловища без костей стоп. Положение ног указывает, что погребенный — взрослый мужчина — лежал вытянуто на спине головой на юг, правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте и помещена на живот. Вдоль правой ноги располагался железный меч длиной 0,8 м с прямым перекрестьем. У середины правой голени найден один костяной черешковый наконечник стрелы. Под правой бедренной костью оказалось ребро лошади.

Анализ планиграфии показывает, что все саргатские могилы расположены по кругу и ориентированы против часовой стрелки, за исключением самого позднего вводного погребения 6 и, видимо, 9.

Находился в северо-восточной части могильника и, по-видимому, замыкал всю цепочку курганов. До раскопок размеры его были достаточно велики, должно быть около 3 м, но к началу работ из-за распушки высота насыпи уже составляла 0,5 м, диаметр — 30 м (рис. 53). Курган 6 отстоит от кургана 5 более чем на километр, их разделяет небольшая ложбинка. На этом пространстве заметны небольшие всхолмления, но не совпадающие с курганами на плане, снятом в 1962 г. М.К. Поздняковой. Поэтому точное местонахождение курганов 7 и 8 определить не удалось (предположительно они обозначены на плане могильника пунктиром со знаком вопроса).

Погребальное сооружение 6 содержало 10 могил, окруженных замкнутым кольцевым рвом шириной 1,6—2,0 и глубиной 0,6—0,8 м от уровня материка. Только погребение 6 было совершено до насыпки кургана и относится к эпохе бронзы. На уровне погребенной почвы ширина рва была больше, так как стенки его наклонные и ими был срезан дерн, особенно много с южной стороны. Выкид из него был сделан вовнутрь и лег наклонно на край насыпи валиком шириной 1,7—2,2 и высотой до 0,5 м. Угол наклона линзы выкида позволяет предполагать минимальную высоту насыпи в тот период в 3,5—3,7 м, диаметр — 23 м.

Стратиграфия кургана 6 (рис. 53):

- 1) пахотный слой толщиной 0,5—0,55 м — верхний слой разрушенной насыпи;
- 2) темно-серая рыхлая супесь толщиной до 0,55 м — сохранившаяся часть насыпи;
- 3) желтый рыхлый суглинок — выкиды из могил и рва;
- 4) плотная серая супесь — погребенная почва, толщина 0,18—0,23 м;
- 5) мешаная земля с суглинком — заполнение большинства могил;
- 6) черная влажная супесь — заполнение могил 5, 7, 9 в придонной части и первичное заполнение рва.

При раскопках выше погребенной почвы близ бровки и при ее зачистке найдены обломки: железных ножа, кинжала, удила (от 2 экз.); бляшки серебряные с петелькой на обороте (4 экз.), от конской сбруи (рис. 54, 1, 4—7, 11, 14, 19), тазовая кость лошади, два наконечника стрел (рис. 54, 2, 3, 8, 9).

Кроме захоронений в подкурганном пространстве в северо-западном секторе отмечены небольшие овальные ямы размерами 1,2 × 0,55 × 0,24 и 1,1 × 0,7 × 0,5 м. Обе никаких находок не содержали, поэтому считаем их ошибочными грабительскими вкопами.

Погребение 1 (рис. 55, 1) расположено в центре кургана и попорчено многократным разграблением, следы которого зафиксированы в виде ступеней неправильных очертаний по всему периметру. Первоначальные контуры могилы прослежены лишь на глубине 0,5 м от уровня материка. Здесь она приобрела правильную прямоугольную со скругленными углами форму. Размеры 3,2 × 1,6 м, а ко дну она сузилась до 3,18 × 1,2 м. Общая глубина погребения составляет 1,43 м, ориентировка — запад—восток. На дне вдоль стен обнаружены 10 ямок от вертикальных столбов. Размеры ямок следующие:

Ямка	Диаметр, м	Глубина, м
№ 1	0,2 м	0,28 м
№ 2	0,16 м	0,18 м
№ 3	0,18 м	0,15 м
№ 4	0,14 м	0,15 м
№ 5	0,2 м	0,25 м
№ 6	0,2 м	0,2 м
№ 7	0,14 м	0,15 м
№ 8	0,16 м	0,15 м
№ 9	0,16 м	0,2 м
№ 10	0,18 м	0,2 м

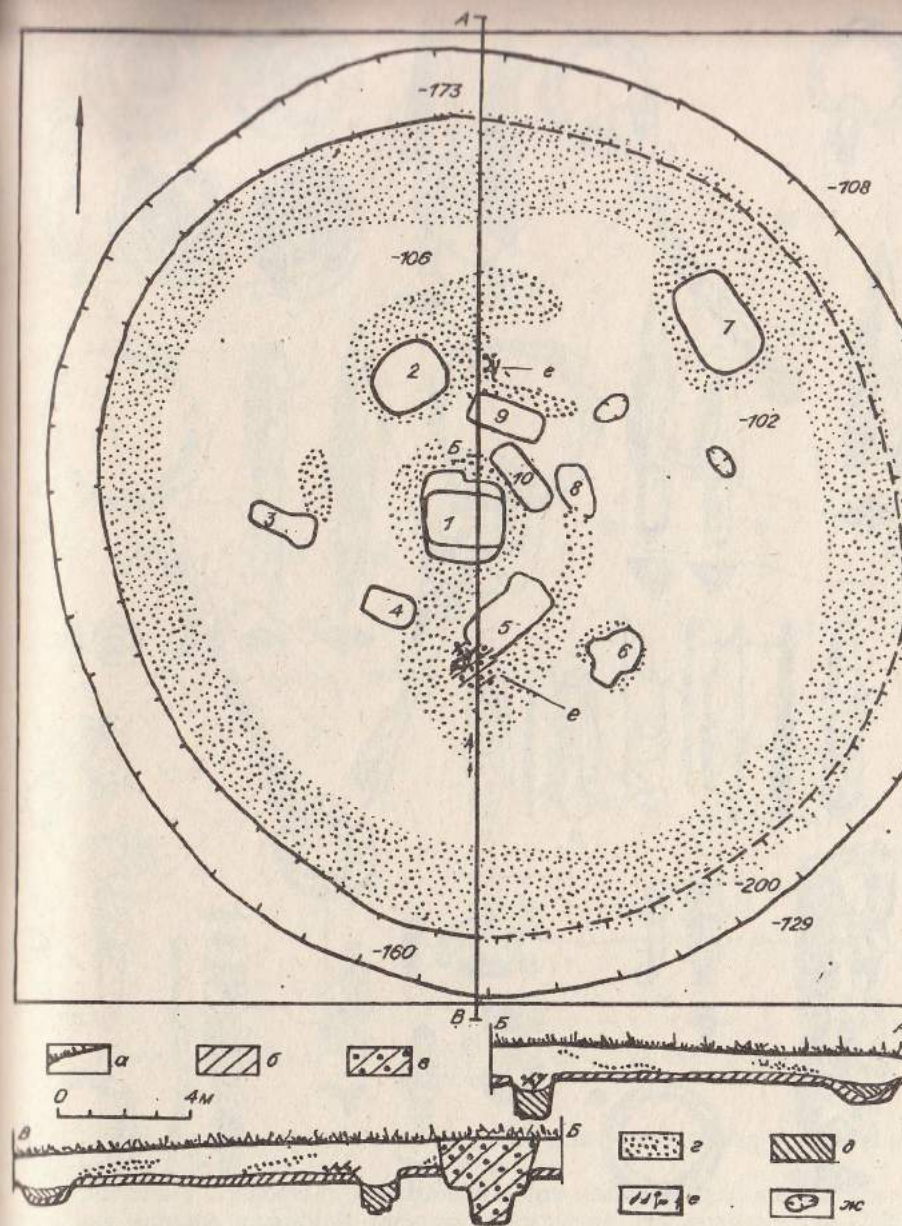

Рис. 53. План и разрез кург. 6 могильника Абатский-3.

а — насыпь; б — погребенная почва; в — мешаный слой; г — выброс; д — черная супесь; е — скопление находок; ж — грабительский лаз.

Между ямками 1 и 2, 6 и 7, 9 и 10 прослежены канавки шириной 0,1—0,2 и глубиной 0,03—0,05 м.

В заполнении могильной ямы на разной глубине найдены малочисленные остатки скелета человека и четыре зуба лошади, а также пять сильно коррозированных бронзовых фигурных бляшек, три фрагмента железного

Рис. 54. Инвентарь из кург. 6 могильника Абатский-3. Из бровки (1—9, 11—19), из погребений 1 (20), 2 (10, 21—26) и 5 (27—29).
2, 3, 8—10, 12, 13, 15—18 — кость; 4—7 — серебро; 20, 21 — бронза; 22 — глина, 1, 11, 14, 19, 23—29 — железо.

кинжала, того же, что и в выбросе (см. рис. 54, 19), обломок фигурной бронзовой серьги (см. рис. 54, 20).

Погребение 2 (рис. 55, 2) было расчищено в северо-западном секторе кургана. Могильная яма его имела подовальную форму, и размеры поверху составляли — 2,34 × 2,0 м. На глубине 2,3 м от уровня материка она сузилась и приобрела прямоугольные очертания, размеры составили

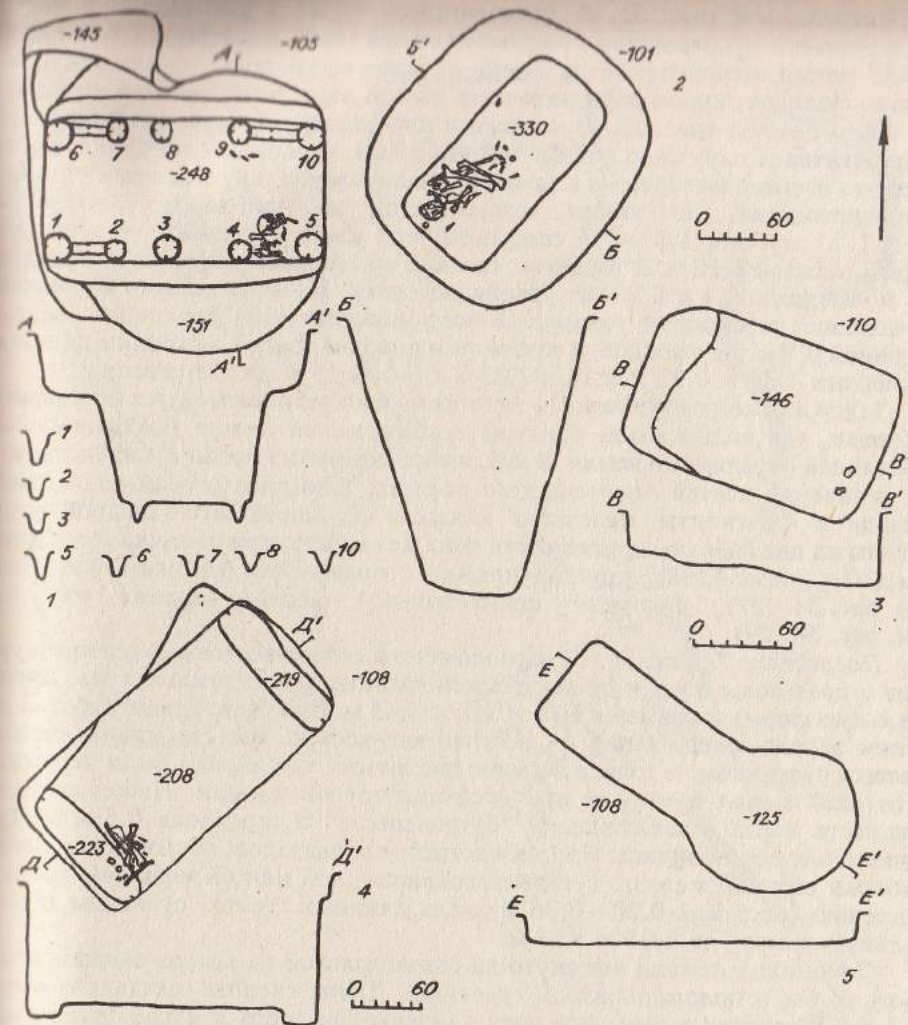

Рис. 55. Планы и разрезы погр. 1 (1), 2 (2), 3 (5), 4 (3) и 5 (4) кург. 6 могильника Абатский-3.

1,82 × 0,86 м. Ориентировка по продольной оси — юго-запад — северо-восток.

Захоронение полностью разграблено. При выборке заполнения могилы встречался мелкий древесный тлен от перекрытия. На глубине 2,1—2,25 м в юго-юго-западном углу расчищено скопление костей скелета. Рядом с ними найдена бронзовая пряжка (см. рис. 54, 21). В середине могилы обнаружены один костяной (рис. 54, 10), два железных черешковых наконечника стрел (см. рис. 54, 24, 25). Тут же были рассеяны обломки железного кинжала, ножичек (см. рис. 54, 26), обоймочка с прилипшей пластинкой серебра (см. рис. 54, 23).

Погребение 3 (рис. 55, 5) размещалось в юго-западной части подкурганной площадки и имело размеры 2,1 × 0,65 и глубину 0,17 м. Одна оконечность могилы была прямоугольной, другая — овальной. Расширенный конец, придающий яме неправильную форму, объясняется, по-видимому, деятельностью "бугровщиков".

подкурганного пространства в прямоугольной яме размером $1,6 \times 1,0 \times 0,45$ м, ориентированной по линии западо-северо-запад — юго-востоко-восток. Находок, кроме двух пяточных костей взрослого человека не было.

Погребение 5 (рис. 55, 4) введено в юго-западную часть подкурганного пространства и окружено обширным выбросом, сделанным на уже существующую насыпь. Совершено в прямоугольной яме со скругленными углами, ориентированной по линии северо-восток — юго-запад. Размеры её $2,8 \times 1,4$, глубина 1,3 м. У северного угла была ступенька треугольной формы высотой 0,12 м. В торцовых стенках прослежены заплечики шириной 0,1 м на высоте 0,1 и 0,2 м от уровня материка. На них, видимо, опиралось продольное перекрытие могилы. В юго-западном углу отмечена выемка глубиной 0,7 м. Дно ровное, в головном и ножном концах выкопаны канавки размерами $1,35 \times 0,32 \times 0,11$ и $1,23 \times 0,3 \times 0,15$ м соответственно.

Захоронение разграблено, и этот факт был установлен уже по разрезу в бровке, где видны были контуры грабительской ямы и большая линза смешанной с суглинком земли. В ней, выброшенной из могилы, зафиксированы скопление костей человеческого скелета, плюсна взрослой тонконогой лошади и фрагменты железного кинжала. В западо-юго-западном углу могилы на дне собраны другие кости того же скелета, три обломка железного ножа (см. рис. 54, 28), круглая пряжка с подвижным язычком, пуговица (см. рис. 54, 27), фрагмент прямоугольной формы изделия из рога (см. рис. 54, 29).

Погребение 7 (рис. 56, 1) расположено в северо-восточном секторе кургана у края насыпи и в 2 м от внутренней границы рва. Могильная яма имела овальную форму и размеры $3,18 \times 2,1 \times 1,45$ м. Она была ориентирована по линии западо-северо-запад — востоко-юго-восток. Яма засыпана чистым желтым суглинком, и только верхние два штыка заполнения были черными. Этот слой попал в могилу при оседании грунта насыпи. Небольшая мощность ввела в заблуждение «бугровщиков» и, прокопав 0,5 м до суглинка, они остановились. Поэтому погребение оказалось нетронутым. После выборки рыхлого желтого суглинка появился слой мягкой мешаной земли и заплечики шириной 0,28—0,36 м вдоль длинных стенок, сузившие погребальную камеру до $3,03 \times 1,23$ м.

Покойница лежала вытянуто на спине головой на северо-западо-запад. Руки ее были положены вдоль туловища. Длина скелета составляла около 162 см. В головах в северном углу найдены три ребра и кусок (рубленный) тазовой кости лошади. В области ключиц и позвонков шеи обнаружены распавшиеся бусы, располагавшиеся короткими цепочками по 3—4 штуки. Пока не истлела нить, на которую они были нанизаны, бусины составляли ожерелье (рис. 57, 4). Они трех видов: бочонковидные с валиками по краям из бордового стекла (19 экз.), сердоликовые (3 экз.), стрелковидные из многоцветного слоистого стекла (6 экз.).

В области таза, справа, найден маленький железный ножичек (рис. 57, 12), слева — сверленный астрагал барана (?) (см. рис. 57, 6). У левого колена лежало пряслице, точенное из стенки среднеазиатского сосуда (рис. 57, 5). У черепа с двух сторон у висков найдено по серебряной серьге. Они позолоченные с сердцевидным щитком, напаянным на загнутый стержень, украшенным зернью, и привеской из крупных золоченых шариков в виде грозди (рис. 57, 3).

Справа от черепа в суглинке отмечен коричневый круг органического тлена диаметром 10,5 см, видимо от днища деревянного или берестяного сосуда. Аналогичное пятно органики в суглинке находилось и у правой голени погребенной, но имело овальную форму и размеры 8×12 см.

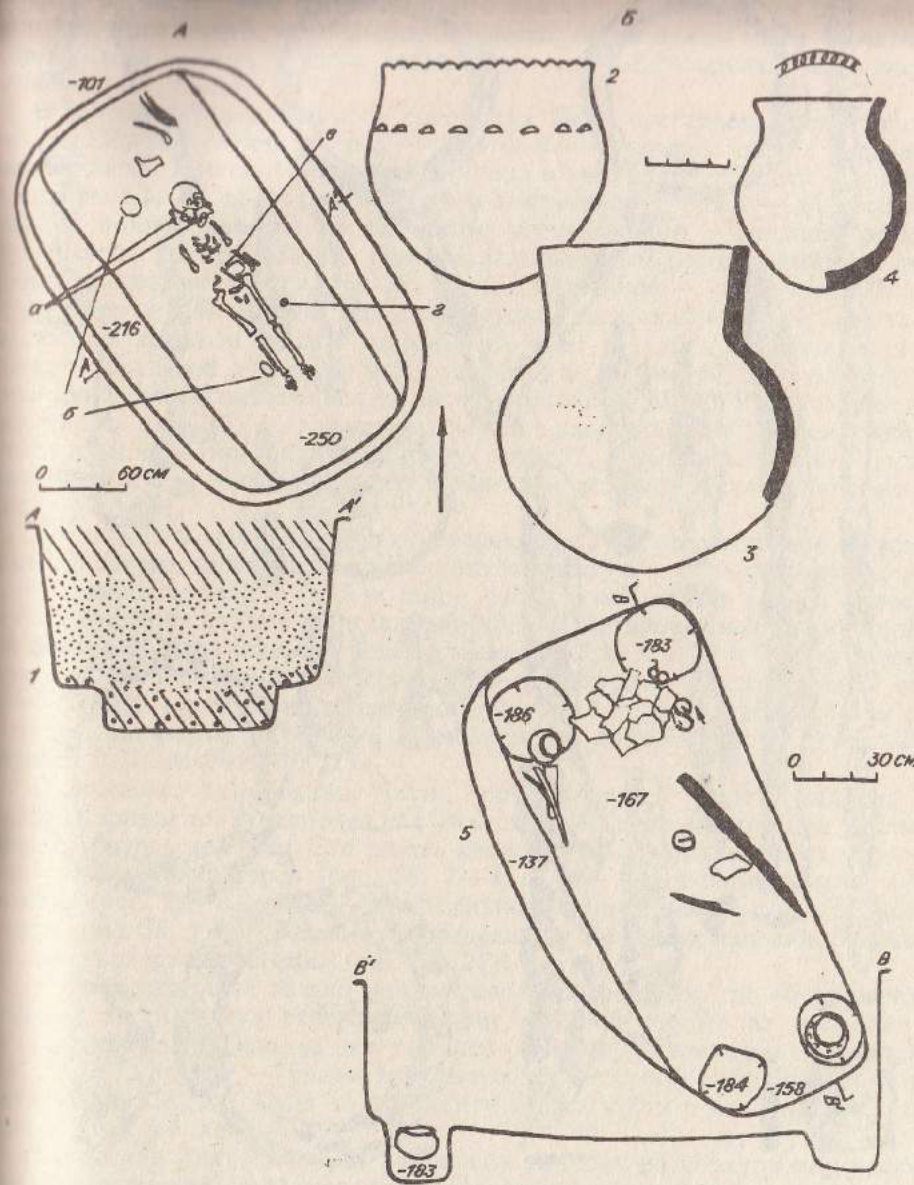

Рис. 56. План и разрез погр. 7 (1) и 8 (5) кург. 6 могильника Абатский-3. Сосуды из погр. 8 (2—4), глина.

а — серьги; б — тлен от берестяных сосудов; в — железный нож; г — пряслице.

Погребение 8 (см. рис. 56, 5) находилось в центре подкурганной площадки и в 2 м к востоку от захоронения 1. Могильная яма его ориентирована по линии западо-северо-запад — востоко-юго-восток. Один конец её прямоугольный, а другой — округлый. Вдоль северо-западной стенки отмечена ступенька глубиной 0,26 м. Размеры могилы $1,86 \times 0,95 \times 0,58$ м, дно неровное. По всем четырем углам были ямы от

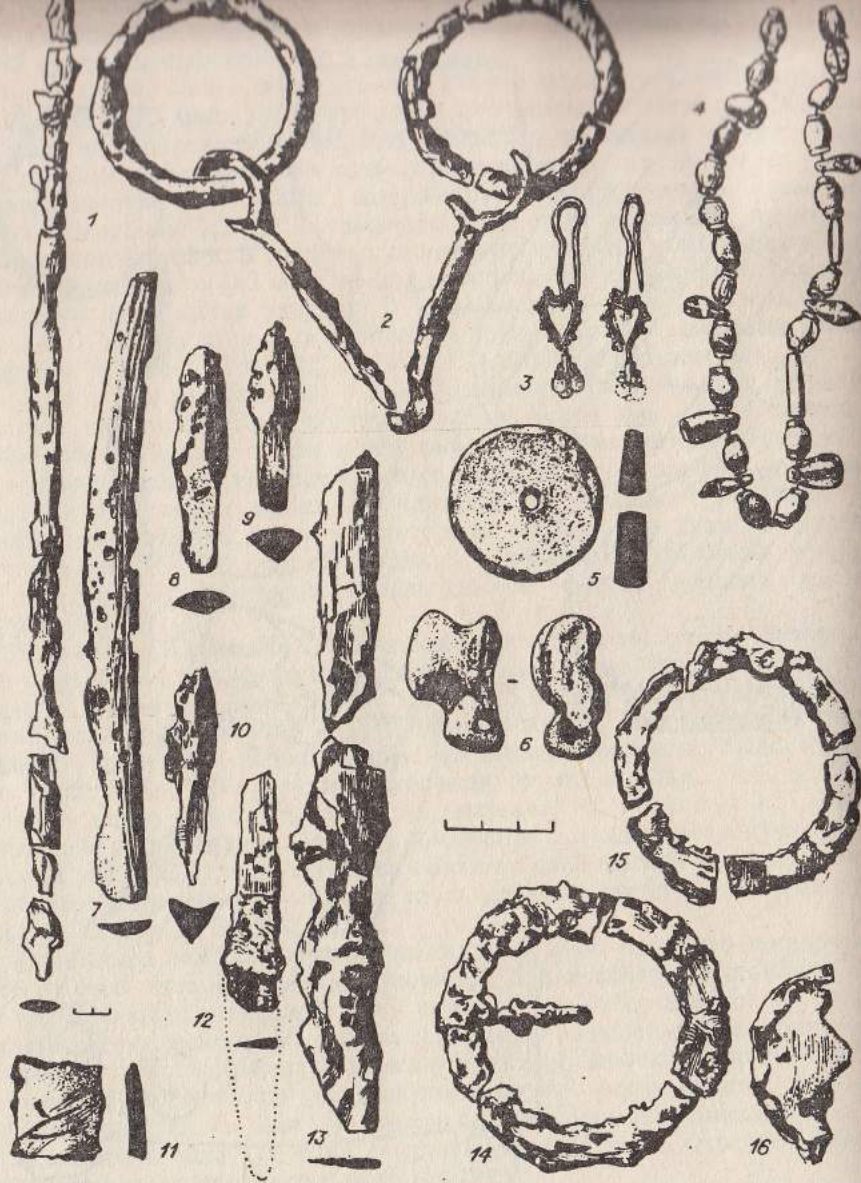

Рис. 57. Инвентарь из погр. 7 (3—6, 12) и 8 (1, 2, 7—11, 13—16) кург. 6 могильника Абатский-3.

1, 2, 12—16 — железо; 3 — серебро с позолотой; 4 — цветное стекло и стекло с позолотой; 5, 11 — глина; 6—10 — кость.

вертикальных столбов: три — округлые, одна — квадратной формы. Размеры их следующие:

Ямка	Диаметр, м	Глубина, м
№ 1	0,27	0,19
№ 2	0,3	0,16
№ 3	0,22	0,16
№ 4	0,22	0,16

три расчистке ямы выяснилось, что она не разграблена ни одна вещь не сдвинута со своего первоначального места, но ни одной кости человеческого скелета не было. Видимо, перед нами кенотаф, сооруженный в честь погибшего на стороне.

В головах предполагаемого покойника были поставлены два горшка (см. рис. 56, 3, 4). Один из них — маленький — остался цел, а больший был раздавлен землей. Причем малый упал в ямку, но не на дно, аверху ее заполнения. То же можно отметить и для третьего горшка — с зубчатым краем и линией наколов по плечикам, поставленного у предполагаемой правой стопы (см. рис. 56, 2). Рядом с раздавленным сосудом найдены две круглые железные пряжки (рис. 57, 14, 15), над ямкой — удила (рис. 57, 2). Посередине могилы лежала еще одна крупная железная поясная пряжка с подвижным язычком плохой сохранности (рис. 57, 16). В 20 см от нее находился большой железный нож (или кинжал — рис. 57, 13), наискосок посередине был помещен железный меч длиной 0,68 м. Рукоять его не сохранилась (рис. 57, 1). Кроме этих вещей в западном углу найдены ребро и часть ноги животного, накладка на лук (рис. 57, 7), рядом с мечом — часть лавовой кости лошади (?), наконечники стрел черешковые, костяные (рис. 57, 8—10).

Погребение 9 (рис. 58, 1) было совершено в 2 м к северо-северо-востоку от центрального, но впущено в уже существовавшую насыпь, так как выкид из него зафиксирован в 0,45 м выше погребенной почвы в виде полосы желтого суглинка длиной 3,5 и шириной 0,6 м. Могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами размером 2,35 × 1,15 × 0,96 м ориентирована по линии западо-северо-запад — востоко-юго-восток. Вдоль северной стенки прослежено заплешико шириной 0,15 м на уровне 0,3 м от материка, напротив посередине южной стенки зафиксирована ступенька шириной 0,2 и глубиной 0,22 м.

Захоронение разграблено. Часть вещей и костей скелета найдена в верхних горизонтах заполнения, т.е. ссыпалась назад в могилу при заплытании грабительской ямы. Это девять костяных и четыре железных черешковых наконечника стрел (рис. 58, 2—4, 6, 10—18), обломки меча или кинжала (рис. 58, 5), ниже — крестовидная бляшка, маленькая железная пряжка (рис. 58, 7, 9), обломки неопределимых железных изделий, бронзовая ложечковидная застежка (рис. 58, 21).

In situ сохранился только ножной конец погребения, где обнаружены берцовые кости, кости стоп и стоявшие у левой стопы два маленьких медных сосуда. Один из них украшен резными фестонами по плечикам (рис. 58, 20), другой — рядом наклонных насечек по переходной зоне и кончику (рис. 58, 19). Судя по фрагменту лобной кости и конечностям, это останки взрослой женщины (?).

Погребение 10 (рис. 58, 22) впущено в материк на подкурганную площадку с северо-восточной стороны захоронения 1 и расположено между ним и погребениями 8, 9. Оно находилось в яме прямоугольной формы размером 1,27 × 0,98 м, ориентированной по линии северо-северо-запад — юго-юго-восток. Она была вырыта в погребенной почве и углублена в материк лишь на 0,1 м.

Погребенная — женщина (?) в возрасте 20—25 лет — лежала на спине головой на север. Левая рука была вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте, кисть покоилась в области малого таза. Костяк плохой сохранности — черепная коробка и лицевая часть раздавлены, стопы не уцелели. Наверху костей левой руки лежали три фрагмента железного меча без навершия с прямым перекрестьем, сложенные под углом. Общая длина меча 0,6 м (рис. 59, 1). Под позвоночником в области шеи найдено бронзовое

Рис. 58. План и разрез погр. 9 (1) и 10 (22). Находки из погр. 9 (2-7, 9-21) и 10 (8).
2-7, 9 — железо; 8 — рог; 10-18 — кости; 19-20 — глина; 21 — бронза.

зеркало с отпечатками кожи и прилипшими к ней ворсинками рыжего короткого меха (лисицы?) (рис. 59, 9). Видимо, зеркало лежало в кожаной мешочке, подвешенном на шнурок на шею погребенной. Под ним была тонкая деревянная плашка размером 12 × 2 см. У правого бедра располагался железный кинжал, найденный в обломках (рис. 59, 27). У правой голени посередине — скопление наконечников стрел, находившихся, очевидно,

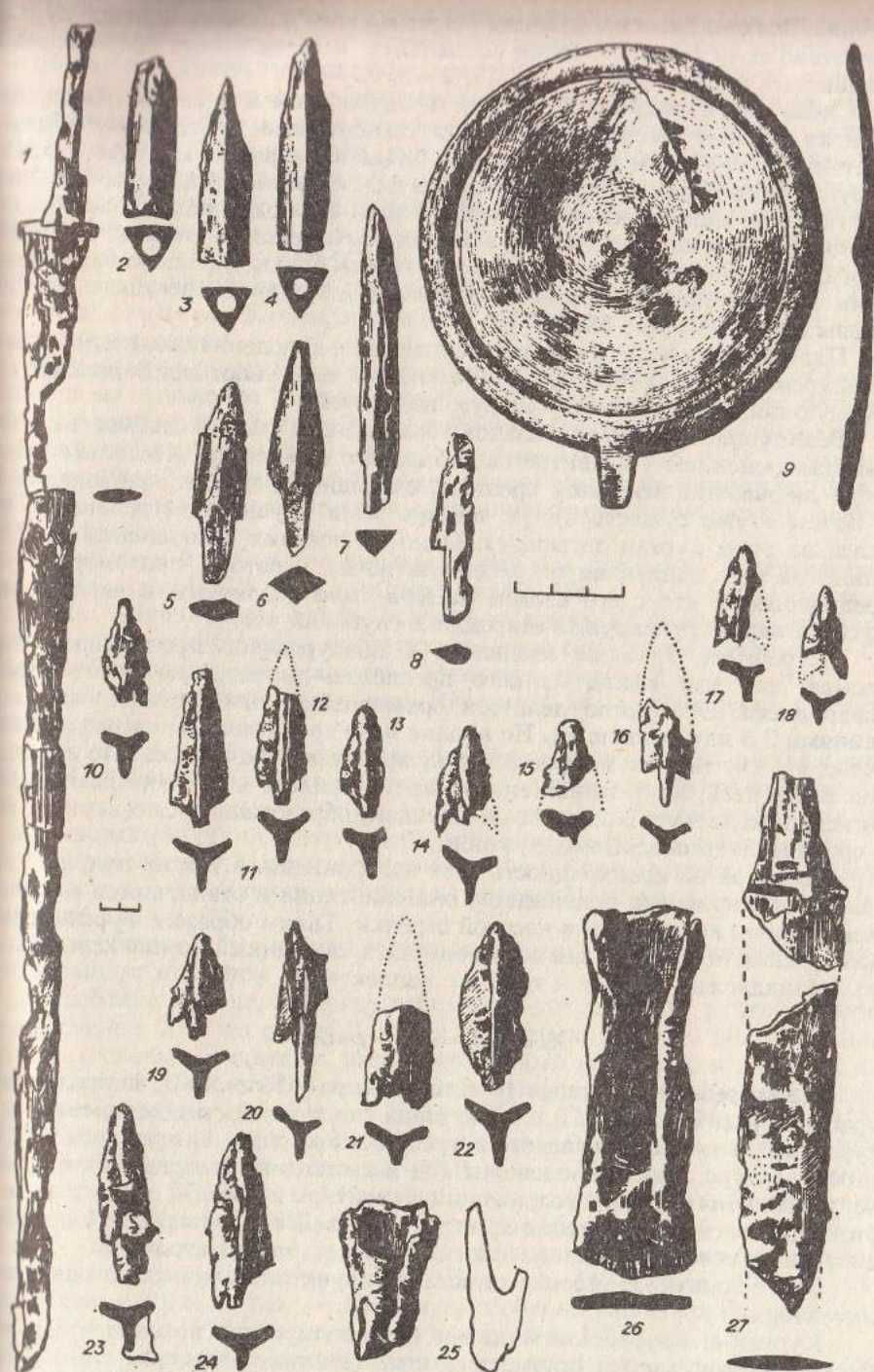

Рис. 59. Инвентарь погр. 10 кург. 6 могильника Абатский-3.
1, 10-27 — железо; 2-8 — кости; 9 — бронза.

колчане. Все они были направлены остриями вниз и лежали плотной кучкой. Насчитано семь костяных (один рассыпался) и 15 железных трехлопастных черешковых наконечников (рис. 59, 2—8, 10—24).

Слева над подвздошной костью между локтем и ребрами обнаружена большая роговая бляха, украшенная серебряными гвоздиками, вбитыми крест-накрест. У прямоугольного края бляхи высверлены три отверстия, а у закругленного вырезан прямоугольный паз, сохранивший следы бронзовых пластинок в виде окислов. По краю бляхи проходит рельефный бортик, украшенный зигзаговым узором, выполненным мелкими ямками. С тыльной стороны гладкая заполированная поверхность бляхи украшена гравированными изображениями семейства кошачьих, хищники, бегущего зайца и головы оленя (см. рис. 58, 8).

Планиграфические и стратиграфические наблюдения свидетельствуют о одновременности погребений в кургане 6 и позволяют предположить следующую последовательность сооружения могил.

Возникновение первоначальной усыпальницы следует связывать с основным захоронением 1 в центре погребального комплекса. Несколько позднее до сооружения земляной крепиды, очевидно, возникли захоронения 3 и 4. Затем в уже существующую насыпь были впущены погребения 2 и 7. Вслед за этим курган досыпался. Одно из поздних захоронений — 7, выкид из него сделан на погребенную почву. Поэтому правомерно было предположить, что с его вводом насыпь была увеличена, и именно ее, в позднем варианте, окружал широкий и глубокий ров.

Погребение 9 также вводилось в подкурганное пространство через насыпь, так как выкид из него прослежен значительно выше древней поверхности. Это могло делаться сравнительно одновременно с захоронениями 2, 5 или раньше их. Не вполне ясно время появления под курганом могил 8 и 10, так как выбросы из них проследить не удалось. Но выкопанные они были неглубоко, заполнены мешаной землей, хотя и не разграблены. Это свидетельствует о засыпке их выкидом, образовавшимся при рытье ямы и сравнительно позднем сооружении.

Несмотря на асинхронность всех захоронений, в тех из них, где определена ориентировка покойников, она однотипна и заключается в расположении их по кругу против часовой стрелки. Таким образом, курган на всем протяжении использования воспринимался как единый комплекс и, возможно, принадлежал одному и тому же коллективу.

Хронология погребений

Все погребения курганов 1—6 могильника Абатский-3, за исключением красноозерских могил 1, 2, 3, 7 кургана 1 и грунтовых захоронений во рву кургана 2, а также сузгунского погребения 6 кургана 6, относятся к саргатской культуре. Они расположены под насыпями по единому плану, имеют устройство могил, сопровождающий инвентарь и сосуды, характерные для этой общности. Наблюдения за стратиграфией и планиграфией позволяют считать их совершенными на протяжении нескольких столетий.

Более точную датировку помогает получить анализ сопроводительного инвентаря.

Курган 1. Погребение 4 может быть датировано по найденным в нем бусам и бисеру, так как другие предметы (золотые бляшки, обломки рукояти кинжала, серебряное кольцо, раковина каури) имеют широкий диапазон бытования. Бусы — голубые бочковидные мелкие — датируются III—I вв. до н.э. [Алексеева, 1978, с. 30], мелкий золоченый и из светло-зеленого стекла бисер — II—I вв. до н.э.

Дата погребения 5 определяется более надежно. Опираясь на поздние находки комплекса отметим, что бронзовый наконечник ремня относится ко II—III вв. н.э. [Максименко, Безуглов, 1987, с. 190], пряжки железные ажурные с овальным щитком и симметричными завитками внутри щитка и прямоугольной рамкой, копирующие аналогичные бронзовые, известны во II в. до н.э. [Мошкова, 1960, рис. 4, 2]. Пряжка лировидная с язычком сходит аналогии в таштыкских и ноинулинских древностях [Комплекс... у Тепсей, с. 3], пряжка в виде трапеции, завершающейся круглой головкой роднесарматского облика, близка по форме к пряжкам из балактыкульского могильника III—V вв. н.э. [Сорокин, 1977], золотобалковским образцам II вв. н.э., к новофилипповским II—IV вв. н.э. [Вязьмитина, 1954, 1972]. Эти вещи совместно бытовали, видимо, во II в. н.э., к которому следует отнести захоронение.

Погребение 6 разграблено и датирующих вещей не имеет. Погребение 8, несмотря на вторжение "бугровщиков", сохранило ряд предметов, позволяющих его датировать. Это золоченый рубленный бисер, как и в захоронении 4, зеленая бочковидная бусина I—II вв. н.э. [Алексеева, 1978, с. 58], фигурные штампованные "ступенчатые" бляшки, наподобие тилля-тепинских [Золото Лактии, с. 236]. Все вещи дают основание отнести комплекс к первым векам нашей эры.

Погребение 9 содержало кинжал и меч без навершия и перекрестья, характерные для I—IV вв. н.э. [Сокольский, 1954, с. 155], железные трехлопастные наконечники стрел, железную круглую пряжку с язычком, круглые железные бляшки, инкрустированные бронзовой проволокой. Совместное бытование этих предметов относится также к I—IV вв. н.э.

В целом саргатские погребения кургана 1 мы можем отнести, таким образом, ко II—IV вв. н.э.

Курган 2. Погребения, содержавшие саргатскую керамику и выполненные с соблюдением саргатской погребальной обрядности, были сооружены в два приема, но, видимо, с небольшим временным промежутком, так как существенных различий в датировках этих погребений не наблюдается.

Так, погребение 1 может датироваться по набору костяных и железных трехлопастных наконечников стрел в рамках II в. до н.э. — III в. н.э. [Сорокин, 1956, с. 11].

В погребении 3 был найден только железный нож типа широко бытующего в раннем железном веке.

Погребение 5 по целому ряду вещей, как-то: зеркало с ручкой-штырем и выпуклой II в. до н.э.—III в. н.э. [Хазанов, 1963, с. 64]; железный перстень с овальным щитком, распространенный во II в. до н.э. — I в. н.э. [Мандельштам, 1966, с. 121]; золотые серьги с круглым щитком и привеской, украшенные пирамидками зерни I—II вв. н.э. [Матвеев, Матвеева, 1987, с. 192]; шаровидные синие бусы VI в. до н.э. — IV в. н.э. [Алексеева, 1978, с. 65]; бусы красные II в. до н.э. — III в. н.э. [Там же, с. 63], зеленые II—I вв. до н.э. [Там же, с. 64], цилиндрические из глухого белого стекла I—III вв. н.э. [Там же, 1982, с. 63], золоченые бочковидные с валиками по краям I—III вв. н.э. [Там же, 1982, с. 63], золоченые усеченно-биконические уплощенные III в. до н.э. — II в. н.э. [Алексеева, 1978, с. 28], многочастные III в. до н.э. — III в. н.э., особенно распространенные в I в. до н.э. — I в. н.э. [Там же, с. 31], — датируется I—III вв. н.э.

Дата погребения 11 не может быть точно определена, так как найденный там костяной наконечник стрелы представляет собой широко распространенный тип.

Захоронение 12 полностью разграблено. Погребение 13 по железному наконечнику стрелы и обломку крупного ножа или кинжала тоже может быть отнесено к началу нашей эры.

Из захоронения 14 интересна многочастная бусина из стекла с позолотой первых веков нашей эры [Там же, с. 28]. Брусковидные костяные псалии и бронзовые трехгранные втульчатые наконечники, в основном распространенные в IV—II вв. до н.э., по-видимому, доживают до нашей эры. Поэтому датировать погребение 14 надо все же I—III вв. н.э., исходя из даты поздних вещей. Погребение 15 разграблено.

Основанием для датировки погребения 16 может быть низка белых и голубых округлых и цилиндрических бус I—III вв. н.э., аналогичных бусам из погребения 5 того же кургана.

В захоронении 17 датировочными вещами являются кинжал с кольчатым навершием без перекрестия позднесарматского облика; бронзовое зеркало с ручкой-штырем, выпуклой и валиком II в. до н.э. — III в. н.э., браслет из бронзовой проволоки спиральный в 10 оборотов, разделенный на два отдельных, с декоративным утолщением на одном конце, близкий по облику к браслету из Калиновского могильника [Шилов, 1959, рис. 51], но с геометризованным, а не зооморфным завершением, I в. до н.э. — I в. н.э.; низка мелких зеленых цилиндрических и округлых поперечно сжатых бусин I—IV вв. н.э. [Алексеева, 1978, с. 67]; мелкий рубленый и многочастный тускло-зеленый бисер I—IV вв. н.э. [Там же, с. 67]. Все это дает дату совместного бытования вещей — I—III вв. н.э.

В погребении 18 более узкую дату, нежели железные удила с роговыми брусковидными псалиями и золотая штампованная круглая бляшка, даны бусы из гагата I—II вв. н.э. [Алексеева, 1978, с. 12], округлая поперечно сжатая из белого стекла I—II вв. н.э. [Там же, с. 63], голубая округлая маленькая IV в. до н.э. — III в. н.э. [Там же, с. 64] и цилиндрическая золоченая III в. до н.э. — III в. н.э. бусины [Там же, с. 30]. Совместное бытование этих вещей также приходится на I—III вв. н.э.

Таким образом, курган 2 мог функционировать в I—III вв. н.э.

Курган 3 содержал очень мало инвентаря и вызывает наибольшее затруднения в датировке. Железные черешковые трехлопастные и костяные наконечники стрел, пряжки железные язычковые указывают на период IV в. до н.э. — III в. н.э. Однако костяные подпружные пряжки с подвижным язычком появляются значительно позже и характерны для раннетюркских древностей. По мнению А.К. Амброза [1989, с. 77], они датируются VII в. н.э., по В.А. Могильникову [1981, с. 37] — VI—VII вв. н.э. Судя по наличию двух разновременных могил в центре, можно предполагать, что ранняя относилась к первым векам нашей эры, подобно другим захоронениям в курганах, а поздняя — к раннему средневековью, как и вводное погребение кургана 5. Возможна и другая трактовка, связывающая зарождение этого типа пряжек с культурой сибирских племен заключительного этапа раннего железного века.

В кургане 4, его погребениях 1, 2, 4 найдены костяные черешковые наконечники стрел с различной формой пера: трехгранные, плоские ромбической и треугольной формы, костяные концевые накладки на лук, железные трехлопастные черешковые наконечники стрел. Все они широко распространены в раннем железном веке. Фрагмент трапецевидной пряжки с подвижным язычком близок к пряжке из кургана-кладбища 11 могильника Кокэль [Дьяконова, 1970, табл. XI—32] I в. до н.э. — V в. н.э. Голубая бусина усеченно-биконическая уплощенная из прозрачного стекла из погребения 3 не находит точной аналогии, но такие же из глухого стекла характерны для I в. н.э. [Алексеева, 1978, с. 69]. Точная аналогия бус

ковидной бусины из погребения 2 нам также не известна. Она сделана из глухого голубого стекла и украшена шестью глазками в узких красных и широких желтых ободках. Похожие бусы, но с тремя глазками датируются III—IV вв. н.э. [Алексеева, 1975, с. 61].

Вещи из погребения 7 позволяют уточнить дату кургана. Это железный кинжал без навершия и перекрестия, характерный для I—IV вв. н.э. [Скопковский, 1954, с. 155]; пряжка ажурная, литая из бронзы, с выступом на одной стороне и кнопкой на другой, овальной формы, видимо, является развитием простой круглой пряжки с кнопкой и выступом, характерной для первых веков нашей эры [Корякова, 1988, с. 76]. Две близкие по форме крупные железные пряжки с удлинено-трапецевидной рамкой, округлым призматиком и подвижным лопаточковидным язычком находят аналогии в Золотобалковском и Новофилипповском могильниках I—IV вв. н.э. [Вязьмитина, 1954, с. 24] и в кургане 37 могильника Кокэль II—V вв. н.э. [Дьяконова, 1970, с. 209]. Таким образом, дата кургана 4 определяется в рамках II—IV вв. н.э.

В кургане 5 узко датировочных вещей не найдено. Инвентарь составляют все те же типы наконечников стрел, ножи, накладки на лук, железные поясные обоймочки, костяная пряжка с выступающим шпеньком, известная с V—III вв. до н.э. по III в. н.э. в саргатских древностях [Корякова, 1988, с. 77], железный кинжал и меч без навершия с прямым перекрестием, бытующие в широких рамках I—IV вв. н.э.

Курган 6 представлен более обильным и разнообразным инвентарем. Это бронзовая кольцевидная пряжка из плющеной проволоки, с вертикальным крючком на краю и не полностью сомкнутыми концами из погребения 2. Подобные пряжки, бронзовые и латунные, известны в могильниках Средней Азии II в. до н.э. — I в. н.э. [Мандельштам, 1966, с. 113; 1975, с. 140]. Железные двусоставные удила с большими дополнительными кольцами из погребения 8 находят аналогии в позднесарматских древностях, относимых к II—IV вв. н.э. [Пшеничнюк, 1983, с. 125]. Большая железная кольцевидная пряжка с подвижным язычком аналогична тулхарским и бабашовским II в. до н.э. — I в. н.э. из Средней Азии [Мандельштам, 1966, табл. XIII], тесинским из Южной Сибири [Комплекс... у г. Тепсей, рис. 50, 1].

Серьги серебряные в виде стержня с сердцевидным щитком и гроздевидной привеской, украшенные пирамидками зерни, из погребения 7 находят полную аналогию в коллекции Витсена [Руденко, 1962, рис. 2]. По форме и технике исполнения они близки тютринским серьгам I—III вв. н.э. [Матвеев, Матвеева, 1987, рис. 1, 3] и серьгам, ранее описанным в инвентаре кургана 2 и датированным также I—III вв. н.э.

Железный меч без навершия с прямым, ромбическим в сечении бронзовым перекрестием из погребения 10 характерен для среднесарматского периода, тесло железное с несомкнутой втулкой прямоугольной формы может относиться ко времени со II в. до н.э. по I в. н.э. [Корякова, 1988, с. 72]. Зеркало бронзовое с выпуклой в центре, ручкой-штырем и валиком по краю из погребения 10 представляет собой тип, распространенный во II в. до н.э. — III в. н.э.

Сочетание разнообразных форм железных трехлопастных черешковых наконечников стрел (с опущенными лопастями, со срезанными под прямым и тупым углом) относится к позднему периоду существования этого рода наконечников. Причем наконечники с широкой лавровидной головкой и срезанными под тупым углом лопастями появляются во II—IV вв. н.э. [Брыкина, Горбунова, 1984, с. 35].

Крупная бронзовая ложечковидная застежка со стилизованным изображением головы сайги находит аналогию в тесинских комплексах Тепсей II—I вв. до н.э., но там изображение более реалистично [Комплекс... у

Телсей, рис. 32, 70]. Рельефная бронзовая пластинка с петлей сверху близка по очертаниям к серьгам из могильника Кокэль, курган 26 [Вайнштейн, 1970, с. 51, рис. 74], датируемого II—V вв. н.э.

Уточняют дату кургана 6 бусы из погребения 7. Бочковидные, выполненные из глухого бордового стекла с валиками на концах, они датируются I—III вв. н.э. [Алексеева, 1978, с. 73]. Стрелковидные трехцветные, в которых слои разделены тонкой полосой из глухого белого стекла, датируются по-разному: из желтого янтарного и зеленого бирюзового стекла — второй половиной I—II вв. н.э., из янтарно-желтого и синего стекла — первой половиной IV в. н.э., из лимонно-желтого и синего стекла, а также из бесцветного, синего и зеленого стекла — не известно. Таким образом, дата кургана 6 определяется в рамках II—IV вв. н.э., ближе к IV в. н.э.

Период существования всего некрополя также, по-видимому, II—IV вв. н.э.

Судя по топографическому плану могильника Абатский-3, курганы его объединяются в три компактные группы. Ближе к краю террасы и точно по одной линии были насыпаны курганы 2, 3, 5, образующие цепочку, расположенную под углом 40° к северу. Примерно в 200 м от них далее, в глубь террасы стояли еще две насыпи, 1-я и 4-я, ориентированные аналогичным образом. Третья группа курганов — 6 и, возможно, 7 и 8 — отстояла от них почти на 600 м, но не являлась продолжением этих линий. Интересно, что и по инвентарю эти курганы кажутся асинхронными. Так, погребения в курганах 2, 5 и, по-видимому, 3, могут относиться к I—III вв. н.э., в курганах 1 и 4 — ко II—IV вв., а в кургане 6 — к IV в. Эти наблюдения подтверждаются и различиями внутренней планиграфии курганов. Захоронения в первой цепочке совершались не менее чем в два приема и окружены двумя рвами, из второй цепочки несколько ровов отмечены под насыпью кургана 4. В отличие от них в курганах 1 и 6 ров один, без следов подновления. Сходную планиграфию удалось проследить и в Тютринском могильнике, где ранние насыпи были также приурочены к краю террасы, а поздние стояли цепочкой в глубине [Матвеев, Матвеева, 1991а].

Таким образом, некрополь использовался довольно долгое время в течение одного-двух, а то и более веков. Он принадлежал, по-видимому, определенному коллективу родственников, постоянно захоранивавшему здесь своих умерших. Судя по величине насыпей, сложности устройства погребальных камер, богатству и разнообразию инвентаря, они относились к знати довольно высокого ранга.

Могильник Кокуйский-3

Памятник открыт В.А. Захом и А.В. Матвеевым в 1988 г., исследовался автором в 1989 г. Расположен на первой надпойменной террасе левого берега р. Ишима, на восточном берегу пойменного оз. Угловое. Он находится на всхолмлении высотой 1,8 м, окружен заболоченными низинами, в 2,5 км к северу от д. Кокуй (рис. 60).

Могильник представляет собой группу из четырех сегментовидных курганов и одного плоского возвышения, оказавшегося комплексом эпохи поздней бронзы (курган 2). Курганы 3, 4, 5 расположены цепочкой по линии западо-северо-запад — востоко-юго-восток. Причем крайние курганы этой линии — самые большие в группе. Они находятся на расстоянии 200 м. Курганы 1 и 2 отстоят от кургана 3 к югу с небольшим отклонением к востоку. Размеры насыпей следующие:

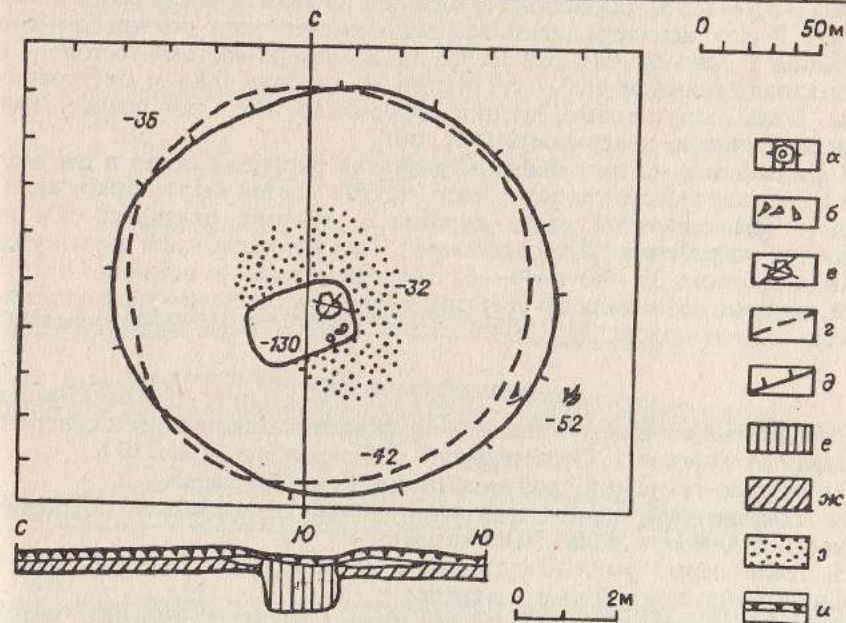
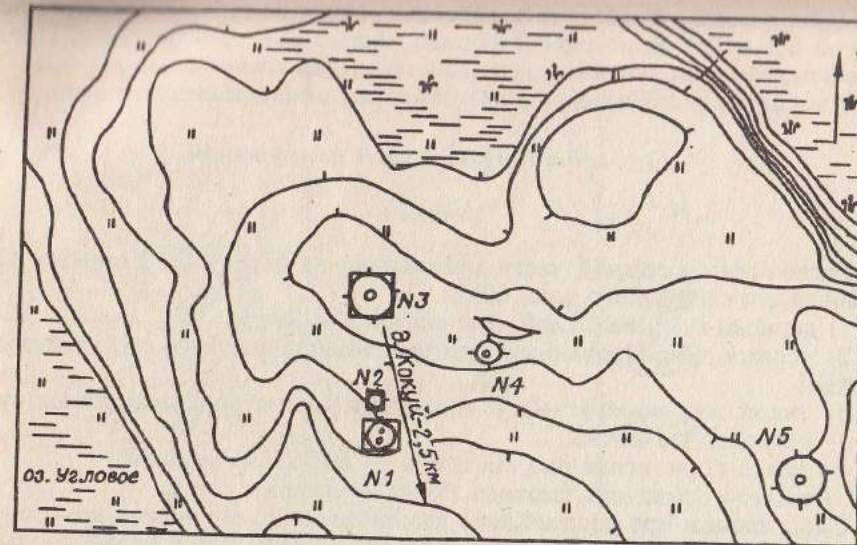

Рис. 60. Ситуационный план могильника Кокуйский-3. Горизонталь через 0,2 м. План и разрез кургана 1.

а — раскопанные курганы; б — кости; в — горшок; г — граница насыпи; д — визуальный контур насыпи; е — черный гумусированный суглинок; ж — погребенная почва; з — желто-коричневая глина, выброс; и — дерново-гумусный слой.

Курган	Диаметр, м	Высота, м
1	10×11	0,2
2	4×6	0,15
3	16×15	0,7
4	9×9	0,35
5	19	0,5

Межкурганная поверхность неровная, заметны отдельные всхолмления высотой 0,1—0,12 м аморфной формы, частью выветривающиеся. Принадлежность всех их к погребальным конструкциям сомнительна.

В могильнике исследованы два объекта раннего железного века.

Описание погребальных сооружений

Курган 1

Расположен в южной части могильника на берегу оз. Углого. Стратиграфия его следующая (рис. 60):

- 1) дерново-гумусный слой мощностью 12—20 см;
- 2) черный гумусированный суглинок мощностью 5—8 см, слой насыпи кургана;
- 3) такой же, но плотный с вкраплениями материковой глины суглинок — погребенная почва;
- 4) желто-коричневая рыхлая глина — выброс из могилы;
- 5) желто-коричневая плотная глина — материк.

Слой насыпи при разрезе явно выклинивается, очерчивая круг диаметром около 8,7—8,8 м, по-видимому близкий по размерам к первоначальному кургану. В его центре находилась подпрямоугольная могильная яма от погребения 1. Она ориентирована по линии северо-востока-восток — юго-запада-запад, размеры ее — $2,2 \times 1,58$ м, глубина 0,83 м от уровня материка. Углы скругленные, стенки слабонаклонные, дно ровное. Выброс сделан на древнюю поверхность (рис. 60).

В заполнении могилы найдены разбитая русская кринка и две мелкие кости от человеческого скелета, часть других костей была обнаружена под дерном в юго-восточной части кургана и, видимо, оказалась там после нарушения погребения "бугровщиками". Они принадлежали двум мужским особям в возрасте 35—40 и 40—45 лет. Грабители не оставили в кургане вещей, которые позволили бы уверенно судить о культурной принадлежности объекта.

Курган 3 (р и с. 61)

Располагался в северо-западной части могильника в 60 м к северо-северо-западу от кургана 1. Стратиграфия его следующая (рис. 61):

- 1) дерново-гумусный слой мощностью 0,7—0,2 м;
- 2) темно-серый, почти черный суглинок — насыпь кургана. Имеет мощность до 0,6 м, к полам выклинивается;
- 3) темно-серый рыхлый суглинок с материковыми вкраплениями — заполнение грабительской ямы в центре;
- 4) темно-серый плотный суглинок — погребенная почва, мощность 0,15—0,3 м;
- 5) желтая глина — выброс из погребения 3, толщина 0,12—0,18 м.

После снятия дерна при раскопках насыпи в ней на глубине 35—40 см найден развал сосуда (рис. 62, 4) и несколько фрагментов неорнаментированной керамики (рис. 62, 1), несколько глубже — развал горшечного неорнаментированного сосуда (рис. 62, 5). На погребенной почве обнаружено скопление костей животных.

Под полами насыпи погребенная почва оказалась тоньше, чем в центре, а в ряде случаев совсем отсутствует. Это говорит о том, что насыпи складывали из кусков дерна, нарезаемого здесь же, на расстоянии 2—3 м от краев очерченного погребального пространства. Эта площадка до возведения насыпи имела диаметр 15—16 м. Позднее оползшая насыпь перекрыла ее на 2,5—3 м, тем самым увеличив визуальные размеры кургана.

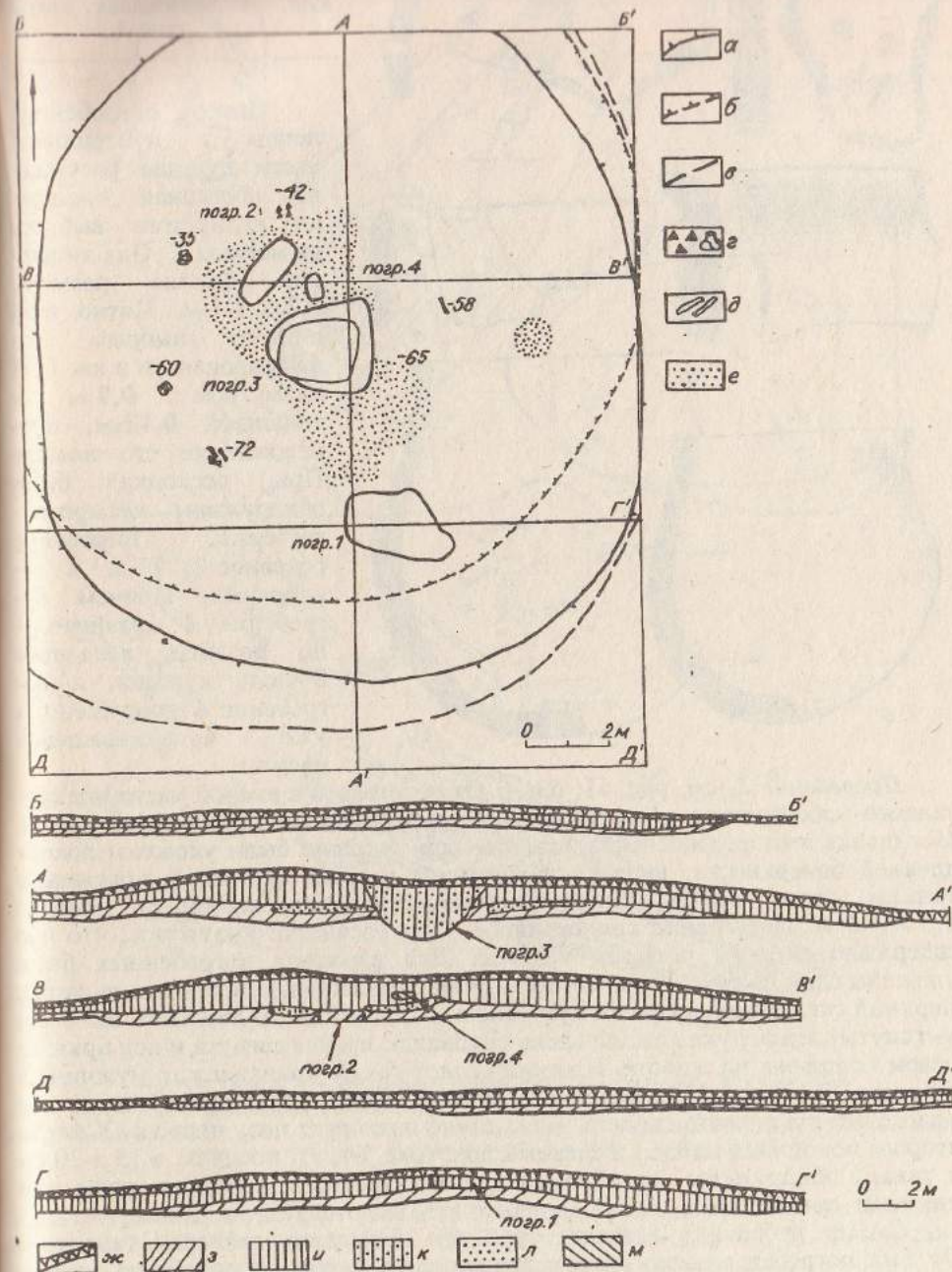
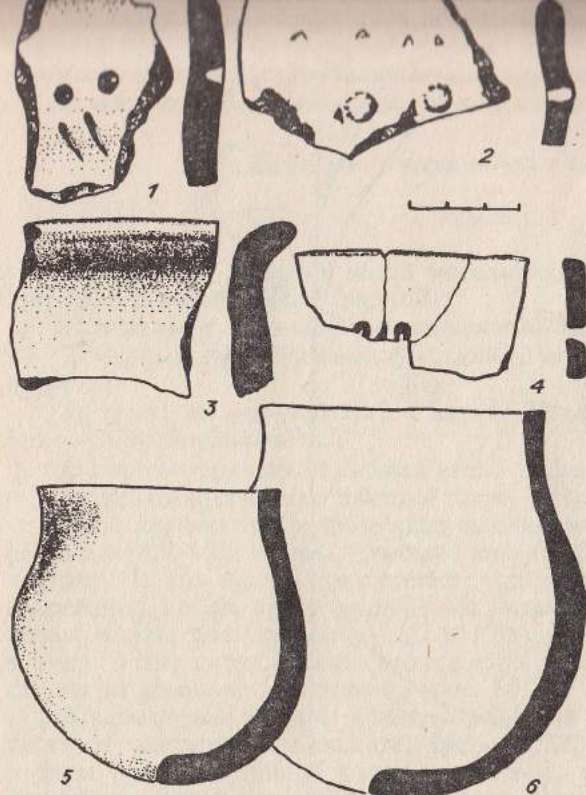

Рис. 61. План и разрезы кург. 3 могильника Кокуйский-3.

ж — визуальная граница насыпи в рельефе; б — контур погребенной почвы; в — граница оплывшей насыпи; г — керамика; д — кости; е — глинистый выброс; ж — дерново-гумусный слой; з — погребенная почва; и — темно-серый суглинок с глинистыми вкраплениями; к — желто-коричневая глина; л — черный суглинок; м — рыхлый темно-серый суглинок.

Поверх погребенной почвы в центральной части кургана расчищена обширная площадка глинистого выброса из могилы 3. Она аморфной формы, размеры 6,2 × 3,5 м. Пятно глинистого выброса зафиксировано и в кв. 0/8 диаметром 0,9 м и толщиной 0,12 м, происхождение его неясно. При раскопках были обнаружены четыре погребения. Погребение основное 3, 1 и 2 — впускные. Причем погребение 1 сравнительно позднее, введенное в полу кургана, а погребение 4 сооружено в уже существовавшей насыпи.

Погребение 1 (см. рис. 61; 63, 4) располагалось в южной части подкурганного пространства у самой кромки сохранившейся погребенной почвы. Могильная яма не фиксировалась, так как умершие были уложены поверх древней поверхности, видимо, захоронены у подножия кургана и присыпаны тонким слоем земли. Площадь распространения костей и находок 2,8 × 1,5 м. Погребение коллективное. При расчистке выяснилось, что оно содержало скелеты четырех человек. Два взрослых погребенных были уложены один на другой, вытянуто на спине, головой на северо-запад. Верхний скелет принадлежал мужчине в возрасте 25—30 лет. Ноги его были вытянуты, левая рука лежала вдоль туловища, правая согнута и под прямым углом положена на животе. Нижний скелет также принадлежал мужчине в возрасте 30—40 лет. Его череп был раздавлен и несколько выступал из-под целого черепа первого скелета. Поза точно повторяет позу первого. У плеча второго покойника найден железный нож (рис. 64, 1), поодаль, в 15 и 30 см к западу обнаружены два обломка другого большого железного ножа или кинжала (рис. 64, 4).

Скелет ребенка в возрасте трех лет обнаружен слева от взрослых. Он был погребен в вытянутом положении, на спине, головой на север, почти касался ногами взрослых. Сохранность его плохая. В головах найдены ребра крупного домашнего животного, вокруг него в беспорядке лежали кости четвертого покойника. Непосредственно за черепом ребенка лежали два костяных наконечника стрел, в 15 см к востоку от них — еще два. Справа от него примерно на уровне плеча обнаружена костяная панцирная пластинка, другая аналогичная находилась у правого его бедра.

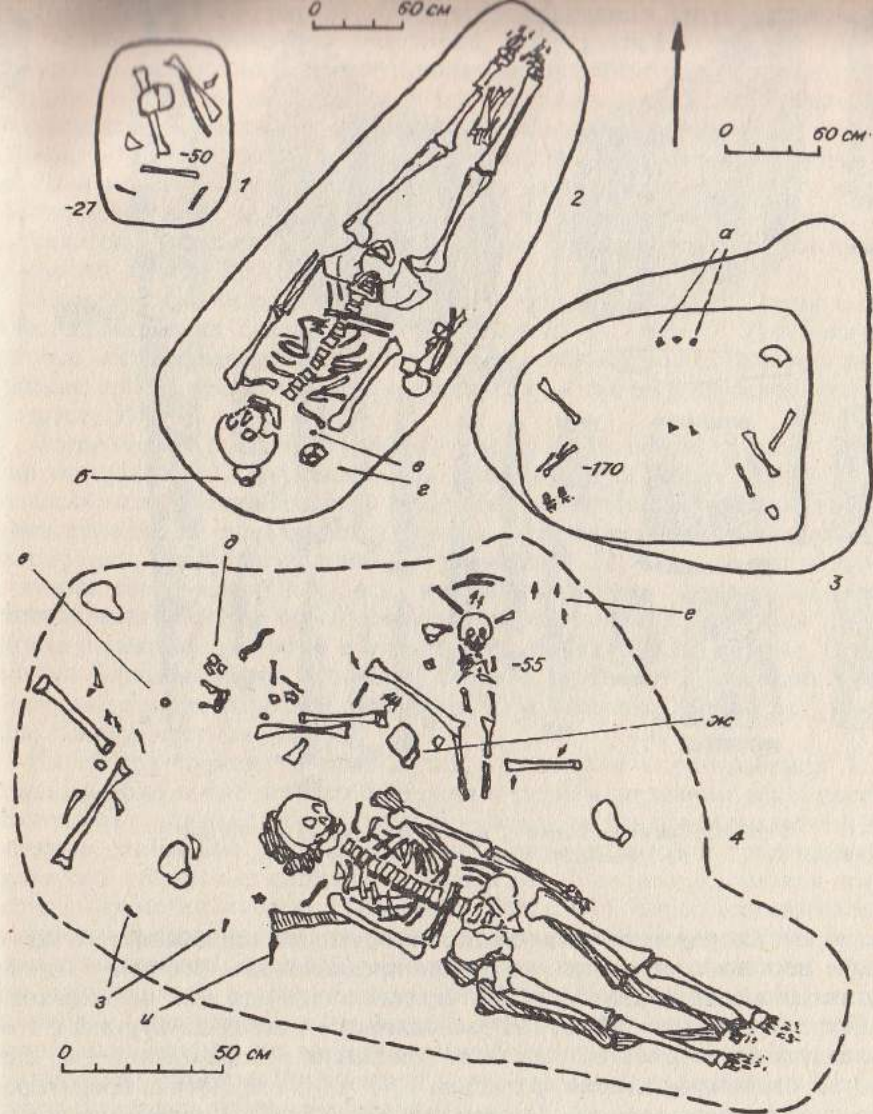

Рис. 63. Планы и разрезы погребений кург. 3 могильника Кокуйский-3.

1 — погребение 4; 2 — погребение 2; 3 — погребение 3; 4 — погребение 1.

а — фрагменты керамики; б — горшок; в — бусина; г — развал сосуда; д — панцирные пластины; е — наконечники стрел; ж — точило; з — обломки железных изделий; и — железный нож.

В 20 см к западу от детского скелета отмечена кучка из трех наконечников, плоского точильного камня (рис. 64, 2) и проколки (рис. 64, 5). Два наконечника стрел были найдены с восточной стороны от ребенка.

Кости четвертого погребенного, по-видимому взрослой женщины, были рассеяны по всей могиле в ее северной половине. Установить положение и ориентировку невозможно. Часть инвентаря была расположена вместе с разрозненными костями. Так, еще три панцирные пластинки найдены близ нижней челюсти, два костяных наконечника стрел — близ берцовой кости. Между челюстью и берцовой костью обнаружена стеклянная бусина

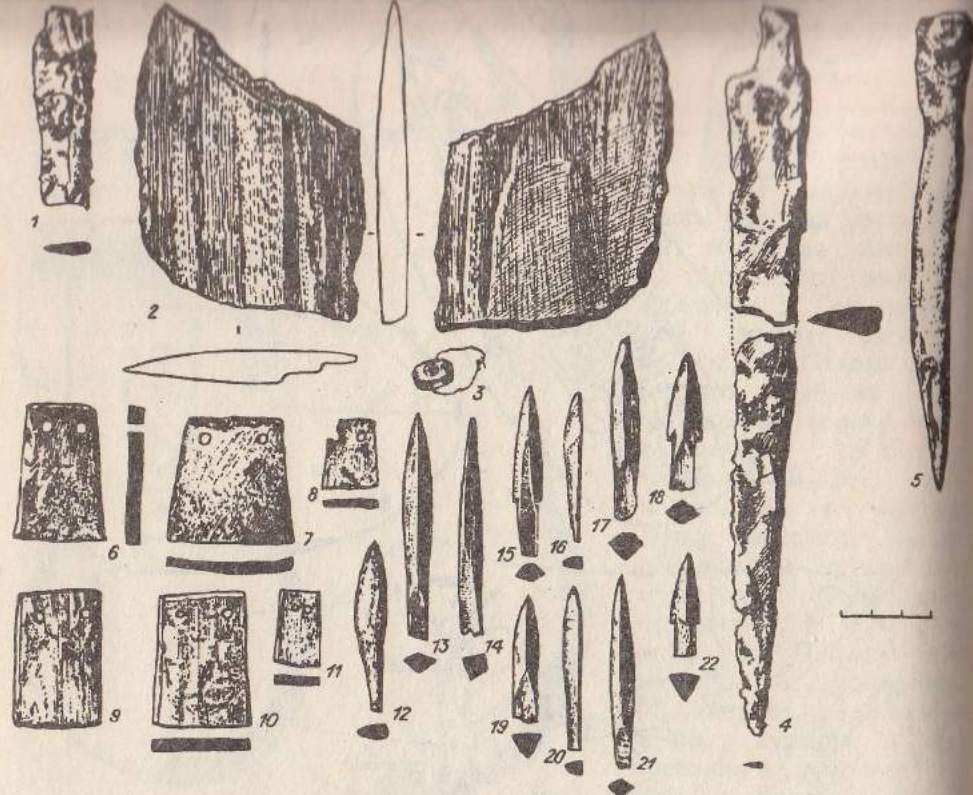

Рис. 64. Инвентарь погреб. 1 кург. 3 могильника Кокуйский-3.
1, 4 — железо, 2 — камень, 3 — стекло, 5—22 — кость.

(рис. 64, 3). Сосредоточение предметов вооружения возле женского костяка кажется несколько странным, но можно предположить, что ввиду одновременного захоронения инвентарь был предназначен для всех покойников.

Погребение 2 (рис. 61; 63, 2) располагалось в середине кургана в 1 м от центрального захоронения. Оно было совершено в подовальной яме с расширенным головным концом, размером $1,97 \times 0,74$ м. Могила ориентирована по линии северо-восток — юго-запад и углублена в погребенную почву на 0,2 м до уровня материка. Выброс из нее не отличим от насыпи. Поскольку эта яма прорезала выкид из погребения 3, то следует считать ее более поздней, но выкопанной, видимо, до возведения насыпи.

Погребенный — мужчина (?) в возрасте до 25 лет — лежал вытянуто на спине головой на северо-восток. Ноги сведены вместе, левая рука протянута вдоль туловища, правая согнута в локте и положена на живот. Сохранность погребения удовлетворительная. В головах покойного были поставлены два маленьких горшочка (см. рис. 62, 3, 6). Целый неорнаментированный круглодонный горшочек стоял за черепом, а раздавленный, также неорнаментированный, с отогнутым венчиком, был найден в 10 см от правого виска. У правого локтя отмечено скопление костей мелкого рогатого скота от сопроводительной пищи, кроме того, часть грудины в четыре ребра лежала между голени умершего. Других находок нет.

Погребение 3 (см. рис. 61; 63, 3) зафиксировано в центре кургана в виде ямы не вполне правильных очертаний, полукруглой в разрезе. Верхний контур ее на уровне погребенной почвы имел подтреугольную форму. Затем, на уровне материка, она приобрела трапециевидные очертания. Размеры ее следующие: максимальные — $1,85 \times 2,55$ м, минимальные — $1,5 \times 1,85$ м, глубина — 0,8 м от уровня материка. Погребение неоднократно разграблено, что было заметно сразу же по мешаному заполнению и четкому контуру грабительской ямы, спускавшейся в него уже с самого верха насыпи. Этим объясняется и неправильная форма могилы, стенки которой, видимо, были разрушены лазами «бугровщиков».

В заполнении могилы на разной глубине были собраны разрозненные кости человеческих скелетов и керамика (см. рис. 62, 2). Поврежденные длинные кости конечностей принадлежали особи юношеского возраста (пол неопределим), а крышка черепа и кисти рук — скелету взрослой женщины в возрасте 50—55 лет.

Погребение 4 (см. рис. 61; 63, 1) совершено в насыпи кургана. Обнаружено на глубине 37 см и на 20 см выше выброса из погребения 3. Оно оказалось между погребением 2 и погребением 3, но значительно выше их. Зафиксировано по появившимся костям скелета и более рыхлому в этом месте грунту. Подпрямоугольная яма размером $1,22 \times 0,88$ м ориентирована по линии север—юг. Оказалось, что она содержит разрозненные кости человеческого скелета, по-видимому вторично захороненные или потревоженные перекопом, который в слое не прослеживался. Это парные, большие и малые берцовые кости, ключица, лучевая, фрагменты черепной крышки и нижняя челюсть взрослой женщины (?) в возрасте 20—25 лет. Там же была найдена кость животного.

Инвентарь кургана 3 происходит в основном из погребения 1. Это железный нож, какие широко бытовали в раннем железном веке; костяная проколка из грифельной кости, точило — вещи, не дающие конкретной даты. Костяные панцирные пластины (6 экз.) прямоугольной и трапециевидной формы характерны для защитного доспеха IV—II вв. до н.э., так как позднее преобладали металлические [Корякова, 1988, с. 68]. Набор костяных мелких наконечников стрел состоит из 11 экз., из которых 10 — черешковых разных форм: ромбические, трехгранные с треугольным или иволистным пером и один трехгранный с выступающей втулкой. Небольшие размеры наконечников и присутствие в комплексе втульчатого экземпляра говорят о сравнительно раннем их возрасте, поскольку втульчатые костяные, как и бронзовые, исчезают ко II в. до н.э. Таким образом, дату поздних погребений кургана 3 следует определять около III—II вв. до н.э.

Керамика из погребения 2 и с древней поверхности, безусловно, относится к саргатской культуре. Саргатскими являются и ориентировка погребенных, их поза, состав и размещение сопроводительного инвентаря в погребениях 1 и 2. Судя по стратиграфическим наблюдениям, в эту же группу следует включить и погребения 4.

Время же возникновения центрального захоронения 3 и всего кургана остается недостаточно ясным. Довольно своеобразная керамика, более характерная для начала раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи из погребения 3 и насыпи, позволяет высказать предположение о принадлежности этих остатков к баитовскому кругу объектов.

раздутым туловом (см. рис. 13, 6, 39, 7), цилиндрическую курильницу с соседним выступом на дне с Узловского поселения. В кургане 2 могильника Абатский-3 найдены кувшины ручной лепки с плоским дном и петлеобразной ручкой, но отличные по тесту — рыхлые с органикой, возможно, являющиеся южным импортом (см. рис. 41, Б, 4). Безусловно среднеазиатское происхождение имеет сосуд из погребения 10 кургана 3 могильника Абатский-1, изготовленный на гончарном круге, из оранжевой тонко отмученной глины с кремовым ангобом. Он шаровидной формы, диаметр горловины — 9 см, тулова — 23,5, высота — 29,5 см. По лицевой стороне нанесены четыре концентрические окружности, по тыльной — одна. По пропорциям и орнаменту он напоминает флягу (см. рис. 9, 10).

В Фоминцевском могильнике было найдено большое медное блюдо [Генинг, Голдина, 1969, с. 9], на Узловском поселении — глиняное с сюжетным рисунком [Стоянов, 1969б, табл. 36]. Об использовании берестяных сосудов — коробочек, туесков — можно судить лишь по косвенным данным: отпечаткам берестяного тлена в виде правильных кружков и овалов на дне могил, например в кургане 6 могильника Абатский-3.

Орудия труда представлены в основном железными черешковыми ножами. Они встречаются двух видов: маленькие, с коротким черешком, уступчиком при переходе от черешка к лезвию, длиной 9—12 см и большие идентичные по форме, длиной 17—26 см. Первые несомненно бытовые; последние сходны с так называемыми “засапожными” ножами в обско-угорских средневековых культурах, использовавшиеся как в быту, на охоте, так и в бою (см. рис. 30, 37, 45, 6).

В могильниках Абатский-1, 3 и Фоминцевских найдены железные тесла-мотыжки прямоугольной формы, овальные в сечении с несомкнутой втулкой (см. рис. 10, 5; 59, 26). Подобные экземпляры представляют собой поздний тип тесел и датируются I в. до н.э. — IV в.н.э. [Корякова, 1988, с. 72]. Видимо, это были универсальные орудия при обработке дерева, копки могил и т.д.

В мужских вещевых наборах встречены каменные оселки и точила, кресало, в женских — костяные проколки из грифельных костей животных, а также пряслица, вылепленные из глины или точенные из стенок сосудов, в том числе и привозных, гончарных. Пряслица и керамические кружки преобладают и среди находок на поселениях [Матвеев, Горелов, 1993, рис. 12].

Вооружение воина составляли лук и стрелы — для дистанционного боя, а меч, кинжал — для ближнего. От лука найдены костяные накладки киби́ти, указывающие на его сложносоставной характер. Они все близки по размерам и делятся на три типа: концевые, боковые, срединные и достигают длины 20—25 см. Судя по расстоянию между концевыми накладками в погребении 6 кургана 5 могильника Абатский-1, длина лука была 1,2—1,3 м. Очевидно, что при средней длине накладки в 25 см их использовалось семь, учитывая парные концевые [Савинов, 1981, с. 147]. Сложносоставной лук появился у саргатских племен, по мнению А.В. Могильникова, с III в. до н.э. [1972б, с. 81], а Л.Н. Коряковой — со II в. до н.э. [1988, с. 65]. На Алтае же он известен по II в. до н.э. — I в. н.э. [Савинов, 1981, с. 147].

В V—III вв. до н.э. использовались бронзовые и костяные наконечники стрел со скрытой или выступающей втулкой. Из Лихачевского могильника происходит редкий экземпляр крупного черешкового наконечника стрелы. На поселении Ефимово-1 найден наконечник трехгранный с внутренней трехгранной втулкой, долами вдоль граней, дуговым вырезом базы, харак-

терный для V—II вв. до н.э. [Матвеев, Горелов, 1993, рис. 12, 5]. Позднее существовали различные типы железных и костяных наконечников.

Железные наконечники представлены разновидностями одного типа — это черешковые, трехлопастные со срезанными под острым или прямым углом лопастями, сводчатой или треугольной головкой. Длина пера колеблется от 2 до 4,5 см. Датируются в рамках III в. до н.э. — IV в.н.э. [Сорокин, 1956, с. 11]. В могильнике Абатский-3 встречается редкая разновидность железного наконечника стрелы — с широкой лавролистной головкой и срезанными под тупым углом лопастями, относящаяся к поздним типам II—IV вв. н.э. [Брыкина, Горбунова, 1984, с. 35].

Костяные наконечники стрел более разнообразны по форме: это черешковые с листовидным, ромбическим, треугольным пером; трехгранные с черешком; втульчатые трехгранные. Со временем размеры наконечников из кости увеличиваются, растет варибельность форм. Все типы широко распространены в памятниках раннего железного века Западной Сибири.

Как правило, наконечники из разных материалов встречаются в одних колчаных наборах. Любопытно отметить, что в них содержится кратное 5 или 7 число экземпляров (10, 15, 20, 14, 35 и т.д.).

Колчаные крючки известны бронзовые, скрученные из проволоки и железные кованые. Они весьма характерны для сарматского периода. Повидимому, принадлежностью колчанов являлись ложечковидные застёжки. В частности, в могильнике Абатский-3 найден бронзовый экземпляр с изображением головы сайги на нем (см. рис. 58, 21). Украшали колчаны росписью, аппликациями, узорами из бронзовых или серебряных гвоздиков.

Оружие ближнего боя составляли железные мечи и кинжалы. Последние встречаются чаще, только в Абатских могильниках их насчитывается 15. Мечи известны двух типов: 1) без навершия и перекрестья длиной от 0,6 до 1,3 м; 2) без навершия с прямым перекрестьем, среди последних имеется биметаллический с бронзовым ромбическим в сечении перекрестьем (см. рис. 59, 1). Кинжалы также делятся на два типа: 1) без навершия и перекрестья длиной 0,3—0,35 м; 2) без перекрестья с кольцевым навершием длиной 0,2—0,3 м. В богатых захоронениях рукоятки и деревянные ножны кинжалов были обложены золотым листом (см. рис. 28, 45). Оружия такой формы употребляли на средне- и позднесарматской стадии. Воинское снаряжение саргатских племен Приишимья предполагало ношение меча слева, а кинжал справа на пояс.

Средством защиты, судя по находкам в могильнике Кокуйский-3 и на Узловском поселении, служил костяной наборный панцирь из прямоугольных и трапециевидных пластин с отверстиями по периметру, нашивавшихся на ткань или телячью кожу (см. рис. 64, 6—11). Панцирный доспех широко известен у саргатских племен V—IV вв. до н.э., является частой находкой в мужских погребениях.

Конская упряжь документируется находками уди́л, псалий, уздечных бляшек и обойм. Удила использовались железные двусоставные кольчатые, псалии — как роговые брусковидные с двумя прямоугольными отверстиями, так и железные прямые с двумя петлями и оригинальными (кольчатыми, крестообразными) окончаниями, а также железные в виде больших колец. Если первые широко употреблялись в V—II вв. до н.э. у сарматов, ананьинцев, большереченцев [Мошкова, 1963, табл. 21, 2; Збруева, 1952, табл. 12; Могильников, Куйбышев, 1982, с. 132], а у саргатцев на протяжении всего периода, то последние характерны для поздних памятников, что согласуется с распространением этого типа псалий на позднесарматской стадии [Пшеничнюк, 1983, с. 125].

Узкие блестящие найденные бронзовые литые с крестообразной головкой и прямоугольной петлей, характерные для сарматского времени, серебряные воронковидные с приклепанными прямоугольными петлями (см. рис. 20, 5, 6). Из могильника Абатский-1 происходят обоймы бронзовые и железные, овальной формы, обложенные золотым листом. Они использовались для украшения уздечных ремней. Известны в поздний период у сарматов.

Из всех видов саргатского инвентаря наиболее многочисленны женские украшения. Это в первую очередь разнообразные бусины, составляющие подвески и ожерелья, использовавшиеся для расшивки одежды и в качестве пуговиц. Самыми популярными были бусины из однотонного зеленого, синего, голубого стекла; многоцветные глазчатые, полосчатые; золоченые; из сердолика, гагата, бронзы. По формам они также различны: округлые, бочковидные, многогранные, цилиндрические, дольчатые, с валиками, бугорками, многогранные, треугольные, прямоугольные, каплевидные, стрелковидные подвески.

Носили амулеты, сделанные из клыков животных, раковин каури. В женских погребениях обычно встречаются серьги. В Лихачевском могильнике они имеют вид колечка из бронзовой проволоки со стержнем и петлей на конце, а также восьмерковидные; в Абатском-3 — биметаллические, состоящие из железного кольца с бронзовой привеской в виде стержня с двумя спиральными завитками (см. рис. 36, 9); серебряные стержневидные с сердцевидным щитком для инкрустации и привеской в виде грозди из шариков (см. рис. 57, 3); золотые с круглым щитком и привеской в виде кольца с пирамидками зерни (см. рис. 36, 5). Бронзовые серьги из саргатских погребений относятся к типам, широко распространенным в раннем железном веке [Заднепровский, 1992, рис. 29, 51], а со спиральными завитками даже имеют аналогии в андроновской культуре [Кузьмина, 1986, рис. 27].

Серьги из драгоценных металлов представляют собой типы, известные в Сибирской коллекции Петра I [Руденко, 1962, табл. XX, 15, 16, 19]. Встречаются они и в других могильниках саргатской знати — Тютринском, Сидоровском.

Браслеты найдены бронзовые проволочные, как несомкнутые, так и с заходящими концами (Лихачевский, Фоминцево), спиральные в несколько оборотов с зооморфными завершениями (Абатский-3), но в погребениях они редки. Чаще встречаются кольца: бронзовые, серебряные, железные, стеклянные, как гладкие, так и с врезными узорами. Серебряное кольцо из погребения 4 кургана 1 могильника Абатский-3 оказалось перевязанным толстой шерстяной ниткой черного цвета. Видимо, оно было велико владелице, и нитку привязали, чтоб не спало.

Предметы туалета в находках представлены в основном бронзовыми зеркалами нескольких типов: плоскими (Фоминцево, Абатский-3), с выпуклой в центре (Лихачево), с валиком (Фоминцево), с валиком по краю, ручкой-штырем и выпуклой (Абатские-1, 3), а также сурьматашем (см. рис. 40, 18) и бронзовой головной булавкой. Эти предметы туалета были широко распространены в сарматской среде и Средней Азии. Находка палочки для сурьмления бровей говорит об использовании косметических принадлежностей и грима, а булавки — сложных причесок при ритуальных действиях. Аналогии находим в большереченской культуре, на Алтае, где известны сложные прически с булавками, в саргатских погребениях Притоболья, где обнаружены косметические наборы в сумочках, состоявшие из зеркала, румян, сурьматаша, железного острия, какого-то желтого порошка [Матвеев, Матвеева, 1991а].

Украшения костюма у саргатов служили разнообразные металлические пряжки: кольцевидные, прямоугольные, лировидные, ажурные с

фигурными рамками, а также костяные пластинчатые. Большинство пряжек являлись поясными, часть их, видимо, использовалась на обуви. Среди них есть как безязычковые, так и с подвижным язычком, с выступающим шпеньком (см. рис. 29, 30, 42; 45, 7; 47, 19, 20, 22). Сложные фигурные парные пряжки с растительными завитками в декоре найдены в погребении 5 кургана 1 могильника Абатский-3 (см. рис. 29, 3, 4).

Большой интерес представляет крупная пластинчатая пряжка из рога, украшенная по лицевой стороне рельефным бортиком с зигзаговым узором, а в центре — серебряными гвоздиками, вбитыми крест-накрест, из погребения 10 кургана 6 того же некрополя. С тыльной стороны на нее нанесены гравированные изображения хищника семейства кошачьих, бегущего зайца и головы оленя (см. рис. 58, 8). Сцена с животными выполнена в зверином стиле, характерном для ранних алтайских и сибирских древностей. Можно предполагать, что эта вещь как раритет долго хранилась, пока не оказалась в погребальном инвентаре.

Пояса, кроме пряжек, украшались бронзовыми и железными обоймочками, иногда даже обложенными листовым золотом, концевыми накладками, бронзовыми гвоздиками. Остатки шитого золоченым бисером пояса или перевязи на кожаной основе были обнаружены в погребении 8 кургана 1 могильника Абатский-3. Но к сожалению, узор реконструировать не удалось.

Принадлежностью костюма были бронзовые и железные полушарные пуговицы, металлические бляшки-заклепки, мелкие фигурные бляшки для расшивки одежды полушарной, ступенчатой-пирамидальной формы, в виде соларных знаков, растительных завитков, тисненые из золотого, серебряного или медного листа (см. рис. 11, 1—45; 28, 1—24, 26—43; 31, 3—14; 39, 2).

Женские платья шили из полотна, остатки которого найдены прикипевшими к железным изделиям, а парадные одежды — из привозных шелковых и парчовых тканей. Хотя остатки последних не сохранились, но часты находки золотых нитей, которыми они расшивались, а также обнаружен фрагмент вышивки растительным узором из золотых нитей близ бедер покойницы в погребении 17 кургана 2 могильника Абатский-3 (см. рис. 41, Б, 1). Это позволяет предполагать, что вышивка была по всему подолу платья. Некоторой аналогией может служить наряд богатой сарматки из Соколовой могилы, расшитый бляшками и золотыми нитями по рукавам, подолу, середине груди и вороту [Ковпаненко, 1986].

Погребальный обряд

Погребальный обряд могильников Приишимья остается пока менее исследованным, нежели обрядность других районов распространения саргатской культуры. Изучались немногим более десятка некрополей, но только два из них — Абатский-1 и Абатский-3 — изучены почти полностью.

Курганы расположены группами или цепочками на высоких берегах рек и озер. Высота их различна, для исследованных насыпей она охватывает интервал от 0,3 до 4 м, диаметр подкурганной площадки — от 8 до 40 м. Ранние курганы, как правило, небольшие и одномогильные, могли служить основой для более поздних захоронений, сопровождавшихся досыпками, как это прослежено на оз. Фоминцево [Генинг, Голдина, 1969, с. 95]. В ряде случаев саргатские курганы возводились над могилами эпохи бронзы, например курганы 1 и 5 Абатского-1, курганы 1 и 6 Абатского-3. Со временем число захоронений в кургане увеличивалось до 10—12, располагаются они кучно либо в ряд, а затем складывается традиция круговой ориентировки всех могил вокруг центральной.

Когда голова погребенного совершалась по кругу — то размещении их на подкурганной площадке, видимо, было связано с отношением к основной оси юг — север. В большинстве случаев площадка делилась условно на западную и восточную половину, причем в западной части покойников располагали головами по ходу солнца, а в восточной — против (см. рис. 4; 12; 33). Но в курганах 4—6 могильника Абатский-3 в этом отношении есть локальное своеобразие: погребения ориентированы против часовой стрелки. Понять последовательность ввода захоронений в курган позволяет анализ планиграфии тех сооружений, где пространство подкурганной площадки заполнено не полностью. Например, в кургане 4 Абатского-1 всего 6 могил, есть свободное место с южной и юго-восточной стороны, в кургане 3 — место для одной могилы к югу от центра. Аналогичная ситуация прослеживается и во всех курганах могильника Абатский-3. Эти наблюдения позволяют предположить, что размещать могилы на площадке начинали с западной стороны по движению солнца, и круг заканчивался в южной части. Исключение составляет курган 6 могильника Абатский-3, но и оно подтверждает правило. Там центральная ось проходит по линии запад — восток соответственно ориентировке основного покойника, а незаполненным осталось пространство в ногах его, т.е. с восточной стороны (см. рис. 53).

Могилы, как правило, вводили в погребальное сооружение до возведения над ним насыпи, о чем свидетельствуют выкиды, лежащие на древней поверхности. Сначала могилы покрывала какая-то временная конструкция, часть ее могла разбираться, и на это место вводилось следующее захоронение.

Остатки этих надмогильных конструкций зафиксированы в виде бревенчатых платформ в кургане 1 могильника Кенес и ряде других североказахстанских курганов [Хабдулина, 1987, с. 8], а также кургане 4 могильника Абатский-1. В последнем обнаружены остатки истлевшего настила из радиально уложенных толстых березовых бревен, перекрывавшего выбросы из центральной и периферийных могил. Поверх настила, видимо, делали какие-то надмогильные обозначения, что позволяло проводить поминки и оставлять дары непосредственно у конкретной могилы, как это отмечено в курганах 4, 5 того же некрополя. И хотя деревянные конструкции обнаружены лишь в самых больших насыпях, по-видимому, они были во всех многомогильных погребальных сооружениях, но только меньшего масштаба — из тонких бревен, жердей. А поскольку они дополнялись меньшими по высоте насыпями, то быстрее истлели. В пользу этого предположения свидетельствуют остатки обожженных жердевых настилов в Тютринском могильнике [Матвеев, Матвеева, 1991 а], кургане у с. Татарка [Корякова, 1988, с. 47] и других.

Подкурганная площадка окружалась круглым или многоугольным рвом. Он выкапывался сразу, по совершении первого захоронения, о чем свидетельствуют выкиды на древнюю поверхность и соотносительность вводимых могил с его границами. Ров мог быть с проходами или замкнутый. В случае новых подхоронений в курган, отделенных значительным хронологическим интервалом, выкапывали другое ограждение. Видимо, поэтому в курганах 3—5 могильника Абатский-3 оказалось по нескольку концентрических рвов. В заполнении рвов скоплениями обнаружены кости животных, керамика, а рядом отмечаются следы кострищ. Все это — остатки поминальных обрядов.

В VI—V вв. до н.э. практиковались захоронения на древней поверхности (Явленка-1, Фоминцево), затем — преимущественно в широких ямах с отвесными стенками, а с III—II вв. до н.э. — в разнообразных по форме и деталям устройства могилах: с заплечиками, канавками, ямками и т.д. Преобладают индивидуальные трупоположения в ямах в позе вытянуто на спине, головой на север, северо-запад, северо-восток. В Приишимье известны

иные, коллективные, в том числе ярусные захоронения, что составляет определенную специфику погребальной обрядности, так как это не характерно для Притоболья, но часто встречается в Прииртышье и Барабе [Полосьмак, 1987, с. 96; Погодин, 1988, с. 31].

Не потревоженные грабителями могилы были перекрыты двухъярусным продольно-поперечным накатом из бревен. Он опирался на края ямы и по истлевании падал в могилу. Перекрытие фиксируется лежащим не на костях скелета, а поверх тонкого слоя постепенно просыпавшейся туда земли. Это означает, что могила в ходе погребального ритуала не засыпалась, в ней оставалось воздушное пространство.

Простые могилы с отвесными стенками и ровным дном составляют около трети. Большинство же ям — узкие и неглубокие, но отличаются сложным устройством. В них имеются либо заплечики вдоль длинных сторон или даже со всех четырех, либо ступеньки для спуска. Кроме того, могут быть канавки и ямки на дне. Широкие и глубокие могильные ямы, как правило, расположены в центре курганов, глубина их обычно достигает 1,5—2 м, а в кургане 1 могильника Абатский-3 погребения 8 и 9 совершены на глубине 3,3 и 3,7 м от уровня материка (рис. 26, 31, 32).

Особый интерес представляют могилы со следами каких-либо конструкций. В Абатских могильниках их оказалось достаточно много (почти половина), что требует отдельного рассмотрения.

Например, могилы с двумя канавками. Последние находятся на дне близ торцовых стенок, в головах и ногах покойного. Ширина их колеблется от 0,3 до 0,45 м, глубина — от 0,1 до 0,3 м. Кроме Абатских такие канавки часто встречались в погребениях Савиновского и Тютринского могильников на Тоболе. Курганы, их содержавшие, до раскопки отличались большими размерами. В рядовых комплексах того времени данная деталь устройства погребальной камеры не встречается. В потревоженных погребениях череп скелета обычно бывает найден завалившимся в головную канавку, а кости стопы — в ножную. Эти факты говорят о том, что канавки первоначально были перекрыты каким-то органическим материалом, препятствовавшим западению этих частей тела и сохранявшим их в горизонтальном положении.

В том случае, если бы канавка была одна, ее можно было бы рассматривать как предназначенную для установки головной скамейки или подушки, например в погребении 4 кургана 3 могильника Абатский-1 (см. рис. 8). Традиции использования деревянных подушек и подголовников известны у скифов [Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 160], в пазырыкской культуре [Кубарев, 1991, с. 28], у сарматов [Синицын, 1959, с. 199]. Но здесь над канавкой оказались кости ног покойника. Поэтому, если такая деталь обряда и была заимствована саргатами, подголовники скоро стали использоваться не по назначению, а затем вышли из употребления.

В подавляющем большинстве случаев канавок на дне могилы было две, и они симметрично расположены, что говорит об установке в них ножек или двух горизонтальных опор погребального ложа. В одной из таких могил был найден тлен от досок по полу. Аналогично этому видим в некрополе Ольвии [Парович-Пешикан, 1974]. Очевидно, использование деревянного погребального ложа было редкой вариацией обряда при захоронении знатных лиц. В случае особой пышности и роскоши, соответствующей наиболее высокому общественному положению покойника, это ложе (гроб, саркофаг?) обивалось листовым золотом.

Территориально более близкие аналогии есть в погребальных сооружениях Северного и Южного Тагиска и Уйгарака, где часто встречаются канавки, выкопанные по периметру всех или только двух стен могильных

ям, но там их связывают с креплением нижней деревянной плахи в обшивке земляной стены могильной камеры [Итина, 1992, с. 39].

В дошедших до нас материалах XVIII в. о "бугровании" в Западной Сибири и Казахстане содержатся любопытные сведения о находках в могилах больших золотых пластин. Вот сообщение Ф.И. Страленберга: "Находили даже в таких могилах целые золотые шахматы и большие золотые пластины... на которых лежали трупы" (цит. по: [Радлов, 1891, с. 32]). То же утверждает и В.Н. Татищев, говоря о находках больших листов из чистого золота, на которых лежали покойники (см. [Астраханский, 1983, с. 253]). Аналогичный факт упоминает Г.В. де Геннин, сообщая, что в одной из могил "...лежало мертвое тело на золотой выбитой тонкой доске, а по верху его платья наложено было золотыми тонкими листами, выбитыми толстотою против бумаги, всего золота с пуд". Г.Ф. Миллер, путешествовавший по Сибири, тоже писал об "...остатках тел по сожжению, или самых целых телах, в тонкие золотые листы обернутых и так земле преданных" [Миллер, 1937, с. 521]. И хотя эти сообщения немногочисленны, но исходят от ученых, побывавших в регионе и знакомых с "бугрованием", что не позволяет считать их мифом "сибирской золотой лихорадки". Об этом же свидетельствует и устойчивое повторение деталей: крупные размеры, малая толщина пластин, расположение под останками погребенных и над ними.

На фоне господствующей в саргатской погребальной обрядности традиции обертывания умершего в бересту или зашивания в берестяной короб, помещение в могилу тела в гробу или саркофаге выглядит заимствованием из обряда какого-то цивилизованного оседло-земледельческого населения. Но при высоком уровне развития племен саргатской культуры, тесных связях со Средней Азией, ныне подтверждаемых фактом существования регулярной караванной торговли [Матвеева, 1987а], это не должно вызывать удивления.

Другой вид погребальных сооружений — могилы с ямками — обычно представляют собой прямоугольные камеры с ровным дном и четным количеством (4—14) ямок от столбов, расположенных вдоль стенок симметрично друг другу. Могут иметься также ступеньки, заплечики, ниши. Этот тип погребальных камер хорошо представлен в Абатских могилах, а также в Савиновском, Тютринском, Красногорском-1. Диаметр ямок колеблется от 10 до 35 см, глубина — от 5 до 70 см. Как правило, все они вертикальны. В ряде случаев в их заполнении обнаружена истлевшая древесина. А в погребении 1 кургана 6 могильника Абатский-3 вдоль стенок между такими ямками прослежены канавки шириной 10—20 и глубиной 3—5 см. Подобные следы обычны для остатков деревянных конструкций в жилищах саргатской культуры.

Кроме вертикальных столбов, по сторонам погребальной камеры в глубоких могилах неоднократно приходилось обнаруживать и следы деревянной облицовки стен, а также пола. В частности, в кургане Долгий Бугор стенки центрального погребения были укреплены мощным заплотом в два слоя, состоявшим из двух рядов вертикальных столбов, вкопанных впритык друг к другу, пространство между которыми в одно бревно, так же как и пространство между вторым рядом и стенкой камеры, было заложено горизонтальными рядами бревен снизу доверху. В курганах 17 Красногорского и 7 Тютринского могильников на стенках могил были отмечены отпечатки досок от облицовки стен. Из приведенных примеров следует, что в камерах сооружались бревенчатые постройки каркасно-столбовой конструкции, в которых стены выполняли в технике заплота, закрепляя бревна в пазах вертикальных столбов либо закладывая пространство между столбами и земляными стенками ямы.

Оба этих приема широко использовались в домостроительной технике саргатов и указывают на сооружение "домов мертвых" для определенной категории покойников. Причем такие постройки, судя по столбам, ставили не только в обширных и глубоких, но и в узких и мелких могилах. Последние, возможно, делали в зимнее время года. Эту догадку подтверждает сохранившийся мех лисицы от одежды умершей в кургане 6 могильника Абатский-3. В том случае, когда могила была углублена в материк на 0,2—0,5 м, опущенный в нее домик, видимо, возвышался над землей.

Данный вариант погребальной внутримогильной конструкции тесно связан с архитектурными традициями саргатской культуры и восходит к домостроительству лесостепных и степных племен эпохи бронзы. Самые близкие параллели этому имеются в сооружениях некрополей ранних саков Приаралья [Итина, 1992, с. 38, 39]. Этнографические аналогии позднее находим во внутримогильных и надмогильных сооружениях хантов и селькупов [Обряды..., с. 130, 154].

Ишимские могильники содержат преимущественно погребения взрослых людей, детские в них единичны, что говорит о существовании отдельных кладбищ или, скорее, других способах захоронения. Возможно, что детей захоранивали неглубоко, в полах курганов, как это прослежено в могильнике Кокуйский-3, но из-за распахки скелеты их не сохранились.

Размещение сопроводительного инвентаря подчинялось строгим канонам: горшки с пищей и питьем ставили в головах и ногах умершего. Большой сосуд, как это наблюдалось в погребениях могильника Абатский-1, размещали справа от головы покойника. Рядом клали кусок грудинки и лучшую часть задней ноги лошади, коровы или барана. Здесь же помещали уздечку лошади. Неподалеку от мяса или у руки погребенного клали железный нож для разделки. В мужских погребениях вдоль левой ноги лежал меч, на правом боку — кинжал. Колчан со стрелами располагался у левой голени или между ногами у стоп. По-видимому, в могилу помещали и сложносоставной лук, о чем свидетельствуют накладки, лежащие на значительном удалении друг от друга.

Как правило, женские и мужские погребения отличаются разными наборами инвентаря [Генинг, Голдина, 1969; Генинг, Корякова, 1984; Мошкова, Генинг, 1972]. Но в I тыс.н.э. число женщин, захороненных с предметами вооружения, возрастает. В их снаряжение входили обычно кинжал и наконечники стрел, иногда в колчане, например в курганах 5, 6 могильника Абатский-3. Интересно погребение воительницы (и шаманки?) из последнего некрополя; с ней были положены сломанный меч, кинжал, железное тесло, колчан со стрелами, зеркало в кожаном мешочке с отпечатками рыжего меха (лисей шубы?) и большая украшенная в зверином стиле поясная бляха [Матвеева, Опенько, 1991].

Состав инвентарных наборов в погребениях близок к сарматскому и особенно ранним комплексам джетыасарской культуры Восточного Приаралья [Левина, 1992, с. 65], а также к усуньским Семиречья и Тянь-Шаня [Заднепровский, 1992, с. 86].

Погребальные памятники саргатской культуры включали не только курганы, но и культовые сооружения. Один из таких объектов был исследован на Тоболе в составе Савиновского могильника [Матвеев, Матвеева, 1991 в, с. 34—39] и представлял собой крупное дерево-земляное сооружение с глубокой центральной шахтой, предназначенной для установки в нее высокого столба или дерева, выполнявшего, видимо, функции жертвенного столпа и символизировавшего мировую ось.

Другой тип культовых сооружений в виде круглых или прямоугольных земляных оград, содержавших поминальные и умиловительные дары, известен в некрополях кочевников Южного Приаралья и Хорезма [Рапопорт,

Трудновская, 1979; Мошкова, 1984]. Такие объекты в саргатских могильниках не раскапывались, но о существовании их известно из описаний внешнего вида некрополей, составленных авторами XVIII—XIX вв.

Например, П.С. Паллас, характеризуя памятники близ д. Тушнолобово, ныне обозначенные как могильник Абатский-1, описывал "...примечания достойный насыпной вал более сорока сажень на ровном месте в длину имеющий, без рвов, который на каждом конце оканчивается большим могильным курганом" [Паллас, 1786, с. 92].

Кроме того, он нашел у д. Боровлянки под пашнями следы двух таких сооружений: первое с четырехугольным плоским валом, а второе в виде четырехугольной насыпи в 25 шагов длины, они были окружены курганами. Но ко времени осмотра И.Я. Словцовым от всех этих сооружений не осталось никаких следов [Талицкая, 1953, с. 332].

Несколько сходных описаний дает И.Я. Словцов. В бывшем Ишимском округе на пашне между деревнями Быструха и Тельцова был замечен вал длиной 64 м, шириной 3,2 м и высотой 1,2 м [Талицкая, 1953, с. 329]. Близ Заводоуковска на огороженной валом площади не более 1 км в окружности были разбросаны небольшие курганчики, из которых ясно насчитывалось 38 насыпей [Талицкая, 1953, с. 283]. По сведениям П.Ф. Первушина в изложении А.А. Спицына следовало, что на Исети "...у с. Черемисского был какой-то вал, а за ним небольшие намогильные возвышения и несколько курганов" (цит. по: [Талицкая, 1953, с. 312]).

При археологических разведках последних десятилетий во всех этих пунктах найдены распаханые курганные могильники раннего железного века, но ограды в них не сохранились. Судя по принадлежности могильника Абатский-1 к саргатской культуре и сходному внешнему облику других вышеуказанных некрополей, вполне допустимо предполагать, что и разрушенные ограды в них являлись саргатскими.

Хронология памятников

Начало развития саргатской культуры на Ишме, по нынешним данным, может относиться к VI—V вв. до н.э. Этим временем датируются самые ранние погребения 6 и 7 кургана II в Фоминцево [Генинг, Голдина, 1969, с. 96] и Явленке [Хабдулина, 1987, с. 6]. Датировка первого памятника проведена по трехлопастному бронзовому черешковому наконечнику стрелы, во втором — по архаичному способу захоронения в скорченной позе на древней поверхности.

Мало изучен в Приишимье период IV — начала II в. до н.э., к которому относится лишь несколько могил из Фоминцево [Генинг, Голдина, 1969, с. 101] и Лихачевского [Генинг, Корякова, 1984, с. 183], кургана 3 Кокуйского-3 могильников. Датировка их проведена по взаимовстречаемости предметов инвентаря разных типов: трехлопастных железных черешковых наконечников стрел, пластинчатой костяной пряжки с выступом, костяных втульчатых трехгранных и четырехгранных наконечников стрел, панцирных пластинок; причем большинство комплексов тяготеет к III — началу II вв. до н.э.

Самым ранним памятником пока признано городище Ак-Тау, датированное автором раскопок в рамках V—III вв. до н.э. по аналогиям керамическому комплексу [Хабдулина, 1989, с. 197], и Ефимово-1, дата которого определяется как IV—III вв. до н.э. по бронзовому трехгранному втульчатому наконечнику стрелы [Матвеев, Горелов, 1993]. По мнению В.Е. Стоянова и Л.Н. Коряковой, материалы из раскопа II Узловского поселения можно датировать IV—II вв. до н.э. на основании совместных

панцирных пластинок, панцирных пластин, курчавых сосудов горховского типа [Стоянов, 1969б; Корякова, 1988, с. 88].

Значительно лучше в материалах лесостепного Приишимья представлен хронологический отрезок II в. до н.э. — I в.н.э. К этому периоду относятся курганы 1, 2, раскопанный М.Г. Мошковой, и курган 4, раскопанный нами на могильнике Абатский-1; погребения 3—5 кургана II Фоминцево и большая часть захоронений в курганах II—III Лихачевского могильника. Дату их можно определить по большой серии предметов быта, вооружения и украшений, как то: железные двулезвийные мечи с прямым брусковидным перекрестьем и без металлического перекрестья; костяные накладки сложно-составного лука; совместные находки железных трехлопастных черешковых и бронзовых трехгранных со скрытой втулкой наконечников стрел; бронзовые лировидные пряжки; железные клиновидные кельты; бронзовые зеркала с бортиком, выпуклой в центре и ручкой-штырем; сине-зеленые и синие округлые бусы; округло-цилиндрический бисер; бугорчатые, глазчатые, дольчатые, золоченые бусы; треугольные подвески из стекла разного цвета, пирамидальные подвески из желтого и синего стекла с волнистым и полосатым орнаментом; бронзовые пуговицы, головные булавки и прочее.

К концу I тыс. до н.э. — первым векам нашей эры отнесены исследователями и некоторые поселения на правобережье р. Ишма, такие, как Чупино, Лихачевское [Генинг, Корякова, 1985, с. 57—59] а также раскоп I Узловского [Стоянов, 1969б, с. 88]. К сожалению, на вышеперечисленных объектах датирующих предметов не найдено, радиоуглеродные анализы не проводились, а соображения об абсолютной датировке основаны только на визуальных наблюдениях за типологическими особенностями керамических комплексов.

Заключительный этап развития саргатской культуры на Ишме характеризуют курганы 3, 5 могильника Абатский-1 и могильник Абатский-3. Поздние насыпи первого некрополя датируются II—III вв. н.э. по железному мечу и кинжалу без напершия и перекрестья; бронзовым и железным полушарным пуговицам, гвоздевидным заклепкам, распространенным в первые века нашей эры; мелким синим цилиндрическим бусам, популярным во II—III вв. н.э.; телу железному с несомкнутой втулкой; прямым крестовидным и большим кольцевидным псалям II—IV вв.н.э.; пряжкам бронзовым кольцевидным со шпеньком II в. до н.э. — I в.н.э.; железной язычковой лировидной пряжке; золоченым бусам с валиком по краям I—III вв. н.э.

Могильник Абатский-3 отличается обильным инвентарем, также характерным для первых веков нашей эры, но целый ряд его вещей бытует и в III—IV вв.н.э. Это те же мечи, кинжалы; бочковидные с валиками и многочастные золоченые бусы; плоские бронзовые наконечники ремней; кольчатые псаля; крупные железные пряжки с удлиненно-трапециевидной рамкой, округлым приемником и лопаточковидным язычком; железные трехлопастные наконечники стрел с широкой лавролистной головкой и срезанными под тупым углом лопастями; стрелковидные полосчатые янтарно-бело-синие подвески. Тем самым время функционирования могильника определяется в рамках II—IV вв.н.э., ближе к верхнему рубежу. Все это дает основания считать, что саргатская культура в долине Ишма исчезла не ранее IV в.н.э.

Таким образом, археологические памятники Приишимья дают материалы всего периода эволюции саргатской культуры с IV—V вв. до н.э. до IV в.н.э. Но представительность источников обратно пропорциональна их возрасту: чем древнее, тем меньше, чем моложе, тем больше. Поэтому на сегодняшний день мы не можем предложить обоснованной региональной периодизации саргатской культуры, не рискуя исказить характеристику раннего этапа. Затруднено и определение территории и хронологических рамок становления этого феномена.

Проблемы социально-экономического устройства и этнокультурного развития саргатского населения

Экономика приишимского населения раннего железного века основывалась на развитии скотоводстве. Для его характеристики мы располагаем несколькими палеозоологическими коллекциями. Определены материалы Узловского поселения и городища Ак-Тау [Корякова, Сергеев, 1989, с. 171], а также нескольких могильников.

Судя по материалам Узловского поселения, в составе стада на северных лесостепях преобладали крупный рогатый скот — 49,3 % и лошади — 42,4 %. Доля овец и коз невелика — 7,9 %. Верблюды были известны здесь и составляли около 0,45 % общего количества домашних животных (данные по костям, см. [Смирнов, 1975, с. 38]).

К сожалению, в публикациях остеологического материала Ак-Тау есть лишь данные по особям, тогда как результаты количественных подсчетов по костям более полно отражают структуру питания. Но даже в таком виде сравнивая показатели количества животных из южной и северной части лесостепи (в Ак-Тау лошади составляли 45,1 %, коровы — 27,3 %, мелкий рогатый скот — 18,2 %, верблюды — 9,1 %), видим существенные различия, отражающие, должно быть, специфику скотоводства саргатцев в разных природно-климатических условиях. На юге лесостепи в стаде, безусловно, преобладали лошади, за ними по значению следовали овцы и козы, а затем — крупный рогатый скот.

Аналогичные наблюдения были сделаны нами и в притобольском районе расселения носителей саргатской культуры, где крупный рогатый скот в стаде составлял 40—45 % всего поголовья. Его мясо чаще использовалось в обрядах, встречено даже погребение двух телят в Рафайловском кургане [Матвеева, 1987 в, с. 56].

Все сказанное позволяет предположить переходный характер скотоводства от придомного к пастушескому на севере ишимской лесостепи и пастушескому и полукочевому на юге. Судя по возрасту забитых для приготовления жертвенной пищи животных (а в основном это были молодые особи), коневодство и животноводство носило мясомолочный характер. На приготовление молочных продуктов указывают находки на поселениях сосудов с отверстиями на дне, видимо, для сцеживания сыворотки с творога и сыра.

Должно быть, саргатское население разводило коней не только как хорошо приспособленных к тебеневке мясных животных. По-видимому, имелись разные породы рабочих и верховых лошадей, что подтверждается уже материалами могильников Притоболья [Матвеева, 1987 в, с. 50]. В обстановке постоянной военной опасности, связанной с политической нестабильностью на юге Сибири и в казахстанских степях, разведение верховых лошадей для военных целей было прибыльным занятием, способствовало этому и активная межплеменная торговля. На Ишиме остеологические коллекции пока недостаточны для анализа породных особенностей скота, но такие детали, как присутствие в стаде, по определению П.А. Косинцева, "полутонконогих", "среднетонконогих" лошадей, уже дают основание предполагать существование породного разнообразия и селекции.

Для выпаса и охраны стада использовали собак.

Охота в хозяйстве имела вспомогательное значение. В ней присутствовали как пушное (волк, лисица, барсук, бобр, выдра), так и мясное (лось, косуля, кабан) направления. Велась добыча водоплавающей и боровой дичи [Смирнов, 1975, с. 38]. Примером кратковременной стоянки для охоты на дичь и рыбной ловли может служить поселение Мерген-6 на одноименном

озере, где на краю береговой террасы найдены развалы сосудов, костяные наконечники стрел, но следы жилищ и сооружений на этом участке и поблизости отсутствовали.

Домашними промыслами являлись обработка кожи, кости, дерева, ткачество и гончарство. Металлургия и металлообработка, особенно черная, достигли высоких результатов и, по-видимому, могут рассматриваться как ремесленное производство [Зиняков, 1991, с. 60].

Социальные отношения в среде носителей саргатской культуры можно частично реконструировать по материалам погребального обряда. Судя по значительному размаху вариаций в величине надмогильных сооружений, устройстве погребальных камер, количестве и качестве инвентаря, в коллективах приишимских саргатцев имело место имущественное расслоение.

Так, присутствие оружия почти во всех погребениях могильника Абатский-1, даже в женских, придает ему облик некрополя военной дружины. Могильник Абатский-3, в погребениях которого, несмотря на разграбление, найдены десятки разнообразных бляшек из драгоценных металлов, серебряные и золотые серьги и кольца, большие наборы бусин, остатки парадного оружия и одежды, украшения уздечки из серебра, свидетельствует о высоком ранге и богатстве захороненных в нем людей.

Могильники Фоминцевский, Лихачевский, Ирский, Кокуйский-3, характеризующиеся средними и малыми размерами насыпей и могил, скромными наборами инвентаря, по-видимому, принадлежали рядовому населению.

В пределах одного и того же погребального сооружения в различиях в месте расположения могилы, размерах ее, сложности устройства, богатстве костюма и утвари также отражались половозрастная принадлежность и социальный статус каждого конкретного лица. Л.И. Погодин полагает, что центральная могила не обязательно была первой в кургане, это место отводилось для лиц, последовательно занимавших особое положение в коллективе, как правило мужчин в возрасте до 40 лет [1988, с. 32]. По ишимским материалам получается, что в центре курганов захоранивали мужчин от 18—20 до 60 лет, причем в двух случаях на этом месте оказались старые женщины. Последнее не противоречит традициям патриархального общества, где в случае смерти вождя власть может переходить к его жене или матери, если нет преемников мужского пола. Таким образом, как тенденция действительно проявляется принадлежность центральных могил в курганах мужчинам молодого и зрелого возраста, вероятно, главам семейно-родственных групп.

Курганные некрополи знати концентрируются на самых высоких участках коренных террас и увалах, обычно на открытых пространствах с видом на обширную долину, как бы выражая идею господства над местностью. Например, такая топографическая приуроченность могильника Абатский-3 подчеркивается находящимися вблизи кладбищами рядового населения. Они представляют собой два маленьких распаханных кургана на оз. Моховом напротив кратковременного саргатского поселения и могильник Кокуйский-3, расположенный в 3 км, но внизу, на первой надпойменной террасе у старичного озера. Как видим, идея иерархичности общественного устройства выражается не только в структуре погребального обряда, но и в расположении некрополей на местности.

Дальнейшее изучение Абатского микрорайона памятников саргатской культуры позволит сделать более аргументированные заключения. Пока же можно предположить, что пространственное размещение некрополей отражает порядок пользования земельными угодьями, традиционно закрепленными за отдельными семейно-родственными группами.

Коллективные захоронения, а также погребения без ямы на древнем горизонте, как нам кажется, не являются отражением неполноправного положения погребенных таким образом лиц, а скорее всего связаны с особыми обстоятельствами их смерти, так как необходимый по обряду стандартный инвентарь все же присутствует: горшок, нож и т.д. Объяснением может служить кончина этих людей либо от заразной болезни, либо в самое холодное зимнее время, когда выкопать могилу в промерзшей земле было трудно, и поэтому разгребали участок сравнительно рыхлой земли в поле кургана или подхоранивали под деревянную усыпальницу, ограничиваясь этим.

Из-за высокой степени разграбления приишимских курганов мы вынуждены довольствоваться только констатацией факта существенного имущественного и социального расслоения в саргатской среде без группировки погребений по признакам, отражающим социальный статус умершего. Поскольку в ряде курганов вообще не сохранилось ни одного непогребенного захоронения, а в большинстве обнаружено их по одному-два, то эталонных образцов для социального анализа недостаточно. Для всей выборки возможна лишь группировка могил по объему погребальной камеры, но интерпретация выделенных групп затруднена из-за неполноты данных по количеству и качеству инвентаря, полу и возрасту умерших, аналогично ситуации, сложившейся при обработке данных по саргатским захоронениям Притоболья [Матвеева, 1989 в, с. 91].

Основные характеристики экономики, домостроительства, погребальной обрядности и орнаментики в Приишимье сходны с общесаргатскими, хотя здесь имеются и некоторые локальные отличия.

Определенное своеобразие ишимским погребениям придают значительная доля коллективных могил, захоронений на древней поверхности и ярусных, случаи расположения их под курганом цепочкой. Перечисленные особенности сближают долину Ишима с Прииртышьем и Барабой, имеется в виду сходный генезис культуры на этих территориях. Впрочем, ряд черт, присущих некрополям Прииртышья, на Ишме не отмечен либо не является характерным. Если, по наблюдениям Л.И. Погодина, на Иртыше парные погребения взрослых мужчин представлены не менее чем в половине всех центральных могил [1988, с. 31], то в Приишимье это не зафиксировано. Скорее, парных могил больше среди боковых захоронений, причем обычно это погребения взрослого и ребенка. В отличие от прииртышских центральных и боковых захоронения на Ишме довольно близко друг другу по внутримогильным и надмогильным конструкциям.

Ишимские саргатцы поддерживали контакты со своими северными соседями — носителями кашинской культуры, что проявляется во взаимовстречаемости кашинской крупногребенчатой и саргатской накольчато-ребристой керамики в ряде таких памятников, как могильники Абатский-1 [Мошкова, Генинг, 1972, рис. 3,3 б], Абатский-3 (захоронения во рву и погребение 17), городище Ст. Погост [Могильников, 1988, с. 248], а также в высокой доле гребенчатых узоров на керамике Чупинского поселения [Генинг, Корякова, 1985, табл. 1, рис. 2, 5, 7, 10].

В III—II вв. до н.э. население саргатской культуры в подтаежной зоне вошло в соприкосновение с кулайцами, что отразилось в смене саргатско-кашинского комплекса на Ст. Погосте раннесаровским с возведением на прежде не укрепленном поселении двух оборонительных линий [Могильников, 1988, с. 248]. Аналогичные события происходили и в подтаежном Прииртышье и Притоболье [Могильников, 1986, с. 27—28].

Многочисленные отмечавшиеся исследователями саргатских древностей параллели в погребальном обряде и инвентарных наборах с сакскими

памятниками Казахстана и Средней Азии касаются и материалов Приишимья. Дискуссия, возникшая по этому поводу, породила ряд гипотез. Наиболее популярны из них три: 1) связывающая сходство с принадлежностью к скифо-сибирскому миру в силу близости хозяйственно-культурных типов и длительного соседства, формирующего общие черты [Корякова, 1977, 1988; Матюшенко, 1991]; 2) культурные признаки сакских памятников в саргатской культуре есть результат инноваций, принесенных мигрантами, или периодических проникновений кочевников в лесостепь для сезонного выпаса скота [Могильников, 1983, 1986, 1987, 1988, 1990, 1991]; 3) данное сходство является этническими признаками иранской по происхождению знати, закреплявшей культивирование своих старых традиций социальную обособленность [Корякова, 1988; Матвеева, 1991 а].

Для решения вопроса о характере южных контактов саргатских племен и заимствований из сакской среды наиболее важно проанализировать материалы погребального обряда, так как общие формы оружия, конского снаряжения и украшений могут объясняться широким распространением эффективных и модных вещей в ходе активной межплеменной торговли. А такая, безусловно, велась, о чем свидетельствуют кости верблюдов, богатые наборы бус, в том числе и так называемые “образцовые комбинации”, поступавшие из ремесленных центров на караванном пути в короткий срок [Довгалюк, 1993], поясные и прочие украшения, остатки тканей, шитых золотом, привозные тарные сосуды, выполненные на гончарном круге, а также чуждые для саргатцев керамические формы в коллекциях: плоскодонные кувшины, сосуды с ручкой и сливом, фляги и др.

В этой связи обращает на себя внимание сходство погребальных конструкций саргатских некрополей Приишимья, а также Притоболья с сакскими могильниками Приаралья. Это, во-первых, каркасно-столбовые прямоугольные и многоугольные конструкции и настилы над погребениями [Итина, 1992; Хабдулина, 1976; Зданович и др., 1984; Кадырбаев, 1984; Яблонский, 1991]. Первые строились как “дома мертвых”, а вторые, видимо, являлись их позднейшей вариацией, так как наземные бревенчатые постройки сочетаются с трупоположениями на древнем горизонте, а настилы — с глубокими и просторными ямами в материке [Яблонский, 1991, с. 74—79]. Во-вторых, характерным типом погребений являются трупоположения в широких прямоугольных ямах со следами столбовых конструкций по углам, западной ориентировкой погребенных и богатым инвентарем. Таким образом, здесь “дома мертвых” строились индивидуально для каждого покойника и опускались в могилу [Вишневская, 1973, с. 61; Кадырбаев, 1984, с. 89; Яблонский, 1991, с. 79]. В-третьих, именно у саков находим аналогичную саргатским конструкцию могилы, когда ее площадка окружена по периметру канавкой и приподнята, как стол. Например, это характерно для Южного Тагискена и особенно для Уйгарака, курганов верховьев р. Илек VI—V вв. до н.э., где эти детали рассматриваются как сакские.

Далее, наряду с могилами сложного устройства для саков были характерны захоронения в простых ямах двух вариантов: широких и относительно глубоких, узких и мелких. Количество инвентаря в них пропорционально размерам камер [Яблонский, 1991, с. 80—81]. В исследованных нами могильниках такие ямы преобладают. На дно могил у саков непременно делалась подстилка из травы, камыша, настилался пол из жердей, использовались деревянные носилки и гробы [Вишневская, 1973, с. 63—64]. В саргатских курганах также встречены носилки, гробовища, подстилка из бересты и коры, обертывание ими покойника [Корякова, 1977; Матвеева, 1990].

драгоценные бляшки для украшения одежды и конской упряжи, зеркала. Сама традиция сурьмления бровей, чуждая населению лесостепи, была принесена из Ферганы [Литвинский, 1978] и, видимо, переродилась здесь в ношение палочек как подвесок. В инвентаре памятников саргатской культуры имеются предметы китайского, индийского, переднеазиатского, североафриканского и даже египетского (?) происхождения [Полосьмак, 1987; Матвеев, Матвеева, 1987, 1991]. Видимо, они попадали сюда из торговых центров Средней Азии, расположенных у ответвлений от Великого Шелкового пути. Таких караванных дорог действовало несколько, а торговля по ним активизировалась в зависимости от изменений политической ситуации в среднеазиатских центрах и степи.

Судя по обилию предметов импорта в женских захоронениях в последние века до нашей эры — первые века нашей эры, межплеменная торговля Западной Сибири с участием саргатских племен достигла своего расцвета. Причем с I в. до н.э. в инвентаре, в том числе и оружии, конской упряжи, украшениях, прослеживаются отчетливые хуннские влияния и даже прямой импорт: котлы, ложечковидные застёжки, псаии забайкальских типов, изделия из рога восточного стиля и др. Увеличивается и число монголоидных расовых типов, искусственных деформаций черепов в погребениях, что, как кажется, указывает на реальное проникновение на юг Тоболо-Ишимья хуннов, пребывавших некоторое время в Приаралье, Южном Казахстане и Ташкентском оазисе [Заднепровский, 1992, с. 107], или скорее смешанного гунно-сарматского населения, находившегося под гегемонией этнических хуннов.

В дальнейшем из-за крупных миграций и падения среднеазиатских государств под натиском тюрков ситуация в степи кардинально изменилась — разрушился многовековой экономический симбиоз кочевников Казахстана и западно-сибирских лесостепных племен, прекратилась караванная торговля.

Проблема этнической принадлежности носителей саргатской культуры с признанием сакского происхождения родовой знати остается не вполне решенной. Не ясно, было ли рядовое население отдельных районов ее распространения разноэтничным, объединенным нивелирующим влиянием господствующей культуры в политическом объединении раннепотестарного типа, или относилось к одному крупному этносу, консолидировавшемуся на основе носителей культур начального периода раннего железного века. Решение этого вопроса тесно связано с проблемой генезиса саргатской культуры, определением ее нижней границы и роли иранского компонента в ее формировании и развитии в целом. Чрезвычайную важность в этом отношении имеет и антропологический материал из десятков исследованных на сегодняшний день могильников, хранящийся в фондах Томского университета, но, к сожалению, еще не изученный.

Однако если отстраниться от неясных и спорных моментов генезиса саргатской общности и оценить те ее компоненты, в признании которых исследователи сравнительно едины, то приходится отметить следующее. Культуры эпохи поздней бронзы лесостепи Западной Сибири — ирменская, саргаринская, бархатовская и подтаежная зоны — сузгунская сложились на основе дочерних образований андроновской общности с существенным влиянием на западе и юго-западе ареала алакульской культуры, а на севере и востоке — федоровской.

Традиции орнаментики, домостроительства и погребальной обрядности, уходящие корнями в эпоху поздней бронзы, указывают на значительную роль в субстрате древнего иранского компонента. В этой связи удивительную стойкость демонстрируют основные орнаменты на саргатской посуде, сохранившиеся неизменными в течение тысячелетия и в почти таком же виде обнаруживаемые в более древних культурах индоиранского круга. Это такие

узоры, как горизонтальный многорядовый зигзаг; елочка; штрихованные треугольники; горизонтальная полоса из вертикальных нарезок; сгруппированные наклады или налепы; цепочка ромбов; отрезки, сгруппированные по три, четыре, пять по горизонтали, вертикали или наклонно и размещенные полосой; бордюр из разнонаклонно штрихованных взаимодополняющих треугольников; изображения деревьев, колосьев; разнообразные фестоны, образованные вписанными друг в друга висячими треугольниками, заполненные резными линиями и точками, с "бахромой" под нижним краем или на концах треугольников; ряд "галочек" или подтреугольных наклеек.

Защипы, часто встречающиеся как украшение, по-видимому, представляют собой редуцированные лепные ручки, а вертикальные полоски, разбивающие горизонтальную зональность узоров на шейке, характерные для межовской и бархатовской посуды, — это также плоскостное изображение некогда существовавших лепных ручек, украшавшихся отдельно.

Если в пра- и древнеиндоевропейских культурах V—III тыс. до н.э. шнуровато-ленточной керамики, Винча, Лендьел, воронковидных кубков, Луданица, шаровидных амфор, древнеямной, кубано-днепровской, кубано-перской и других вышеуказанных узоров были разрежены, комбинировались по два—три элемента или даже были индивидуально представлены на сосудах [Софронов, 1989, рис. 10—59], то в период развитой и поздней бронзы орнаментация становится более насыщенной. Особенно в культурах Поволжья, Приуралья и Казахстана одни и те же элементы используются многократно, вписываются один в другой, комбинируются с другими по горизонтали и вертикали, создавая более нарядные геометризированные композиции. Но следует заметить, что отдельные элементы узора остаются неизменными.

А в эпоху раннего железа с возвратом к разреженным узорам, наносимым лишь на шейку и плечики, происходит перенос акцента с декоративности узоров на их смысловое значение и возрождаются первоначальные простые композиции с изображением растений, деревьев, вспаханной и засеянной пашни, текущей реки.

В этом отношении удивительно полное совпадение рисунков на сосудах катакомбной культуры из Отрадного [Археология СССР, 1985, рис. 112, 3] и из могильника у д. Саргатки (см. [Корякова, 1988, рис. 43, 1]). Сюжет состоит из трех горизонтальных линий под шейкой, от которых на тулово опускаются равносторонние треугольники вершиной вниз. Между последними нарисованы человечки с расставленными в стороны руками и ногами; причем мужчины и женщины стоят через одного. В развертке композиция выглядит как хоровод. Отличие саргатского рисунка заключается в том, что каждый второй человек на нем изображен с животным (собакой?). Та же схема реализована на другом сосуде из Саргатки, где между вершинами фестонов изображены птицы [Могильников, 1972 а, рис. 11]. В коллекциях других памятников есть вариации на эту тему в виде одиночного изображения стоящего человека среди фестонов, например на горшочках из Уваловского поселения [Стоянов, 1969 б, табл. 36, 4], Саргатки [Могильников, 1972 а, рис. 3, 8], Дувана II.

Индоиранская принадлежность культур андроновской общности многократно аргументировалась [Кузьмина, 1986, 1988]. В Зауралье и Южной Сибири она подтверждается и фрагментами иранской топонимики в бассейнах рек Исети, Тобола, Оби и Енисея, восходящей, вероятно, к эпохе бронзы [Членова, 1984]. Следовательно, дочерние, постандроновские археологические культуры в лесостепи Западной Сибири принадлежали к иранской этнолингвистической общности. Это нашло выражение в унаследованном ими ядре этнической культуры андроновцев: скотоводческо-земледельческом

хозяйстве с преобладанием скотоводства; пашенным характере земледелия [Сидоров, 1986, с. 64]; специфическом составе стада (были лошади и коровы, но не было свиней и верблюдов). Несмотря на длительное соседство с уральским населением, занимавшимся свиноводством, оно не было заимствовано в силу прочности традиций и религиозных взглядов. Кроме того, к основным признакам этнической культуры иранцев Е.Е. Кузьмина относятся каркасно-столбовые полужемляночные жилища, сочетание круглых и прямоугольных очагов, культ коня [1988].

Таким образом, ведущие субстратные компоненты саргатской культуры были, очевидно, иранскими. Хотя включение некоторой доли угорских и самодийских компонентов должно было иметь место в ходе контактов предков саргатцев с носителями межовской, сузгунской культур, а также при позднейшей ассимиляции части населения южной тайги: байтовского, кашинского, журавлевского с расширением саргатского ареала к северу.

По-видимому, прочность и долговременность существования саргатской культуры объясняется тем, что на основе этнокультурной общности лесостепных племен эпохи поздней бронзы, трансформировавшейся под влиянием новых политических событий и технической революции, в силу единства устоев материальной и духовной культуры консолидировалась новая, объединяющая этносы, близкие по происхождению, языку, хозяйственным занятиям, религиозным представлениям и направленности внешних связей.

Судьба носителей саргатской культуры не вполне ясна. Из-за малой изученности памятников середины I тыс.н.э. причины исчезновения и механизм трансформации саргатского культурного феномена представляются исследователям различными.

Первоначально высказывавшееся в литературе мнение об исчезновении саргатских памятников в III—IV вв.н.э. [Могилиников, 1972б, с. 86] способствовало формированию идеи миграции саргатцев, подхваченных Великим переселением народов, на юго-запад, в Среднюю Азию, а затем в Приуралье, что, в свою очередь, позволило интерпретировать данную общность как прамадырскую [Чернецов, 1953, с. 240; Халикова, 1976, с. 155; Могилиников, 1972б, с. 86]. Открытие же в 80-х годах нашего века памятников IV—V вв.н.э. по всему ареалу саргатской культуры (Ипкульский, Дуванский, Абатский-3, Исаковский могильники) заставляет нас предполагать более сложный характер исторических процессов переходного периода от раннего железного века к средневековью.

Мы учитываем не только факты некоторой подвижки саргатского населения к западу в первые века нашей эры и оттока его из Барабы [Полосин, 1987, с. 96], документированные прекращением существования саргатской культуры в Барабе и появлением специфичной керамики в Башкирии, но также и стабильность южной границы, маркированной поздними сарматскими памятниками Казахстана, поэтому предполагаем, что тотальной миграции саргатских племен не произошло.

Бурные политические события и этнокультурные перемены в Средней Азии действительно повлияли на саргатскую общность, вызвав ее распад, скорее опосредованно, в результате прекращения интенсивной караванной торговли, на которую в значительной мере была ориентирована экономика лесостепных племен. В этих условиях часть знатных родов могла откочевать к югу, но основная масса оседлого скотоводческо-земледельческого населения осталась.

Носители саргатской культуры вошли как один из субстратных элементов в состав бакальской, неволинской и сылвенской общностей Урала и Зауралья, связываемых с южными группами угров [Овчинникова, 1987, с. 41; Могилиников, 1990, с. 20].

Проблематично участие саргатского населения в других средневековых комплексах типа Перейминского могильника, потчевашских древностей. По В.А. Могилиникову, они и кушнаренковские комплексы носят смешанный угро-самодийский характер и общими элементами обязаны влиянию носителей саргатской культуры [1983, с. 84; 1990, с. 17]. Другие исследователи интерпретируют потчевашские и кушнаренковские памятники как самодийские релкинско-саргатского круга [Генинг, 1972, с. 274; Генинг, Зданович, 1987, с. 130], восходящие к кулайской культуре [Елагин, 1989, с. 13; Конилов, 1991, с. 28]. Новые материалы к интерпретации кушнаренковских памятников, как сложившихся на основе смешения поздних саргатских и саровских комплексов, появились после раскопок Исаковского и Стрижевского могильников [Погодин, 1993].

Таким образом, наследниками саргатских традиций являются, видимо, культуры I тыс.н.э. Приуралья и лесостепного Тоболо-Ишимья.

Глава III

КАШИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Северная часть пришимской лесостепи, как и в начале раннего железного века, в конце I тыс. до н.э. — начале I тыс. н.э. продолжала оставаться зоной контактов лесостепного и южно-таежного населения. Несмотря на проникновение носителей саргатской культуры далеко на север, вплоть до устья Вагая, Тобола и Ишима, о постоянном заселении ими южной тайги Тоболо-Ишимья в течение многих веков нет данных. В этой зоне и отчасти на севере лесостепи распространены памятники кашинской культуры.

В результате регулярных изысканий в Зауралье и на сопредельных территориях Западной Сибири в 60-е годы В.Д. Викторовой была предложена хронологическая схема развития археологических культур лесной зоны. Она в основном принята исследователями и является базисом современной периодизации железного века. Конец раннего железного века в ней занимает кашинская группа памятников, характеризующаяся своеобразным типом керамики и локализованная в среднем течении Туры и Исети [Викторова, 1969].

Она сложилась, по В.Д. Викторовой, на основе местных традиций под воздействием саргатской культуры и сменяется памятниками прыговского типа первой половины I тыс.н.э. [Викторова, Кернер, 1988].

Раскопки последних лет в лесостепном и южно-таежном Тоболо-Ишимье дали ряд новых материалов, позволяющих дополнить характеристику этого типа памятников.

В настоящее время известно около 30 памятников кашинского типа, причем выявлены новые поселения, могильник, отдельные находки к северо-востоку от ранее очерченных границ, но в пределах той же южно-таежной зоны. Эти открытия показывают, что ареал кашинской группы должен быть значительно расширен — до размеров всего подтаежного Тоболо-Ишимья. Ориентирами здесь служат такие памятники, как Ст. Погост в низовьях Вагая на севере, могильники Абатский-1,3 и Мергенъ 6 на р. Ишиме на

востоке. На западе это учтенные В.Д. Викторовой поселения на реках Тавде, Туре, Исети. Юго-западная граница этой общности проходит, по-видимому, по р. Исеть, где открыт ряд памятников смешанного саргатско-кашинского облика: Прыговское, Рафайловское, Коловское городища, Верхне-Ингалский Борок-2 и др.

У кашинского населения ранее был известен только курганный обряд погребения, зафиксированный в контактной зоне с саргатской культурой в бассейнах рек Туры и Исети. Но очевидно, существовали и грунтовые некрополи, традиционные для культур таежной полосы. Об этом свидетельствует погребальный обряд могильника Абатский-3.

Здесь в саргатском кургане 2, обнесённом двумя рвами, обнаружены два одиночных и пять коллективных захоронений с керамикой кашинского типа, содержащих останки 23 человек.

Вся восточная сторона внешнего рва была занята грунтовыми погребениями, совершенными в верхней части его заполнения на глубине 0,2—0,4 м от уровня материка и не менее чем в 0,4—0,6 м выше дна рва. Всего их зафиксировано семь. Они относятся к последнему этапу функционирования могильника в этом месте и совершены в тот период, когда внешний, второй, ров уже в значительной мере заплыл.

Остановимся на описании этих захоронений.

Погребение 2 (рис. 66, Б) обнаружено с юго-юго-восточной стороны кургана в заполнении внешнего рва на глубине 0,2 м от уровня материка. По цвету могильная яма не выделялась на фоне основного заполнения рва. Судя по несколько большей рыхлости грунта, её размеры были около 1,6 × 1,0 м.

Двое погребенных лежали вытянуто на спине рядом, головами на юго-запад. Они были захоронены одновременно. У первого — взрослой женщины — ноги были вытянуты и сведены вместе, правая рука лежала вдоль туловища, левая согнута в локте и находилась на середине груди, кисть её доходила до локтя правой. На правой ключице лежат птицевидный идол из белой бронзы и под ним — круглая плоская бронзовая бляшка (рис. 66, 1, 2).

Второй погребенный — ребенок приблизительно 10 лет — лежал рядом, причем правый бок его был под левым боком женщины. Голова его была втянута в плечи, ноги согнуты в коленях. Но кости левой ноги лежат сочлененными, а кости правой разъединены: бедренная кость располагалась параллельно левому бедру, а обе берцовые — поодаль. По-видимому, ноги были подняты вверх, а по истлевании связок упали влево. Правая рука погребенного была резко согнута в локте и заведена на плечо, фаланги пальцев покоятся поверх левой ключицы. Кисть левой руки лежит на крыле таза.

В 1 м от погребения к юго-западу в заполнении рва найдены на той же глубине черепки сосуда, украшенные гребенчатым штампом.

Погребение 4 (рис. 66, В). Форма могилы в плане не определяется точно, её размеры около 1,8 × 0,7 м, глубина 0,2 м от уровня материка. Покойник — мужчина в возрасте около 20 лет — лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток, ногами к погребению 2 и на расстоянии 0,3 м от него на той же глубине. По-видимому, захоронения сделаны одновременно. Правая рука его была согнута в локте, кисть её находится в области таза, левая рука была вытянута вдоль туловища. Справа под черепом обнаружен бронзовый птицевидный идол (рис. 66, 3), под ним — пряди черных волос, доходившие до плеч, ниже их — тонкий слой бересты.

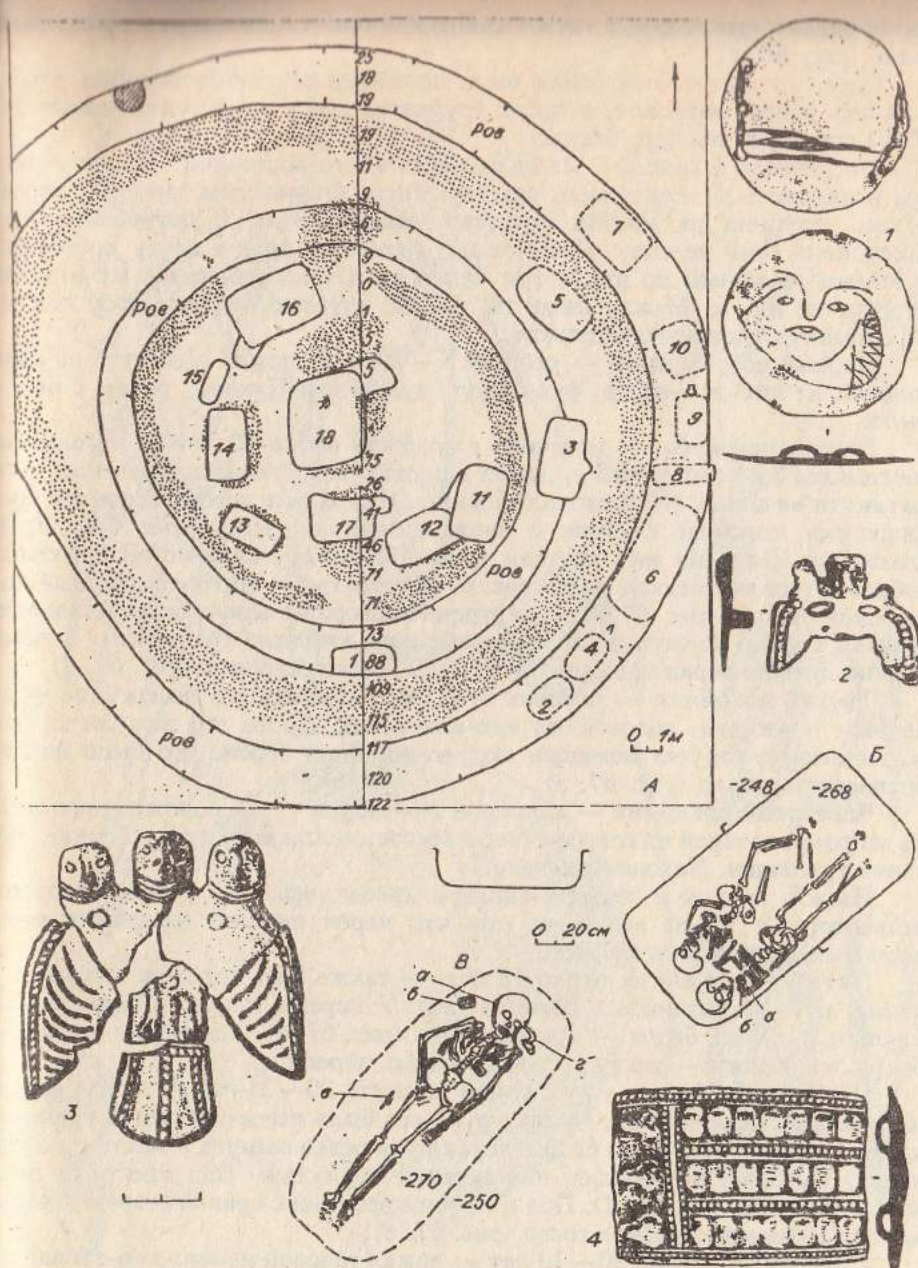

Рис. 66. Кашинские погребения в могильнике Абатский-3.

А — план кургана; Б — погребение 2: а (1) — бляшка; б (2) — птицевидный идол; В — погребение 4: а (3) — птицевидный идол, б (4) — бляшка; в, г — кости животных. 1—4 — бронза.

Сохранившаяся под бляхой и волосами береста указывает на существование берестяной подстилки. В 20 см вправо от черепа на уровне плеча найдена прямоугольная бляха из белой бронзы, литая, с четырьмя петлями на обороте и с остатками в них тонких кожаных ремешков. Украшена бляха

* Нумерация погребений в кургане общая, номера присвоены по очередности выборки.

трем рядами выправкин, а также из стилизованных медвежьих голов (рис. 66, 4).

Слева от головы покойного была положена заупокойная пища. От неё остались ребро, позвонок, а также трубчатая кость животного, лежавшая в 10 см справа от правого бедра.

Погребение 6 (рис. 67, А) находилось в юго-восточной части внешнего рва и являлось коллективным захоронением. Форма ямы точно не определялась, глубина от уровня материка около 0,3 м. В погребении было захоронено семь человек. Они лежали вплотную друг к другу ногами или головами группами по два и три человека. От погребения 4 их отделяло расстояние в 1 м. Между ними на той же глубине найден череп лошади. Сохранность удовлетворительная.

Первый погребенный — ребенок 8—9 лет — лежал вытянуто на спине головой на юго-юго-запад, руки вдоль туловища. Находок рядом с ним не было.

Второй покойник — мужчина в возрасте около 30 лет — стопами соединялся с ногами первого, лежал в противоположном направлении также вытянуто на спине, руки вдоль туловища. На головке левой бедренной кости находился кожаный шнурок с нанизанными на него тремя бронзовыми бляшками. Одна из них круглая (рис. 67, 4), другая — с изображением бобров в геральдической позе (рис. 67, 5), третья — антропоморфный идол из белой бронзы (рис. 67, 6). С внутренней стороны левого бедра находились остатки сильно корродированного железного кинжала (распался). У левого колена лежало зеркало с ручкой-штырем, расплющенное (рис. 67, 7).

Третий покойник — ребенок 2—3 лет — находился посередине между первым и вторым, головой на юго-юго-запад. Кости его лежали кучкой, по-видимому, он был помещен скорченно. Близ черепа его было найдено бронзовое зеркало (рис. 67, 3).

Четвертый покойник — женщина 20—30 лет — расположен параллельно второму, головой на северо-северо-восток, лежал вытянуто на спине, руки вдоль туловища. Находок не было.

Пятый, шестой и седьмой скелеты находились близ черепов второго и четвертого, в 15 см выше их, так что череп шестого находился между черепами второго и четвертого.

Пятый — мужчина около 18 лет — также был положен вытянуто на спине, руки находились в области таза. У черепа, слева, найден обломок бляшки, у левого бедра — крупный нож (рис. 67, 2), под левым плечом и у бедра левой ноги — неорнаментированные черепки.

Шестой покойник — мужчина в возрасте 20—25 лет — лежал головой на северо-северо-восток. Правая рука его была вытянута вдоль туловища, кисть — у верхней части бедра, левая рука резко согнута в локте и поднята вверх, кисть ее находилась под нижней челюстью. Над крестцом лежал железный нож (рис. 67, 1). Под нижними ребрами с правой стороны грудной клетки найдено железное тесло (рис. 67, 8).

Седьмой — старик 60—70 лет — лежал головой на юго-юго-запад, чуть ниже шестого. Руки были согнуты под прямым углом и сложены на груди, правая сверху, кисти у локтей. Левая нога вытянута прямо, правая согнута в колене, стопы рядом.

Погребение 7 (рис. 68, А) расположено в северо-восточной части внешнего рва в яме, приблизительные размеры которой 2,5 × 1,7 м, глубина 0,5 м от уровня материка. Содержало коллективное захоронение пяти человек. Все они лежали вытянуто на спине головой на северо-запад. Два покойника — взрослые — вдоль юго-западного края, два других — дети — у северо-восточного края рва. Между этими двумя парами находились

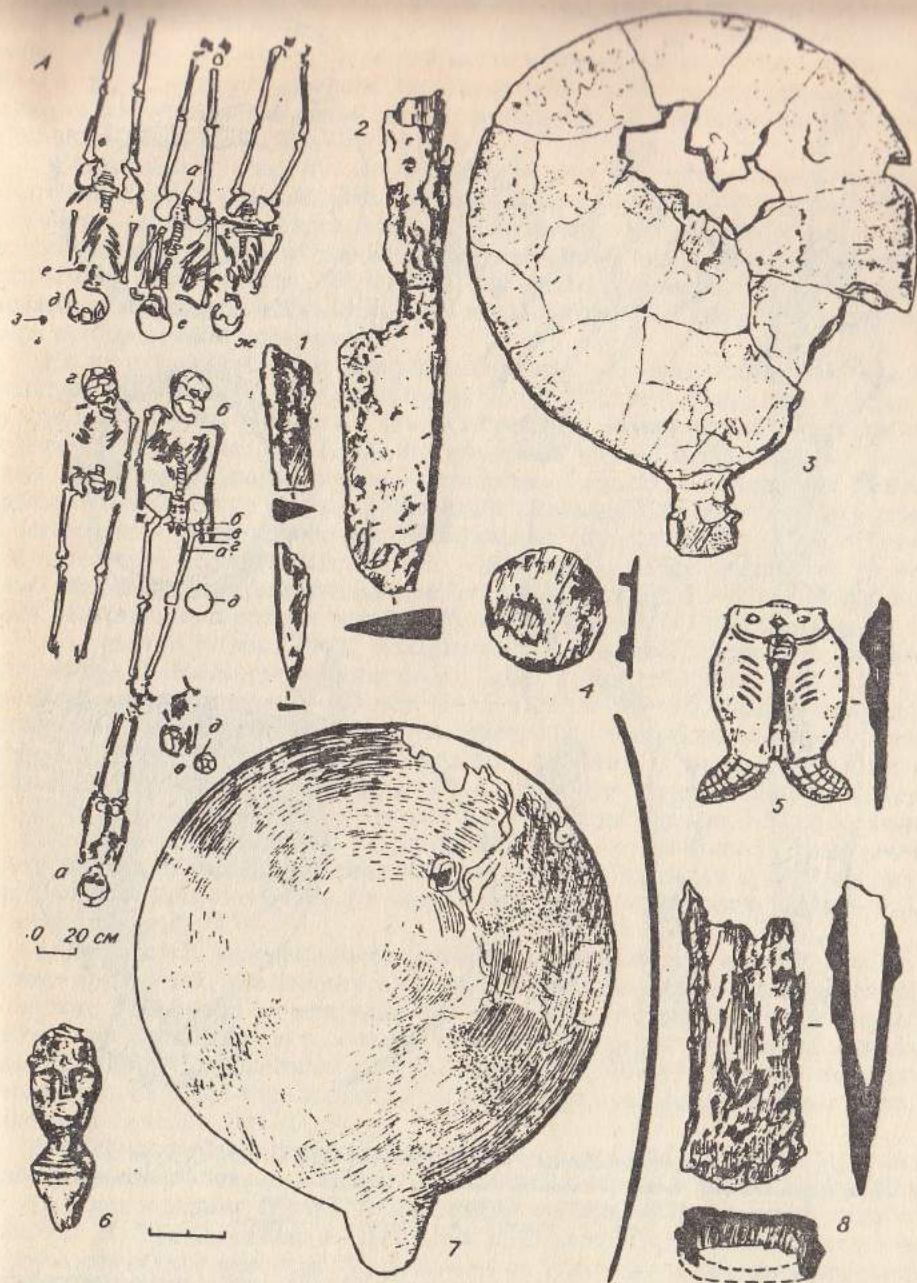

Рис. 67. Кашинские погребения в могильнике Абатский-3. План и инвентарь погр. 6. кург. 2. 4 — план погребения: а — ножи; б — бляшки и подвеска; в — зеркала; г — керамика; ж — тесло; з — обломок бляшки. 1, 2, 8 — железо; 3—7 — бронза.

остатки пятого человека, но, в отличие от первых, в потревоженном состоянии. Череп лежал на месте стоп, левое бедро сдвинуто, кисти рук его также оказались в ножном конце могилы, тогда как позвоночный столб зафиксирован in situ. Видимо, эта часть погребения попорчена грызунами.

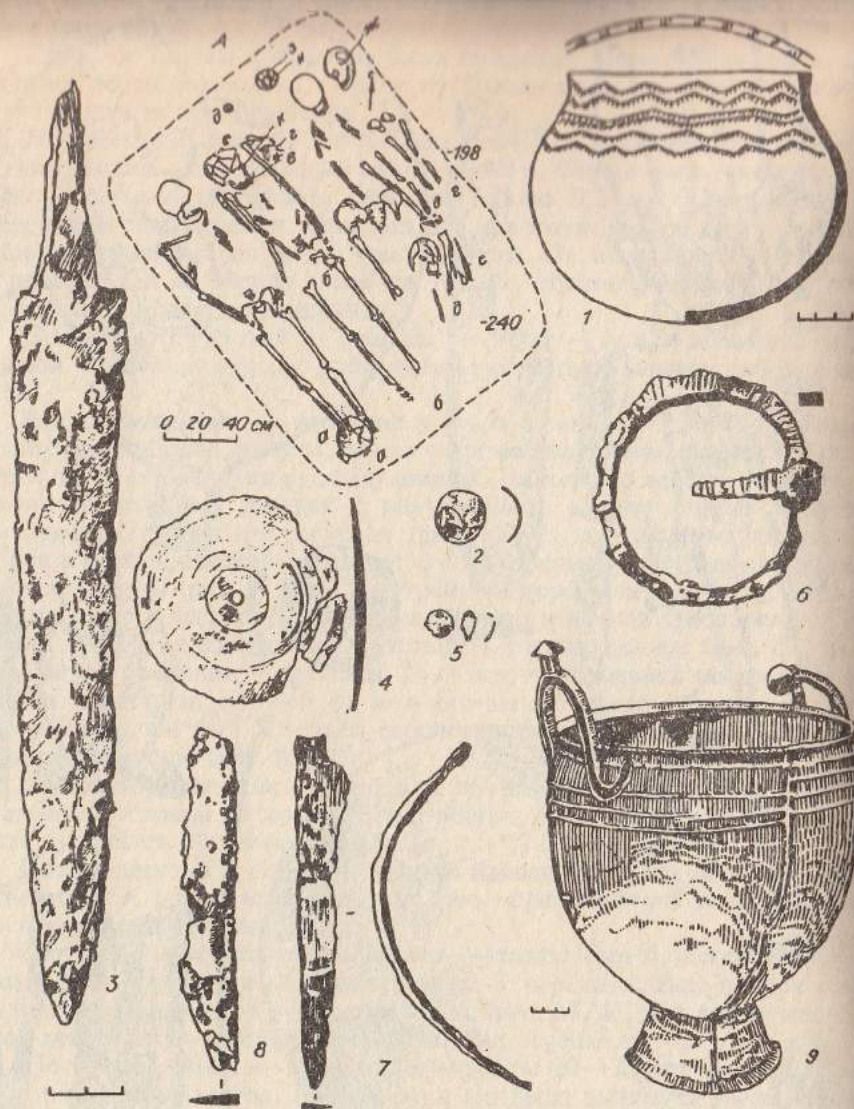

Рис. 68. Кашинские погребения в могильнике Абатский-3. Погр. 7 кург. 2.
А — план погребения 7; б — котел; в — пряжка; г — нож; д — птицевидный идол; е, ж — бляшки; з — кинжал; и — сосуд; к — бусина; л — инвентарь погр. 7.
1 — глина; 2 — стекло; 3, 6, 8 — железо; 4, 5, 7 — бронза.

На стопах первого скелета (мужчины 30—35 лет) с деформированным черепом находился бронзовый котел (рис. 68, 9). В области таза второго — женщины 20—30 лет — обнаружена большая железная пряжка с язычком, оплетенная проволокой (рис. 68, 6), у левого плеча — птицевидный трехглавый бронзовый идол, распавшийся при расчистке, в головах — круглый плоский диск с отверстием в центре, украшенный гравированными кругами (рис. 68, 4), под челюстью были найдены железный нож (рис. 68, 8), бусина (рис. 68, 2). В изголовье одного из детей (условно — третьего покойника) был поставлен круглодонный глиняный горшок с крупногребенчатым узором

кашинского типа (рис. 68, 1). Внутри его был найден согнутый железный нож (рис. 68, 7). Возраст ребенка определен в 8—9 лет, череп искусственно деформирован. На правой височной кости второго детского скелета (возраст 9—10 лет), найдена круглая бронзовая бляшка с отверстием для пришивания (рис. 68, 5). В ногах пятого покойника — мужчины 20—25 лет — найден железный кинжал (рис. 68, 3).

Погребение 8 (рис. 69, А) обнаружено во рву с восточной стороны, напротив центра насыпи. Оно одиночное, расположено на глубине 0,4 м. Размеры ямы точно не определяются. Покойница — женщина 50 лет — была положена поперек рва, в отличие от других погребенных, вытянута на спине, головой на запад. Кости рук находились вдоль туловища, правая кисть на правой подвздошной кости, левая — вдоль бедра. Под скелетом обнаружен тлен от берестяной подстилки.

На правой ключице и посередине правой плечевой кости найдены две длинные рубчатые бронзовые пронизи (рис. 69, 3, 4). У правого колена — две полые фигурки медведей с отверстиями для штыря или подвешивания в середине спины (рис. 69, 2, 5). Внутри одной из них была дощечка размерами 3,0 × 1,3 см, перекрывавшая отверстие (рис. 69, 1). Подвески лежали рядом, спинами друг к другу. Под ними оказался толстый слой бересты и дерева от истлевшей коробочки. Ниже фаланг пальцев ног, лентой, вытянутой к востоку, лежал кожаный пояс, свернутый вдвое, с надетыми на него пятью бронзовыми прямоугольными бляхами (рис. 69, 6—10). Под ребрами близ позвоночника найден железный черешковый нож (рис. 69, 11).

Погребение 9 (рис. 70 А) находилось в восточной части рва, севернее погребения 8. Размеры могилы около 1,6 × 1,1 м, глубина — 0,4 м. Три ребенка — в возрасте 8—10 лет, 4—5 и около 10 лет — были положены вплотную друг к другу, головами на север. Все лежали вытянуто на спине, руки вдоль туловища. У правого колена старшего (?) найдены две литые полые фигурки зайцев с отверстиями в спине для штыря или шнура (рис. 70, 1, 2). Под фигурками сохранился слой бересты. Других вещей не было.

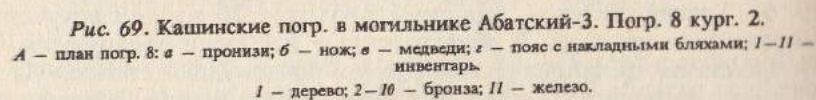
Погребение 10 (рис. 70, Б) располагалось в северо-восточно-восточной части внешнего рва. Заполнение могилы — серая мешаная супесь, форма в плане четко не определяется. Размеры — около 1,8 × 1,6 м, глубина — 0,3 м от уровня материка.

Три взрослых человека были уложены вплотную друг к другу головами на юго-юго-восток, все вытянуто на спине, руки вытянуты вдоль туловища. У первого покойника — мужчины 20—25 лет — руки были чуть согнуты в локте, кисти находились в области таза. В области груди найдена прямоугольная бляха, украшенная выпуклинами (рис. 70, 4). Поверх нее были замечены древесный тлен и окислы железа. Поверх костей левой руки лежал железный кинжал (рис. 70, 5).

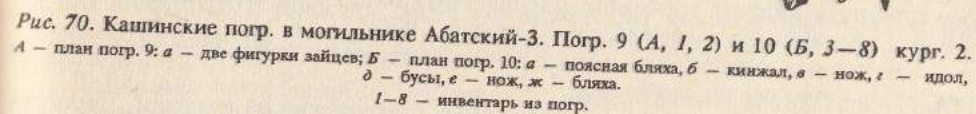
В области груди второго покойника — мужчины около 50 лет, явно европеоидного облика — найден бронзовый антропоморфный идол (рис. 70, 8), а под черепом справа — маленький черешковый железный ножичек (рис. 70, 6). Третий скелет — женщины в возрасте 20 лет — с искусственно деформированным черепом. В области таза у нее были обнаружены бусы: одна — бронзовая цилиндрическая, другая бочковидная стеклянная (рис. 70, 7). Там же располагался железный нож с деревянной рукояткой, сильно коррозированный и найденный в обломках.

Четвертый покойник — ребенок 6—7 лет — положен в ногах первых трех. Сохранность костей плохая. Остались лишь несколько черепных и трубчатые кости от конечностей, свидетельствующие о положении его тоже вытянуто головой на северо-восток. Рядом с черепом обнаружена бронзовая бляха плоского литья с двумя квадратными отверстиями (рис. 70, 3).

136

137

плечики, имеют горшковидную форму и круглое дно, короткую шейку. Венчик плоско срезан и также украшен отпечатками гребенчатого штампа. Композиция, особенно на сосуде из погребения 9, перекликается с керамикой кашинского типа. Для нее характерны бордюрные орнаменты по шейке, вертикальные, наклонные отрезки или зигзаг, заключенный между параллельными горизонталами. Поэтому и могильник следует считать оставленным кашинскими племенами.

Инвентарь погребений своеобразен, отличается от саргатского наличием культового литья, практически отсутствуют оружие (кроме кинжалов) и украшения. Несомненная хронологическая близость захоронений позволяет рассмотреть инвентарь для определения хронологической и культурной принадлежности совокупно.

Кинжалы железные, листовидные в сечении, без навершия и перекрестья. Характерны для первых веков нашей эры [Соколовский, 1954, с. 155]. Поясные бронзовые пряжки с петлями на обороте и орнаментом из рядов выпуклин и стилизованных медвежьих головок известны из Айдашинской пещеры, памятников Нижнего Приобья, единичных погребений Верхнего Приобья и первоначально датировались В.Н. Чернецовым III—IV вв. н. э., Т.Н. Троицкой II—IV вв. н. э., а позднее были омоложены до V—VII вв. н. э. [Троицкая, 1981, с. 103]. Аналогичные поясные бляхи-накладки, украшенные лишь крупными выпуклинами, известны в Усть-Полуе, Тюковском кургане, Шеркалинском могильнике и датируются в последнем I—III вв. н. э. [Чиндина, 1984]. В Прикамье бляхи с изображением головы медведя распространены во II—VII вв. н. э. [Оборин, 1976].

Бронзовые пронизи гофрированные, цилиндрические. Широко распространены в южно-таежных памятниках раннего железного века, в частности в Айдашинской пещере, Шеркалинском могильнике, а также раннесредневековых памятниках — ломоватовских, агафоновской стадии [Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980; Голдина, 1985].

Соллярная бляшка-зеркало с отверстием в центре и гравированными концентрическими кругами с одной стороны находит аналогии в Елыкаевской коллекции [Мартынов, 1975], Айдашинской пещере, Шеркалинском могильнике, кладе с городища Барсов Городок-1/9 [Сосновкин, Коротаев, 1974], чегандинских древностях [Генинг, 1970].

Железные черешковые ножи с прямой спинкой широко бытуют в раннем железном веке и средневековье.

Круглая крупная пряжка кольцевая с подвижным язычком (диаметр 6,5 см) относится к типу пряжек, известных с IV в. до н. э., но по пропорциям ближе к средневековым, хотя аналогичные по размеру есть и в пьяноборских погребениях II в. н. э. [Генинг, 1962].

Птицевидный идол с тремя антропоморфными головками, изображением груди в виде двух выпуклин, двух лап, контуры крыльев и хвоста которого показаны шнуровым орнаментом и врезными линиями, близок к орнитоантропоморфным изображениям позднекулайского времени [Чиндина, 1984, рис. 37].

Плоские круглые бронзовые бляшки с двумя петлями на обороте и оригинальным гравированным изображением человеческой личины на одной из них находят аналогии также в Айдашинской пещере, могильнике Чеганда-1 [Генинг, 1962].

Зеркала плоские, бронзовые, с ручкой-штырем, раскованные (плющенные) характерны для сарматского периода, детали их формы изменены при проковке, поэтому более точная датировка затруднена. Аналогичные зеркала в сочетании с круглыми бляшками найдены на городище Барсов Городок-1/9

[Сосновкин, Коротаев, 1974], большая коллекция их хранится в Ханты-Мансийском музее [Чернецов, 1953].

Бляшка с геральдическим изображением бобров, стоящих на хвостах. Хвост и ребра показаны нарезками. На обороте имеется петля. Более сложная композиция с бобрами известна по материалам Мурлинского городища потчевашской культуры [Могильников, 1987, с. 326, 21].

Тесло железное с несомкнутой втулкой, овальное в сечении. Известны в памятниках раннего железного века с III—II вв. до н. э. и позднее.

Котел бронзовый, полусферической формы, на коническом поддоне, с двумя ручками, украшенными гвоздевидным выступом с орнаментом из трех горизонтальных валиков поверху, I типа, по Н.А. Боковенко [1981, с. 46—47]. Такие котлы характерны для периода VIII—VII вв. до н. э. — первых веков нашей эры.

Литые бронзовые полые изображения стоящих медведей с опущенной головой. Близкие изображения по позе и пропорциям находим на рукояти кинжала из д. Хариной [Спицын, 1902] и в коллекции Зеликмана. Последние сходны по размерам, также реалистичные, почти без орнаментальных деталей [Оборин, 1976, N 28], датируются VII—VIII вв. н. э. Найденные нами фигурки отличаются наличием декора на лапах в виде овала, заполненного согнутым рассеченным валиком, и по тулову — между лапами с боков, в виде полосы с рельефным зигзагом внутри. Ряд полых подвесок в виде сидящего и стоящего медведя известен по материалам других ранне-ломоватовских памятников [Голдина, 1985], а также потчевашских [Могильников, 1987] и единичных [Гутов, 1989]. Ближайшие территориально, сходные по пропорциям, также парные, но без проработанных деталей, происходят из коллективного погребения кургана 4 саргатского могильника Памятное, которое датировано автором серединой I тыс. н. э., хотя другой инвентарь может укладываться в рамки II—III вв. н. э. [Кожин, 1972].

Бронзовые литые полые изображения зайцев. Украшены с боков дугообразно изогнутыми полосками мелких жемчужин. Близкие аналогии нам не известны.

Антропоморфные бронзовые личины с петлей для подвешивания на обороте. Моделирован головной убор, детали лица в рельефе. Эти личины имеют сходство с идолами из Тимирязевского могильника в Томском Приобье [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 12, 44]. Полные аналоги мне не известны.

Датировка погребений не вполне ясна. Большинство вещей характерны для фоминского этапа кулайской культуры, позднесарматского периода (котел, пронизи, зеркала, бляшки, бляхи-накладки). Вместе с керамикой, относимой к раннему железному веку, они дают основание датировать комплекс III—IV вв. н. э. Но ряд предметов, такие, как полые фигурки медведей, зайцев, антропоморфные и орнитоантропоморфные изображения, по стилю более сближаются с инвентарем раннесредневековых памятников. Поэтому грунтовые погребения могильника Абатский-3 следует считать принадлежащими переходной эпохе от раннего железа к средневековью и датировать V в. н. э., но, видимо, не позже, так как в VI—VIII вв. н. э. на этой территории известны уже памятники потчевашской культуры.

*
*
*

Таким образом, хронологическая позиция кашинских памятников нуждается в уточнении. Нижнюю временную границу на сегодняшний день, как нам кажется, следует определять по поселению Ст. Погост, датируемому по серии предметов VI—IV вв. до н. э. [Могильников, 1988, с. 247], и Рафайловском городище, дату которого — V—III вв. до н. э. — дают бронзовые

трехгранные с выступающей и со скрытой втулкой наконечники стрел с трехгранной или сводчатой головкой, ложками вдоль граней, крестовидным узором на гранях и шипами; обломок савроматского каменного жертвенника на ножках; маленькая синяя глазчатая бусина с девятью глазками V—III вв. до н. э. и крупная золоченая III в. до н. э. — III в. н. э.; крупная бочковидная с шестью глазками в белых ободках IV—III вв. до н. э.; бляшка литая бронзовая в виде фигурки стоящего ушастого зверя VII—III вв. до н. э. [Матвеева, 1993 б, с. 159—161]. Рафайловское городище было крупным центром межплеменной торговли и оставлено разнокультурным населением. Постройки, содержащие смешанную саргатско-кашинскую керамику, на нем более поздние и относятся к IV—III вв. до н. э.

Раннюю дату кашинской группы памятников подтверждает и факт строительства укреплений на городище Ст. Погост в период экспансии кулайцев в III—II вв. до н. э., сменивших здесь саргатцев, занявших в свою очередь, поселок, основанный кашинцами [Могильников, 1988, с. 247]. Значит, нижняя временная граница существования кашинской общности может определяться приблизительно IV в. до н. э. Верхнюю дату — около IV—V в. н. э., как мы уже рассматривали, дают захоронения могильника Абатский-3.

Керамическая традиция кашинской общности, по-видимому, двухкомпонентна. Она включает гребенчатый и шнуровой виды орнаментации. Яйцевидные и бомбовидные горшки разных размеров с короткой отогнутой шейкой украшены специфическим бордюрным орнаментом. Он наносится на шейку и состоит из двух горизонтальных линий с заключенными между ними многорядовым зигзагом либо столбиками наклонных отрезков, “подковками”. Этот бордюр дополняется обязательными глубокими насечками по венчику и рядом отпечатков шнура или штампа на плечиках. Причем сосуды с гребенчатыми узорами и отпечатками шнура характеризуются единством форм и композиций. Тулово и днище горшков обычно неорнаментированы.

Гипотеза же о смене в Зауралье кашинских памятников прыговскими в первой половине I тыс. н. э. все ещё остается недоказанной. Однослойных поселений с керамикой прыговского типа пока не обнаружено. Наоборот, при разборке керамического комплекса Рафайловского городища по литологическим слоям и сооружениям разных строительных периодов установлены приуроченность прыговской керамики к поздним сооружениям III в. до н. э. и факт ее сосуществования с саргатской и кашинской. О том же говорит находка прыговской керамики при раскопках Т.М. Потемкиной в кургане Лисья Гора, датированном IV—III вв. до н. э. Поэтому нам кажется, что появление шнуровых узоров прыговского типа произошло около III в. до н. э., и они могут быть поздним вариантом кашинской орнаментики.

Жилища, судя по постройкам, раскопанным на Юдинском и Рафайловском городищах, поселениях Кашинском и Ст. Погост, представляли собой многокамерные полуземлянки каркасно-столбовой конструкции с разнофункциональными помещениями.

Хозяйство, по-видимому, было комплексным, многоотраслевым, сочетающим присваивающие и производящие виды занятий, домашние промыслы.

Обширный ареал памятников кашинского типа (рис. 71), устойчивое сохранение в течение почти тысячелетия своеобразной орнаментальной традиции, особенности погребального обряда позволяют, по нашему мнению, рассматривать эту общность в качестве археологической культуры, за которой мы предлагаем сохранить название кашинской.

В определении генезиса кашинских комплексов следует согласиться с В.Д. Викторовой, усматривающей в орнаментике, формах посуды и домостроительстве сильное влияние на местные племена саргатцев, явившееся

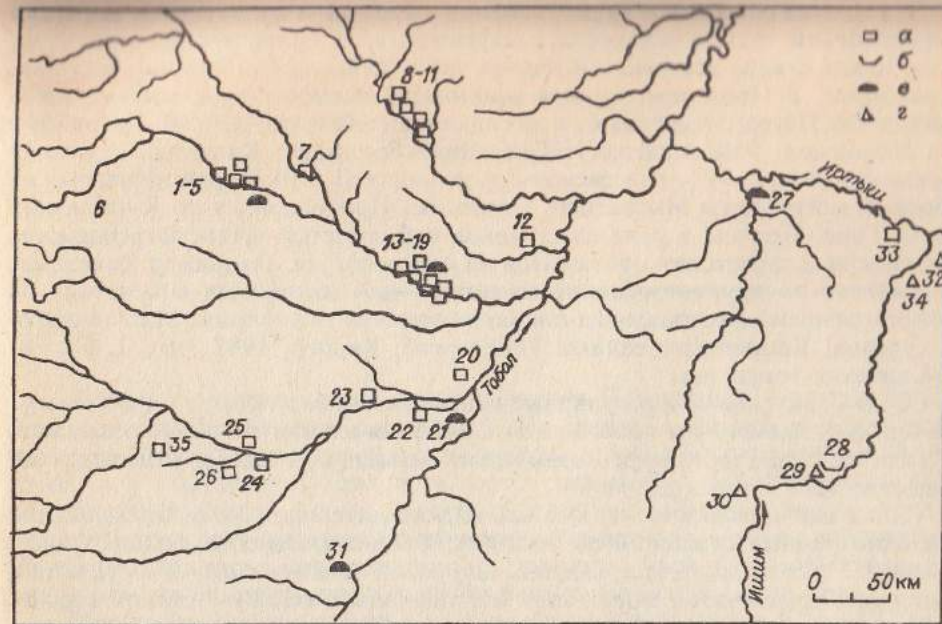

Рис. 71. Карта расположения памятников кашинской культуры.

Поселения: 1 — Большедубское, 3 — Юдинское, 4 — Кашинское, 7 — Першино-4, 8 — Городокское, 9 — Тыня-1, 10 — Туманское-1, 13 — Ипкуль XV, 14 — Коняшино, 17 — Мысовское-3, 19 — Южный берег Андреевского озера, 20 — Дуванское VI, 22 — Верхне-Ингалский Борок-2, 30 — Мерген-6, 31 — у ст. Курганской, 33 — Затон (а).
Городища: 2 — Юдинское, 6 — Давыдовское, 11 — Дворниковское, 12 — Карагаевское, 15 — Решетниковское, 18 — Словоцкое, 23 — Коловское, 24 — Рафайловское, 25 — Прыговское (а), 35 — Павлиново.
Могильники: 5 — Макушинский, 16 — Мысовской, 21 — Памятное, 26 — Прыговский, 27 — Лисья Гора (в). 28 — Абатский-3 (б), грунтовый могильник.
Находки керамики: 29 — Абатский-1, 30 — Мерген-6, 32 — городище Кип-4, 34 — Михайловское городище (г).
а — поселения и городища, б — грунтовый могильник, в — могильники, г — находки керамики.

толчком к трансформации их уклада. Причем под местными племенами, видимо, следует понимать носителей байтовской культуры, населявших лесостепное Тоболо-Ишимье и частично зону южной тайги на начальном этапе раннего железного века. С вторжением на эту территорию саргатских племен в V—IV вв. до н. э. часть их была ассимилирована, а часть — отнесена на север [Матвеева, 1987а, с. 11].

Другим компонентом кашинской культуры могла быть какая-то группа лесного приуральянского населения, мигрировавшая к востоку. Так, ближайшие аналогии кашинские и прыговские узоры находят в орнаментальных мотивах ананьинской культуры [Збруева, 1952, с. 63; Ашихмина, 1985, с. 10].

В пользу этого предположения свидетельствует совпадение некоторых деталей погребального обряда кашинских захоронений могильника Абатский-3 и памятников Удмуртского Прикамья II—V вв. н. э. Например: наличие вещей в коллективных захоронениях не у всех, а у одного-двух умерших; расположение отдельных вещей не в обычном для них месте; помещение культовых предметов в берестяные туески; обычай снимать у покойника пояс и укладывать его вдоль тела погребенного [Арматынская, 1987, с. 71, 72, 74].

Основным ядром кашинской культуры следует считать лесное Зауралье, расселение откуда происходило постепенно в направлении с запада на восток и юго-восток, но все более иссякающим потоком. В частности, памятники на р. Ишиме сравнительно поздние.

На протяжении всего существования кашинской культуры ее носители поддерживали тесные контакты с саргатами. В большинстве саргатских памятников севера лесостепи и южной тайги найдена кашинская керамика, и наоборот. В Приишимье такая взаимовстречаемость отмечена на поселениях Ст. Погост, Мерген-6, в могильниках Абатский-1, 3. В Приоболье это Юдинское, Рафайловское, Прыговское городища; Кашинское селище; поселения Ипкуль XV, Мысовское-3, Дуванское II и VI, Верхне-Ингалский Борок-2; могильники Мысовской, Памятное, Прыговское, у ст. Курганской, Лисья Гора. Причем в ряде памятников наблюдается взаимовстречаемость кашинских и саргатских орнаментов на одном сосуде. Например, сочетание орнаментов из крупногребенчатого зигзага или наклонных отпечатков по шейке с резными фестонами на плечиках отмечено в керамике Макушинского кургана, Кашинского селища [Викторова, Кернер, 1987, рис. 2, 6], Рафайловского городища.

Столь длительные и регулярные контакты в политическом аспекте могут объясняться зависимым положением населения южной тайги от саргатского и, видимо, существованием даннических отношений, поддерживавших могущество лесостепных племен.

Пока ещё немногочисленные кашинские материалы не дают оснований для однозначных суждений об этнической принадлежности древнего населения. Но факты раннего появления шнуровой орнаментации и сосуществования ее с гребенчатой могут быть истолкованы в пользу угорской версии, так как эти черты позднее являются характерными для уральских комплексов петрогромского, юдинского и макушинского типов, считающихся древнемансийскими [Чернецов, 1957, с. 136—245; Могильников, 1987, с. 163, 177, 179]. В особенности явные параллели просматриваются в макушинских и прыговских орнаментах: те же разреженные горизонтальные отпечатки шнура на шейке и плечиках, специфичный узор “подковки”, но при существенно различающихся формах сосудов. Любопытны сюжеты объемного культового литья: это медведь и заяц, известные нам как символы обско-угорских фратрий. Аналогии погребальному обряду кашинских захоронений могильника Абатский-3 видим в памятниках молчановского типа в Зауралье, где также известны парные и коллективные погребения группами в ряд, неглубокие, без четко фиксирующихся могильных ям, например Перейминский могильник [Могильников, 1987, табл. LXVII].

Все это позволяет предположить, что сложение культурного комплекса юго-западной группы угров могло начаться ещё в раннем железном веке. Следует учитывать, что именно ранний железный век был последним периодом интенсивных контактов угорской и иранской общностей, наиболее ярко отразившихся в языке и мифологии манси. По-видимому, можно утверждать, что контакты эти осуществлялись племенами южно-таежной зоны Урала и Зауралья, включая Тоболо-Ишимье, с этносами, входившими в состав сарматского и саргатского объединений. Наш вывод согласуется с мнением П.Хайду, считавшего, что “...разделение прамансийского и прахантыйского языков началось в последних веках до нашей эры и завершилось в первые века нашей эры” [1985, с. 36]. Видимо, процессу перерушировки южно-таежной части обских угров способствовали активные передвижения их северных и южных соседей — носителей кулайской и саргатской культур.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культурно-историческая схема развития Приишимья в раннем железном веке представляется следующей. На основе местных культур эпохи поздней бронзы бархатовской и сузгунской в лесостепи складывается байтовская, а в подтаежной зоне появляются памятники журавлевского типа. Некоторое сходство тех и других обусловлено общим для их предков генетическим андроновским компонентом в субстрате, а также влиянием на бархатовское население соседнего сузгунского, однонаправленными эволюционными изменениями и воздействием скифо-сибирского мира.

Продвинувшиеся с севера в южную тайгу и лесостепь в VIII—VII вв. до н. э., в переходную эпоху от бронзового века к железному, красноозерские племена охотников, рыболовов и скотоводов не смогли надолго закрепиться здесь и были постепенно ассимилированы. При этом на формирование байтовской общности они не оказали существенного влияния, очевидно, в силу значительных различий этнического облика и хозяйственно-культурного типа. А некоторое воздействие на южно-таежное население ощущается в новых чертах журавлевского гончарства. Это может быть обусловлено большей близостью хозяйственно-культурных типов и этнических компонентов носителей сузгунской и красноозерской культур между собой.

В дальнейшем, в VI—IV вв. до н. э., автохтонное развитие этнокультурных образований Приишимья было прервано из-за включения их в орбиты других, более мощных этнокультурных общностей раннего железного века Западной Сибири — саргатской и кулайской, граница между которыми проходила в таежной зоне. Населявшие лесостепь носители байтовской культуры частью вошли в состав саргатского этнополитического объединения, частью были оттеснены на север. Под влиянием кулайской культуры журавлевская традиция трансформируется в богочановскую, связанную, видимо, с древнесамодийской общностью.

Контактной зоне тайги и лесостепи всегда были присущи большая мозаичность и разнообразие культурных образований. Поэтому на основе байтовского компонента при участии каких-то западных уральских мигрантов в низовьях Тобола, Вагая, Ишима сформировалась праугорская кашинская культура.

В целом историко-культурное развитие Приишимья определяло саргатское раннепотестарное объединение. Экономическая стабильность, достигнутая за счет комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства с высокой долей промыслов и ремесел, способствовала усложнению социальных отношений и формированию иерархически устроенного общества с начальными видами эксплуатации. Выгодное географическое положение и высокий уровень военной техники и организации позволили саргатам взять под свой контроль и активизировать межплеменную торговлю на караванных путях Северного Казахстана и юга Западной Сибири, являвшихся ответв-

лениями Великого Шелкового пути. Аккультурация, которой подверглись племена подтаежной зоны, входившие в контакт с саргатской общностью, может свидетельствовать в пользу сложившейся политической зависимости или даннических отношений к саргатам.

Нам представляется, что в свете нынешних данных этническая принадлежность саргатской культуры может определяться как иранско-угорская, со значительным преобладанием иранских компонентов разного возраста, как древних, субстратных, так и новых, за счет включений сакских и южно-уральских мигрантов. Сакское происхождение родовой знати облегчило ей торговые, брачные, дипломатические контакты со скифо-сибирским миром и, в некоторой степени, поставило в зависимость историю саргатского этнополитического объединения от событий в Великой степи. Видимо, участием саргатских военных дружин в стычках государств Казахстана и Средней Азии следует объяснять появление хуннских изделий, проникновение разведывательных отрядов, оставивших единичные захоронения гуннского типа (например, в Барабе), а в первые века нашей эры — отток значительной части саргатского населения из лесостепи.

К сожалению, многие аспекты саргатской истории продолжают оставаться не ясными, в том числе не решены такие принципиальные проблемы, как механизм сложения культуры, судьбы ее носителей. И хотя потомки ее в археологических культурах достоверно не определены ввиду малоизученности второй половины I тысячелетия н.э. в западно-сибирской лесостепи, с полной уверенностью можно сказать, что именно с саргатской общностью связаны многие иранские заимствования в языке и культуре обских угров.

Ранний железный век был последней эпохой проживания в Сибири иранских народов и, тем самым, угро-иранских контактов. В качестве субстратных элементов осколки саргатских племен в значительной мере повлияли на сложение угорских и, отчасти, самодийских, этносов. Таким образом, период I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. является одним из начальных этапов этногенеза современных народов Западной Сибири, а носители археологических культур того времени участвовали в формировании угров и самодийцев лесостепной и южнотайской зоны.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. — Новосибирск: Наука, 1985. — С.109—130.
- Акишев К.А. Памятники старины Северного Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР — 1959. — Т.7: Ахеология. — С. 3—31.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. — М.: Наука, 1975. — Ч.1. — 120 с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. — М.: Наука, 1978. — Ч. 2. — 120 с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. — М.: Наука, 1982. — Ч. 3 — 104 с.
- Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. — М.: Наука, 1989. — 136 с.
- Арматинская О.В. Жервенные комплексы в погребальных памятниках Удмуртского Прикамья II—V вв. н. э. // Новые археологические исследования на территории Урала. — Ижевск: 1987. — С. 69—75.
- Археология УССР. Киев: Наукова думка. — 1985. — Т. 1: Первобытная археология. — 569 с.
- Астраханский В.С. Неизвестная статья В.Н. Татищева // СА. — 1983. — N 2. — С. 253—256.
- Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье // Серия препринтов. — Сыктывкар: Комифилиал АН СССР, 1985. — Вып. 119. — 26 с.
- Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V—VIII вв. до н. э. — Томск: Изд-во ТГУ, 1983. — 246 с.
- Бельтикова Г.В. Иткульские поселения // ВАУ. — 1977. — Вып. 14. — С. 119—133.
- Бельтикова Г.В., Борзунов В.А., Корякова Л.Н. Некоторые проблемы археологии раннего железного века Зауралья и Западной Сибири // ВАУ. — Екатеринбург. — 1991. — Вып. 20. — С. 102—114.
- Бокоренко Н.А. Бронзовые котлы эпохи ранних кочевников в азиатских степях // Проблемы западно-сибирской археологии. — Новосибирск: Наука, 1981. — С. 42—52.
- Борзунов В.А., Сосновкин И.Н. К вопросу о гипотезах происхождения гамаюнской культуры // Вопросы археологии Приобья. — Тюмень: 1979. — С. 106—117.
- Бородовский А.П. К вопросу о керамике, имитирующей швы кожаной посуды // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири / НГПИ. — Новосибирск, 1983. — С. 51—56.
- Брыкина Г.А., Горбунова Н.Г. Железные наконечники стрел из Ферганы // Древности Евразии в скифо-сарматское время. — М.: Наука, 1984. — С. 28—36.
- Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокзель в 1962 году (погребения казылганской и сыын-горекской культур) // Тр. Тув. КААЭЭ. 1962—1966. — Л.: Наука, 1970. — Т. III. — С. 7—79.
- Викторова В.Д., Кернер В.Ф. Памятники эпохи железа у озера Осинового // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири / Урал. гос. ун-т. — Свердловск, 1988. — С. 129—141.
- Вишневская О.В. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII—V вв. до н. э. — М.: Наука, 1973. — 160 с.
- Вязьмитина М.И. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка // Вопросы скифо-сарматской археологии. — М.: Изд-во АН СССР, 1954. — С. 215—242.
- Вязьмитина М.И. Золотобалковский могильник. — Киев: Наук. думка, 1972. — 192 с.
- Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. — Ижевск: Удмурткнигоиздат, 1958. — 192 с.
- Генинг В.Ф. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры // ВАУ. — 1962. — Вып. 2. — С. 5—52.
- Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // ВАУ. — 1970. — Вып. 10. — 224 с.
- Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э. // Проблемы археологии и древней истории угров. — М.: Наука, 1972. — С. 221—295.

- Матвеева Н.П. Райловское городище — памятник саргатской культуры Среднего Приобья // СА. — 1993б. — № 1. — С. 148—163.
- Матвеева Н.П., Опенко И.Ю. Роговая бляха с гравированным изображением из Абатского-3 могильника // Проблемы изучения саргатской культуры. — Омск, 1991. — С. 41—45.
- Матющенко В.И. Об отношении саргатского населения к так называемому "скифо-сибирскому историческому единству" // Проблемы изучения саргатской культуры. — Омск, 1991. — С. 14—16.
- Матющенко В.И., Спирина И.В. Древние сокровища Сибири. Каталог выставки. — Омск, 1988. — 50 с.
- Медведев А.П. Погребение позднесарматского времени на верхнем Дону // Древности Евразии в скифо-сарматское время. — М.: Наука, 1984. — С. 183—187.
- Медведев А.П., Пляхин А.Д. Чертовичский могильник // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тыс. н. э. — Воронеж, 1983. — С. 101—128.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. — Т. 1. — 607 с.
- Могильников В.А. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири / Томск. гос. ун-т. — Томск, 1970. — С. 172—190.
- Могильников В.А. Коконовские и саргатские курганы — памятники племен лесостепи Западной Сибири // МИА. — 1972а. — № 153. — С. 119—133.
- Могильников В.А. К вопросу о саргатской культуре // Проблемы археологии и древней истории ургов. — М.: Наука, 1972б. — С. 66—86.
- Могильников В.А. К этнокультурной характеристике Западной Сибири в эпоху раннего железа // Из истории Сибири / Томск. гос. ун-т. — Томск, 1973. — Вып. 7. — С. 175—189.
- Могильников В.А. Тюрки // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. — М.: Наука, 1981. — С. 29—43.
- Могильников В.А. Об этническом составе культур Западной Сибири в эпоху железа // Этнокультурные процессы в Западной Сибири / Томск. гос. ун-т. — Томск, 1983. — С. 77—89.
- Могильников В.А. Взаимоотношение кулайской и саргатской культур // КСИА. — 1986. — Вып. 186 — С. 25 — 29.
- Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. — М.: Наука, 1987. — С. 165—245.
- Могильников В.А. Работы Алтайской экспедиции // АО 1986. — М.: Наука, 1988. — С. 247—248.
- Могильников В.А. Этнокультурная история Западной Сибири в средние века: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. — М.: ИА АН СССР, 1990. — 48 с.
- Могильников В.А. Некоторые проблемы изучения саргатской культуры // Проблемы изучения саргатской культуры / Омск. гос. ун-т. — Омск, 1991. — С. 8—14.
- Могильников В.А., Данченко Е.М., Труфанов А.Я. Богочановское городище и проблемы культурной стратификации лесного Прииртышья в эпоху поздней бронзы и раннего железа // СА. — 1991. — № 3. — С. 196—220.
- Могильников В.А., Куйбышев А.В. Курганы "Камень" по раскопкам 1976 г. // СА. — 1982. — № 2. — С. 113—134.
- Могильников В.А., Медникова Э.М. Находки металлических изделий раннего железного века из Новообинки // СА. — 1985. — № 1. — С. 179—185.
- Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. — Новосибирск: Наука, 1980. — 208 с.
- Мошкова М.Г. Раннесарматские бронзовые пряжки // МИА. — 1960. — № 78. — С. 293—307.
- Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. — М.: Наука, 1963. — Вып. Д1—10. — 56 с.
- Мошкова М.Г. Культурные сооружения Лебедевского могильника // Древности Евразии в скифо-сарматское время. — М.: Наука, 1984. — С. 196—201.
- Мошкова М.Г., Генинг В.Ф. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. — М.: Наука, 1972. — С. 87—118.
- Оборин В.А. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. — Пермь: Пермское кн. изд-во, 1976. — 190 с.
- Обряды народов Сибири. — М.: Наука, 1982. — 240 с.
- Овчинникова Б.Б. О зауральских памятниках сызвенской этнокультурной области конца I — начала II тысячелетия н. э. // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск, 1987. — С. 133—143.
- Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской императорской академии наук. — СПб., 1786. — Ч. 2, кн. 2. — 571 с.
- Панфилов А.Н., Зах Е.М., Зах В.А. Боровлянка-2 — памятник неолита и переходного от бронзы времени в Нижнем Приишье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири / ТюмГУ. — Тюмень, 1991. — С. 25—50.
- Парович-Пешан М., Некрополь О. Оливии эллинистического времени. — Киев: Наук. думка, 1974. — 220 с.
- Погодин Л.И. К характеристике погребального обряда саргатской культуры // Источники и историография. Археология и история. — Омск, 1988. — С. 27—36.
- Погодин Л.И. Проблема исторической судьбы саргатской культуры // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала / Урал. гос. ун-т. — Екатеринбург, 1993. — С. 175—178.
- Полосымак Н.В. Бараба в раннем железном веке. — Новосибирск: Наука, 1987. — 144 с.
- Полосымак Н.В., Гребнев И.Е. Особенности естественно-географической среды и хозяйственная деятельность населения Барабы в раннем железном веке // Палеоэкономика Сибири. — Новосибирск: Наука, 1986. — С. 75—79.
- Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Приобья. — М.: Наука, 1985. — 376 с.
- Пшеничников А.Х. Культура ранних кочевников Урала. — М.: Наука, 1983. — 200 с.
- Райлов В.В. Сибирские древности // Материалы по археологии России. Сиб.: изд-во ИАК, 1891. — № 5. — Т. 1, вып. 2. — С. 71—80.
- Рапопорт Ю.А., Трудновская С.А. Курганы на возвышенности Чаш-Тепе // Кочевники на границах Хорезма. — М., 1979. — С. 151—166.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — 490 с.
- Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I // САИ. — 1962. — Вып. Д3-9. — 79 с.
- Савинов Д.Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск: Наука, 1981. — С. 46—162.
- Сальников К.В. Хорезмийская тамга в Зауралье // Тр. Хорез. археолого-этнографической экспедиции. — М.: Наука, 1952. — Т. 1. — С. 193—196.
- Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. — М.: Наука, 1967. — 408 с.
- Сидоров Е.А. О земледелии ирменской культуры // Палеоэкономика Сибири. — Новосибирск: Наука, 1986. — С. 54—66.
- Симоненко А.В. Сарматские мечи и кинжалы на территории Северного Причерноморья // Вооружение скифов и сарматов. — Киев: Наук. думка, 1984. — С. 129—147.
- Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. — 1959. — № 60. — С. 39—205.
- Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. — 1961. — № 101. — 164 с.
- Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. — М.: Наука, 1984. — 184 с.
- Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. — 1963. — Вып. Д1—9. — 70 с.
- Смирнов Н.Г. Ландшафтная интерпретация новых данных по фауне андроновских памятников Зауралья // ВАУ. — 1975. — Вып. 13. — С. 32—41.
- Соколовский Н.И. Боспорские мечи // МИА. — 1954. — № 33. — С. 123—196.
- Сорокин С.С. О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК. — 1956. — Вып. 64. — С. 3—14.
- Сорокин С.С. Погребения эпохи Великого переселения народов в районе Пазырыка // АСТЭ. — 1977. — Вып. 18. — С. 57—65.
- Сосновкин И.Н., Коротаев В.П. Клад бронзовых вещей городища Барсов городок-1/9 // Вопросы истории Западной Сибири / Тюмен. гос. ун-т. — Тюмень, 1974. — С. 112—119.
- Софронов В.А. Индоевропейские прародины. — Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1989. — 402 с.
- Спицын А.А. Древности Камской Чуды // МАР. — 1902. — № 26. — 109 с.
- Стоянов В.Е. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века // КСИА. — 1969а. — Вып. 119. — С. 52—61.
- Стоянов В.Е. Узловское поселение // ВАУ. — 1969б. — Вып. 8 — С. 65—89.
- Стоянов В.Е. Классификация и периодизация западно-сибирских лесостепных памятников раннего железного века // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири / Томск. гос. ун-т. — Томск, 1970. — С. 38—153.
- Стоянов В.Е. Носилово II поселение // ВАУ. — 1975. — Вып. 13. — С. 115—138.
- Сыркина И.А. Исследование Борковского городища // АО 1979. — М.: Наука, 1980. — С. 237.
- Сыркина И.А. Исследование Усть-Барсуцкого поселения // АО 1980. — М.: Наука, 1981. — С. 215.
- Таиров А.Д. Ранние кочевники Южного Зауралья и сакский мир в VII—II вв. до н. э. // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. — Екатеринбург, 1993. — С. 200—204.
- Талицкая И.А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. — 1953. — № 35. — С. 242—357.
- Тереножкин А.И. Киммерийские мечи и кинжалы // Скифский мир. — Киев: Наук. думка, 1975. — С. 3—34.

- Тереножкин А.И., Мозоловский Б.И. Мелитопольский курган. — Киев: Наук. думка, 1988. — 208 с.
- Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. — Новосибирск: Наука, 1979. — 128 с.
- Троицкая Т.Н. Одиновская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы западно-сибирской археологии. — Новосибирск: Наука, 1981. — С. 101—119.
- Хабдулина М.К. Курган раннего железного века у с. Кенес // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. — Алма-Ата, 1976. — С. 196—201.
- Хабдулина М.К. Поселение Борки-1 // Гуманитарные науки / Караг. ун-т. — Караганда, 1975. — Вып. 2. — С. 276—282.
- Хабдулина М.К. Погребальный обряд населения раннего железного века Северного Казахстана VIII—II вв. до н. э. // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск, 1987. — С. 3—24.
- Хабдулина М.К. Городище Ак-Тау в Северном Казахстане (V—III вв. до н. э.) // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. — Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР; ТюмГУ, 1989. — С. 196—197.
- Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. — 1963. — № 9. — С. 58—71.
- Хайду П. Уральские языки и народы. — М.: Прогресс, 1985. — 430 с.
- Халикова Е.А. Раннесвенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. — 1976. — № 3. — С. 141—156.
- Чернецов В.Н. Опыт типологии западно-сибирских кельтов // КСИИМК. — 1947. — № 26. — С. 65—78.
- Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. — 1953. — № 35. — С. 65—78.
- Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. // МИА. — 1957. — № 58. — С. 136—245.
- Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа / Томск. ун-т. — Томск, 1984. — 256 с.
- Членова Н.Л. Археологические материалы к вопросу об иранцах доскифской эпохи и индоиранцах // СА. — 1984. — № 1. — С. 88—103.
- Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. — 1959. — № 60. — С. 323—523.
- Яблонский Л.Т. Проблема формирования саков Южного Приаралья // СА. — 1991. — № 1. — С. 72—89.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Борзунов В.А. Отчет об археологических исследованиях в Тюменской и Свердловской областях в 1986 г. — АИА РАН, р-1, № 11406.
- Викторова В.Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья. Дис. ... канд. ист. наук. — Свердловск, 1969. — АКА УрГУ, ф. III, д. 189.
- Генинг В.Ф. Отчеты Ишимского отряда Уральской археологической экспедиции 1963 г. — АИА РАН, р-1, № 2718.
- Зданович Г.Б., Набоков С.Ф. Отчет о полевых исследованиях Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1969 г. Петропавловск, 1970. — Т. II — АКА УрГУ, ф. 11, д. 80.
- Мошкова М.Г. Отчет о раскопках Абатских курганов Уральской экспедицией в 1963 г. — АИА РАН, р-1, № 2979, 2979а.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИА	— Архив Института археологии РАН
АКА	— Архив кабинета УрГУ
АО	— Археологические открытия
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭБ	— Археология и этнография Башкирии
ВАУ	— Вопросы археологии Урала
ВДИ	— Вестник древней истории
ИА РАН	— Институт археологии РАН
ИИФиФ СО РАН	— Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН
ИИАИ	— Известия лаборатории археологических исследований Кемеровского университета
ИПОС СО РАН	— Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН
КА УрГУ	— Кабинет археологии Уральского государственного университета
КОКМ	— Курганский областной краеведческий музей
КСИА	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии РАН
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
ЛО ИА АН СССР	— Ленинградское отделение Института археологии
МАР	— Материалы по археологии России
МИА	— Материалы по археологии СССР
НГПИ	— Новосибирский государственный педагогический институт
ПИДО	— Проблемы истории доклассовых обществ
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СЭ	— Советская этнография
ТГУ	— Томский государственный университет
ТИИАЭ АН КазССР	— Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
ТИЭ	— Труды Института этнографии РАН
ТСА РАНИОН	— Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
Тув. КАЭЭ	— Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция
ТюмГУ	— Тюменский государственный университет
ТюмОКМ	— Тюменский областной краеведческий музей
УАМ ТюмГУ	— Учебный археологический музей Тюменского государственного университета
УрГУ	— Уральский государственный университет им. А.М. Горького
УрО РАН	— Уральское отделение РАН

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ПРИИШИМЬЕ	6
Глава II. САРГАТСКАЯ КУЛЬТУРА	12
1. Памятники	—
2. Некоторые аспекты истории древнего Приишимья	108
Глава III. КАШИНСКАЯ КУЛЬТУРА	129
Заключение	143
Литература	145
Список сокращений	151

Научное издание

Матвеева Наталья Петровна

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ПРИИШИМЬЯ

Редакторы Л.Ф. Романова, Т.В. Романенко

Художник А.И. Смирнов

Художественный редактор Л.Л. Мордахович

Технический редактор Л.П. Минеева

Корректоры С.М. Позудина, Л.А. Шербакова

Оператор электронной верстки И.В. Меретина

ИБ № 699

ЛР № 020297 от 27.11.1991.

Сдано в набор 24.02.94. Подписано в печать 25.05.94. Бумага типографская № 2. Формат 70×100 1/16. Гарнитура таймс.
Офсетная печать. Усл. печ.л. 12,4. Уч.-изд. л. 13. Тираж 600 экз. Заказ № 97.

Ордена Трудового Красного Знамени ВО "Наука", Сибирская издательская фирма. 630099 Новосибирск,
ул. Советская, 18.

Оригинал-макет изготовлен на настольной издательской системе.

Новосибирская типография № 4 ВО "Наука". 630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.